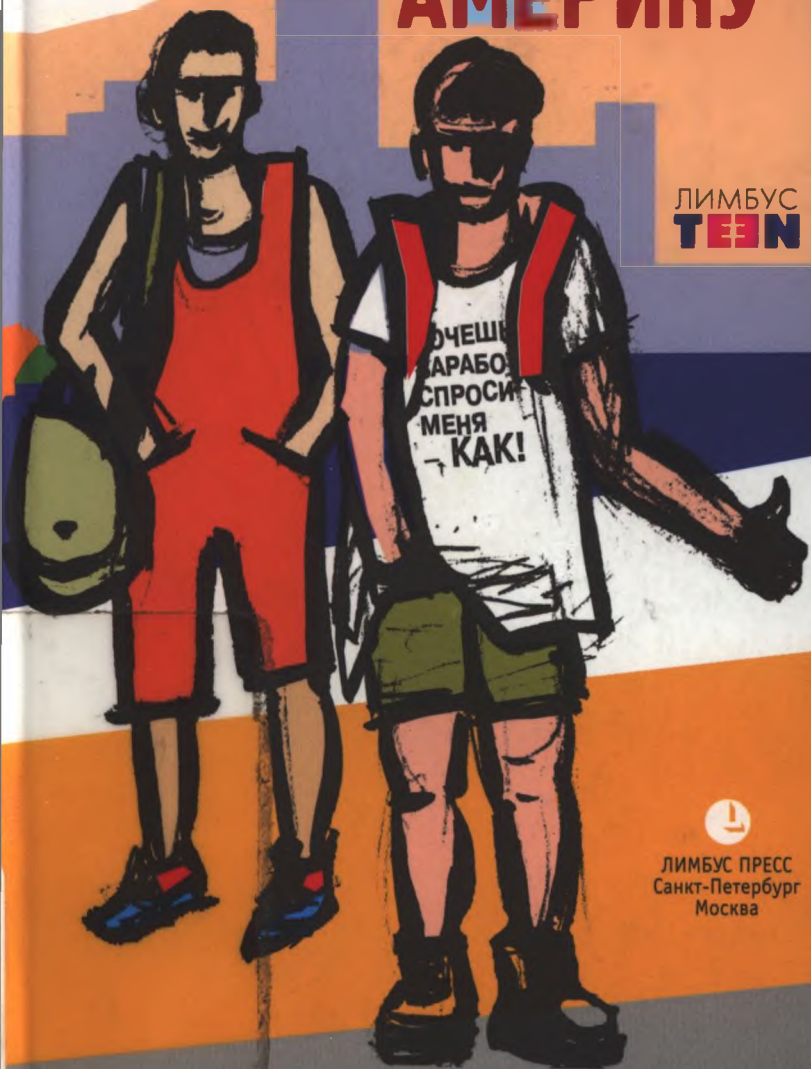

Александр СНЕГИРЕВ
**КАК МЫ БОМБИЛИ
АМЕРИКУ**

ЛИМБУС
TEEN

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

Александр Снегирев

**КАК МЫ БОМБИЛИ
АМЕРИКУ**

РОМАН

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург · Москва

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6
С 53

Александр Снегирев

С 53 Как мы бомбили Америку: Роман. – СПб.: Лимбус
Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2007. – 256 с.

Действие романа Александра Снегирева разворачивается в Америке, куда два московских студента отправляются на лето: один – «срубить бабки», другой – путешествовать. Это динамичная авантюрная история, написанная живо и остро, с предельной откровенностью, на которую способен настоящий талант.

Александр Снегирев – лауреат премии «Дебют» 2005. Роман «Как мы бомбили Америку» отмечен в 2007 году премией Союза писателей Москвы «Венец».

ISBN 978-5-8370-0483-4

© ООО «Издательство К. Тублина», 2007

© А. Веселов, оформление, 2007

www.limbus-press.ru

*Посвящается Оле, Юхану
и той Америке, которую я люблю*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЬЮ-ЙОРК

Мы долетели! Ура! Мы долетели... Ранним вечером, когда все покрывается золотистым блеском, мы, уставшие и довольные, шли по тротуару верхнего Бродвея и нам казалось, что впереди только счастье. Таможенники не попросили нас выбросить продукты питания и не произнесли знаменитую фразу «вэлком ту Юнайтед Стейтс». Парень в форме и с проколотой бровью уточнил, кем я собираюсь работать. Я принялся было объяснять на плохом английском, тряся мятыми документами, но парень отмахнулся и пропечатал мой паспорт. Проникновение в великую страну осуществилось не по законам, усвоенным из кино. Впрочем, это не отразилось на всем остальном. Остальное напоминало кинофильм.

По улицам разгуливали здоровенные негры в красных бейсболках и майках на вырост. Уж не знаю, выросли они или нет, вряд ли. За стеклами кафе восседали бабушки этих негров в розовых шляпах и чинно пили кофе, недоброжелательно поглядывая на белых ровесниц,

случайно оказавшихся за соседним столиком. Повсюду сновали черные: черные желтоватые, черные шоколадные, иссиня-черные и черные-пречерные. В общем, на любой вкус.

Навстречу неслись велосипедисты всех рас и цветов. Тихо скользили роскошные автомобили. Повсюду виляли аппетитные дамские попки: то прикрытые легчайшими тканями, то обтянутые напористыми джинсами. Швейцары в фуражках мыли тротуары у парадных. За витринами сверкающих бутиков мелькали красавицы-продавщицы так и искушающие вас отдать им все до последнего цента. В первые дни мы старались поспевать в ногу с этим гигантским городом, а заодно жадно пожирали глазами все вокруг.

Мы – это я и мой друг Юкку. По правилам имя Юкку не склоняется, но все русские, и я тоже, склоняем его как хотим. Я зову друга то Юкка, то Юк. Нам обоим стукнуло двадцать один, и мы впервые оказались в Соединенных Штатах. Мы были студентами, и каждый имел свои виды на Америку. Хозяйственный Юкка планировал заработать на новые зубы для своей матери-эстонки. Я же приехал без конкретной финансовой цели. Деньги мне, конечно, не помешали бы, но на что их тратить я тогда не знал.

Юкка – мускулистый блондин. Девчонкам всегда нравился его пресс, чему я тайно завидовал. Он никогда не качался, а пресс имел, как в журналах. Я же выжимал из себя все соки изнурительными упражнениями, но такого прес-

са добиться не мог. Юкка обладал манерой сосредоточенно курить, как человек, имеющий четкий жизненный план.

Я – коротко стриженный шатен, выше среднего роста, с походкой и видом бездельника, несмотря на то, что отец полковник в отставке. Не курил. Одевались мы так: я – в оранжевый комбинезон на голое тело, Юкка – в черные ботинки и шорты. Мы строили грандиозные планы, а пока нас до глубины души поражало все вокруг.

Меня застали врасплох две вещи; первая относилась к языку. Местные бомжи и собаки понимают английский. В России я не видел ни одного бездомного забулдыги, свободно болтающего на языке Шекспира. О наших собаках и говорить не приходится. В Нью-Йорке же бездомные юродивые плели что-то по-английски, а псы реагировали на команды, которых даже я не понимал. Такой вот это англоязычный город, Нью-Йорк.

Вторым пунктом моего удивления стал повсеместный прием и выдача бумажных долларов абсолютно непотребного вида. Доллары мятые, грязные и побывали бог знает в каких руках. По привычке я отпирался, когда, расплачиваясь хрустящими московскими бумажками, на сдачу получал измятую лапшу.

– У меня же их нигде не примут, ребята! – кассирши смотрели на меня большими глазами, явно не понимая смысла этих слов. Полагаю, что меня принимали за обкурившегося идиота. Но я не виноват. У нас ведь как: если зеленая

бумажка не только что с конвейера, дамочки в обменниках начинают презрительно фыркать и бурчать что-то про комиссионные. Или, что еще хуже, отсылают в какое-нибудь захолустное отделение Сбербанка, где вас обложат штрафами и сделают большое одолжение, обменяв на рубли «эту рвань».

Постепенно я привык. Англоговорящие бомжары и псы перестали шокировать, а баксы я стал лихо распахивать по карманам, не заботясь об их, баксовом, лоске. Оказывается, чудеса могут быстро превратиться в обыденность.

ПЕРВОЕ УТРО В НЬЮ-ЙОРКЕ

Нашу поездку устроило агентство «Хочешь разбогатеть – спроси меня как!». Они занимались отправкой студентов на летние заработки в Штаты. В первую ночь нас разместили в чистеньком хостеле в районе Колумбийского университета. Я проснулся часа в два и уже не мог заснуть, разница во времени давала о себе знать. Юкка сладко дрых, а я изнывал от скуки, перебирая в памяти прошлый день. В Шереметьево мы перепутали залы ожидания и чуть не опоздали на самолет. Случилось следующее. Мы сидели себе и дивились, как мало народу летит в Нью-Йорк. Напротив нас находилась парочка миленьких девочек, с которыми мы очень скоро начали переглядываться. Путешествие уже было начало казаться романтическим приключе-

нием, когда одна девочка, томно вздохнув, спросила другую:

– Интересно, какая сейчас погода в Барселоне?

– Жара... – страстно произнесла другая и стрельнула в меня глазками. Я не ответил. Вместо этого мы переглянулись с Юккой. «Какая, на хрен, Барселона???!!!» – прочел я в его глазах. Не сговариваясь, мы подхватили сумки и ринулись на поиски своего самолета, посадка в который к тому моменту заканчивалась. Покинутые красавицы с сожалением смотрели вслед, а у нас не было даже времени подмигнуть на прощанье. После я понял – это был знак.

В самолете мы безо всякой меры нагрузились холодным белым вином и слегка простыли. Так что, лежа в нью-йоркской кровати, я тихонько покашливал. От скуки меня спасло раннее летнее утро. За окном стало сереть, а потом свет начал разбавлять темноту все сильнее и сильнее, и вскоре его концентрация достигла ста процентов. Я уселся на подоконник. Это было мое первое утро в городе великих возможностей. Как я понял потом, для меня это было заодно и последнее спокойное, мирное утро в этой стране. Я смотрел на птичек, клюющих тротуар, на голого худого негра, кутающегося в полиэтиленовые пакеты прямо под окном. Негр был стар и явно мучился от похмелья. Утренний холодок не давал ему покоя, но черный мусорный пакет – это вам не мягкий кашемир, в пакет особо не укутаешься. Наконец старикан

принял удобное положение и уснул. Рядом при- тормозила полицейская машина. До меня отчет- ливо доносились переговоры из их рации. По- лисмены изучали негра, решив, что он окочу- рился. Тут старик дрыгнул ногой сквозь сон, и копы, успокоившись, тронулись.

ЗАПАХ МЕТРО

Как было оговорено заранее, нас покормили завтраком. В роскошном университетском зале с темными панелями и старой резьбой органи- зовали «шведский стол». Синтезированное из порошка месиво, называемое омлетом, и пере- жаренные ломтики бекона, ободранного с боков генно-измененных свиней, подавали в качестве основного блюда. К этому прилагались кексы с искусственными красителями, йогурты с арома- тизаторами и яблоки, пахнущие полиэтиленом. Прекрасная идея «шведского стола» была по- прана американцами, как пакт Молотова-Риб- бентропа Гитлером. Повсюду царила лишь ил- люзия выбора. Я не гурман, я привык ко всему благодаря моей, вечно опаздывающей на рабо- ту, мамочке, которая кормила меня чем угодно, но только не химикатами. В то утро я чуть не блеванул. Сдержался. Мне еще надо было жить и работать в этой стране.

После завтрака боевая тетка с оптимизмом обрисовала перед нами радужные перспективы пребывания в Штатах. Огромный зал, запол-

ненный жаждущими приключений молодцами из Европы, гудел и мало интересовался ее словами. Тетка быстро свернулась, нам раздали буклеты с жизненно важными телефонами и отпустили на все четыре стороны. Я заглянул в буклет: федеральная справочная скорой помощи, федеральная справочная ночлежек, спасение от передоза... Презрительно скривившись, я сунул газетенку подальше. Хорошо, что не выкинул...

Мы съехали из хостела и отправились в Бруклин, на более дешевый ночлег, заранее найденный Юккой по Интернету. Чтобы добраться туда, мы впервые спустились в метро. Подземка удивляла больше, чем безразличие таможенников. Во-первых, это был ледник, во-вторых, зловонный ледник. Сразу вспомнилась школьная экскурсия в колбасный цех. Там был ангар-холодильник, где с потолка свисали сотни свиных туш. Нет, там не воняло тухлятиной или чем-то подобным. Там просто пахло мясными деликатесами. Только это был концентрированный до предела запах. Тогда я понял, что даже вкуснятина, возведенная в абсолют, может стать отравой. Тогда я понял, как пахнет смерть. В нью-йоркском метро пахло смертью, а еще отсыревшими бычками, блевотиной и поносом. У меня так пахло в квартире наутро после празднования восемнадцатилетия. Башка трещала, я сидел в сортире и силился понять, куда же мне деть горы пустых бутылок и окурки, плавающие в стаканах.

Сами понимаете, восемнадцатилетие бывает раз в жизни, а в колбасные цеха обыкновенным людям регулярно ходить не надо. Метро же вещь столь обыденная, что без нее никуда, даже если там холод и смрад. Мы попали в баню наоборот. Долго мерзнешь, чтобы потом выскочить в жару. Но пришлось взять себя в руки, выложить по одному зеленому с полтиной и трястись в стальном вагоне до нужной станции, зажав носы. Так как метро наполнено неграми, а мы морщились, то некоторые из них, озабоченные проблемами расизма, поглядывали с неодобрением. Наша дрожь, вызванная холодом, усилилась, мы начали дрожать еще и от страха. За мнимый расизм нас не побили. К тому моменту, когда пот на наших телах начал превращаться в лед, а запах вплотную подвел к обмороку, поезд остановился на нужной станции. Мы выпали из вагона.

От наших ног расползлся Вавилон. От ног потому, что мы стояли у перил эстакады, по которой грохотали стальные змеи поездов. Эстакаду соорудили в досварочную эпоху, поэтому она состояла из железных конструкций, скрепленных заклепками. Внизу, среди трех-четырёхэтажных зданий, копошился разношерстный люд. На горизонте в солнечном мареве плавись небоскребы Манхэттена. Мы спустились по дощатым ступеням.

За счет зеленого цвета и множества арок эстакада походила на восточные дворцы из сказок. Каждые три минуты ее сотрясал поезд. Мы двинулись вдоль, в поисках адреса.

ВТОРОЙ ХОСТЕЛ

Второе место нашего обитания находилось в двух шагах от станции метро. Окна комнаты выходили на метро-рельсы. Когда проезжал поезд, не слышно было собственного голоса. Кроме нас в комнате проживали еще пятеро парней. Спали на двухъярусных кроватях. Мне достался верхний. В районе головы в стене зияла черная дыра, в которую мог бы уползти небольшой ребенок.

– Прикинь, ночью оттуда вылезет крыса и отъест тебе башку! – пошутил Юкка.

Мне было не до шуток. Кто мог гарантировать, что из этой чертовой дыры и вправду не появится крыса и не сожрет меня, пока я буду спать? Эта дыра пугала меня, но неприятности приходят не оттуда, откуда ждешь.

Этажом выше жили девицы, две блондинистые немки-близняшки и аппетитная китаянка. Откуда такая информация? Рассказал рыжий ирландец, спящий на нижней койке. Мы бросили сумки и двинули в город на поиски работы.

Поезд довез нас до одной из центральных станций Манхэттена. Добрались мы с трудом. Если в Нью-Йорке ты сел на красную ветку, это еще не значит, что ты будешь все время по ней ехать. Поезда часто сворачивают и идут по какому-то только им понятному маршруту. Кроме того, некоторые станции они проезжают без остановок. Так что к воню и холоду добавляются еще элементы ориентирования в подземелье.

Игра на выживание всего за полтора доллара. Мы выиграли, вышли среди небоскребов.

Сам себе в тот момент я напоминал муравья, ползающего у корней дубов. Мы стояли среди толкающихся клерков, задрав головы, насколько позволяет шея, и неотрывно пялились на сверкающие в лучах солнца верхушки каменно-стеклянных айсбергов. Надо заметить, что слухи про безвкусицу тамошней архитектуры не соответствуют действительности. Архитектура в Нью-Йорке хоть и несоразмерна с человеком, но гармонична и подчас совершенна вплоть до мельчайших деталей. Небоскребы тридцатых напоминают куски алебаstra, стройные, со слоистой структурой. Стены подпирают колонны с капителями в виде листьев лотоса, с крыш рвутся стальные ястребы водостоков. Мы стояли некоторое время замороженные. Особенно здорово выглядели башни-близнецы. Словно сказочные рыцари, охраняющие вход в залив, а заодно и в весь Западный мир...

У нас возникла романтическая мечта – устроиться мойщиками окон в один из этих небоскребов. Сидишь себе в люльке на высоте птичьего полета и драишь стекла, за которыми подписываются контракты, решаются чьи-то судьбы или происходит любовная игра. Но в газетах таких объявлений не было. В них вообще ничего путного не предлагалось. По крайней мере для нас. Требовались только девочки-сиделки или выгуливальщики собак за копеечную плату.

Поужинали в Чайна-тауне. Домой вернулись уже в темноте. В животах переваривался рис, залитый пивом «Чинтао». Подходя к дверям, мы остановились, чего-то не хватало. Напротив тускло светилась алкогольная лавка.

Я дал суровому мужику сотню, получил девяносто с мелочью сдачи и здоровенную бутылку кислого калифорнийского шабли. Документа, подтверждающего мое двадцатиоднолетие, мужик не спросил. Мифы рушились на глазах. Подхватив бутылку, как гранату, мы направились штурмовать немок и аппетитную китайку.

НЕМЕЦКИЕ БЛИЗНЯШКИ И АППЕТИТНАЯ КИТАЯНКА

В общей гостиной собрались немногочисленные обитатели хостела, сползшиеся из города после жаркого дня. Здесь был ирландец Шон, ожидающий получить по знакомству работу вышибалы в баре одного из «близнецов», парочка смурных персон незапоминающегося пола и, конечно же, две одинаковые немецкие крестьянки и китайская пампушка. Они оказались и вправду загляденье: после трудового дня тевтонки готовили ужин, а азиатская лентяйка развалилась на диване. Я грохнул на стол шабли, компания оживилась.

По ходу выпивки языки у всех стали развязываться, и атмосфера заметно потеплела. Оказалось, что немки работают бэби-ситтерами на

Манхэттене, а китайка ни черта не делает, просто торчит в городе, пока не решится отчалить к родственникам в Денвер. Мы рассказали, что не можем найти работу, никто ничего посоветовать не смог.

– А я не знала, что русские бывают темноволосыми, – китайка придвинулась ко мне. Ее крепкая, напористая грудь уперлась в мое плечо.

Я промычал:

– Таких, как я, в России мало, я необычный. Китайка возбуждала во мне интерес! Очень даже возбуждала. Но в тот вечер сабли особенно сильно ударило в голову. Хотелось спать. Тяжелый день, восьмичасовая разница во времени, жара... Я приобнял девчонку.

Тем временем Юкка перешел к решительным действиям.

– Красивая татуировка. – Он провел пальцем по сердечку на плече одной из близняшек.

– У меня такая же, – хихикнула другая.

– Вот как, а где?

– Показать?

– Валяй.

Немка увлекла Юкку в санузел. Сестричка последовала за ней.

Шон пьяно присвистнул.

– Вот русский сукин сын!

Китайка навалилась на меня всем телом и глубоко поцеловала. От сонливости я не сразу среагировал, но быстро включился и с наслаждением ответил на поцелуй. Тем временем щелкнула задвижка сортира и оттуда донеслась ха-

рактерная возня. Строители явно сэкономили на звукоизоляции.

– Укуси меня, – услышал я Юккин английский из-за стенки и полез китайке под майку. Юкка вскрикнул – видать, обе немочки цапнули его как следует.

– А теперь ударь меня и скажи «красная свинья»! – потребовал Юкка. Немки пьяно рассмеялись, но выкрикнули что-то на своем сексуальном языке. Раздались звуки пощечин.

«Молодец парень, хорошая идея», – подумал я и принялся ласкать грудь моей подопечной. Китайка застонала. Надо отметить, что грудь у нее была что надо. Крепкая, округлая. Но, как назло, меня снова стало вырубать.

– А теперь повернитесь. Вот так. О, да... – донеслось из-за стены. «Вот это уже по-нашему», – порадовался я за Юкку. Послышалось мерное сопение и позвякивание каких-то банных припиндалов. Китайка забралась мне в трусы. Я бодрился изо всех сил. Сознание орало «давай!», а тело стремительно погружалось в сон.

Каждое позвякивание за стенкой сопровождалось нарастающими стонами. Шон, сидящий на диване напротив, захрапел.

– Кричи: «Хайль Гитлер! Хайль Гитлер, русский партизан!» – скомандовал Юкка. Немки среагировали моментально. Будто всю жизнь ждали этого момента.

– Хайль Гитлер! Красные свиньи, вон из Европы! Германия воспрянет!!! Зиг хайль!!! А-а-а-аааа...

Фашистские лозунги перешли в оргазм. Даже Шон вскочил, но, поняв, что это не война, глупо улыбнулся и снова засопел.

Нам так много рассказывали про фашистов в школе, что с тех пор главным желанием Юкки, хоть он и эстонец наполовину, стало – трахнуть какую-нибудь фашистскую сволочь. Главное, чтобы погрудастее была и ругалась на своем солдатском языке. Патриотическое воспитание превратило нас в садомазохистов. Мысли мелькнули в голове быстрой ласточкой, и я вырубился.

Глупо, конечно, и с житейской точки зрения, и с сюжетной. Отволоки я тогда эту китаянку в пустующее помещение, было бы о чем писать, а так...

Меня растолкал Юкка. Было темно.

– Чувак, вставай, надо валить, – шипел он.

– Чего? Зачем? – спросонья не понимал я.

Чувствовалось, что физиономия распухла, а на щеке глубоко отпечатался рельеф диванного покрывала. Во рту мерзко горчило.

– Зачем валить, Юк? – жалобно простонал я.

– Эта сучка нажралась и впала в истерику.

Короче, она орет на втором этаже благим матом и говорит, что вызвала полицию!

– Какая сучка?

– Косоглазая!

– А что не так? – взмолился я, стирая рукавом натекающую изо рта слюну.

– Обозлилась, наверное, что ты ей не вставил, – усмехнулся Юк.

– А.... а ей разве не вставил? А зачем тогда полицию?

– Сказать, что ты ее изнасиловал! Вставай скорее!

– Бред какой-то. А откуда ты знаешь?

– Кристи и Эльза сказали. – Хитрая Юккина физиономия так и светилась в темноте от удовольствия.

– Какие еще Кристи и Эльза? – хотя уже на середине вопроса я вспомнил все эти «зиг хайль!» и понял, что речь идет о фашиствующим близняшках, которых Юкка, в отличие от меня, удовлетворил.

– Бля! – буркнул я. Обидно когда ничего не было, а тебя в изнасиловании обвиняют. Это Америка, тут к таким вещам относятся серьезно, да и зачем лишние проблемы с законом.

– Я все собрал, валим. – Юкка сунул мне в нос сумку, и я, теплый, ранимый, как любой внезапно разбуженный человек, поплелся за ним следом на цыпочках. Сверху доносились глухие подвывания китаянки. Из темноты появились Кристи и Эльза. Они нежно поцеловали моего друга. Я прислонился к косяку, меня мутило. Наконец прощание закончилось, и мы тихонько спустились по лестнице, открыли дверь и скользнули в раннее нью-йоркское утро.

СВОИ

В Америке везде установлены кондиционеры. Летом на улице стоит жара, а в помещениях – невыносимый холод. В то утро мы плелись по

улицам Нью-Йорка, и из каждой открывающейся двери нас обдавало волной ледяного, могильного воздуха.

Просидев до открытия газетных ларьков на тротуаре, мы сразу купили парочку русских изданий. Соотечественники должны были стать для нас приютом и опорой в этом враждебном мире. Мы без труда обнаружили предложения жилья и вожделенной работы.

«Требуются мойщики окон», – прочел Юкка.

Также предлагались койки в хостеле, всего за семьдесят долларов в неделю. Такая цена была манной небесной.

– Сначала разурим работу, – скомандовал Юк. Мы зажали носы и ринулись в метро.

Офис располагался в районе сороковых улиц. Мы уточнили номер дома и поднялись по узкой, заставленной старой мебелью лестнице. Кроме нас на собеседовании присутствовали крепыш южнорусского вида и интеллигент лет сорока из Душанбе, как обнаружилось впоследствии. Говорил худощавый парень.

– У меня уважаемая фирма, все мои клиенты с Манхэттена, – первым делом произнес парень с одесскими интонациями. В слове «Манхэттен» к ним примешивался презрительный американский акцент. Получалось «Манхаттэн».

– Я выдаю вам дорогостоящий комплект оборудования, и вы ездите по вызовам.

– Это не то, что мы хотели, – шепнул я Юкке. – Мы хотели сидеть в люльках...

– Давай дослушаем.

– Комплект состоит из набора дорогостоящих щеток, специального ведра и страховочного бэлта, – работодатель начал примешивать английские слова в русскую речь. Типичный прием русскоязычных нью-йоркцев. – Бэлт стоит особенно дорого. Так как вы будете возить все оборудование с собой, а возвращаться придется поздно, то вас могут ограбить. А весь набор стоит полторы тысячи американ далларс!

Душанбинский интеллигент трагически нахмурился. Крепыш лицом не изменился. Мы с Юккой переглянулись.

– Если вас ограбят, кто возместит мне потерю дорогостоящего оборудования?! А? Я вас спрашиваю! – работодатель обвел присутствующих строгим взглядом. Я пожал плечами.

– В сабвэе часто совершаются преступления. Это вам не Жмеринка!

Мы кивнули. Мне в Жмеринке бывать не приходилось, но думаю, что работодатель был прав.

– А что, если вы вздумаете украсть дорогостоящий бэлт и набор щеток?!

Интеллигент стыдливо опустил глаза. Крепыш не шелохнулся. Мы с Юккой задумались.

– Кто мне гарантирует, что вы не гангстерс и не воруете оборудование? Вы должны оставить мне в залог ваши паспорта. Это застрахует и меня, и моих клиентов. Ведь все квартиры, в которых вам придется работать, богатые! Там обстановка, вазы, ковры! Это вам не Жмеринка!

Парня явно что-то связывало с этим славным местечком.

– Согласны?!

– Надо подумать... – мы с Юккой встали и попрощались. Крепыш вышел следом. Интеллигент уставился на свои руки. Обернувшись в дверях, я увидел, что он молча выкладывает зеленый паспорт с сельскохозяйственным гербом бедной азиатской республики.

– Козел! – выдавил из себя Юкка, выйдя на улицу, и закурил. Я принялся пинать банку из-под колы.

– Отдайте мне паспорта! – передразнивал Юкка предприимчивого обладателя дорогих страховочных ремней и набора щеток. – А потом он не заплатит ни хрена и еще подошлет кого-нибудь, чтобы у нас отняли эти сраные щетки! И отработывай до скончания века!

– Стать рабом в свободной стране – что-то в этом есть, – грустно усмехнулся я, вспомнив интеллигента. Не хотелось бы мне в сорок лет оказаться в его шкуре.

Мы отправились по второму адресу. Ехать пришлось долго. Сначала поезд шел под землей, а после вынырнул на поверхность и поехал среди пышных деревьев и невысоких домов. В окнах мелькали большие дешевые магазины, с витринами, расписанными граффити. Тротуары устилал бумажный сор. В вагоне постепенно остались только типы славянско-еврейской наружности. Один громко ссорился по телефону с мамой.

– Мама, вы меня не понимаете! Я же не могу их постоянно принимать!

Мамаша на том конце провода продолжала настаивать. Мужик отбивался:

– Говорили, что будет двое, а их пятеро плюс больная бабушка! Нет, мне не жалко, но бабушка – это слишком! Мама, вы меня слушаете?!

Подобные интонации и обращение к матери на «вы» популярны у отечественных юмористов, пародирующих нравы одесских предместий. Теперь я мог насладиться наблюдением, так сказать, прототипов. Захотелось смеяться, и настроение улучшилось. К сожалению, дослушать до конца историю про больную бабушку не удалось. Двери открылись на нашей остановке.

Нужную улицу и дом мы разыскали без труда. Обыкновенный американский белый хаус, обшитый пластмассовыми досками. Я позвонил.

Дверь долго не открывали. Наконец послышался голос:

– Вам кого?

– Мы жильцы! Мы звонили.

Дверь распахнулась, представив нашим взорам худую крашеную блондинку лет сорока, похожую на кочергу.

По узенькой лестнице поднялись на второй этаж. В разных комнатах, как попало, вповалку спали взрослые неприятные люди. Вспомнились перестроечные фильмы про мафию и наркопритоны. Мы прошли по коридору вслед за блондинкой. Мимо прошмыгнула бледная девица в леопардовом халате на голое тело. Повсюду пахло несвежестью и неопрятным сном.

Тем временем крашенная уселась на продавленный диван в комнате, служащей гостиной, и принялась нас расспрашивать о том о сем голосом дамы пьющей и курящей.

– Давно в Нью-Йорке?

– Пару дней, – вежливо отвечали мы, думая, как бы побыстрее свалить.

– А зачем приехали, на летние заработки? – любопытствовала крашенная кочерга.

– Да... – неопределенно промычали мы. Мимо прошел громила с разбойничьей физиономией.

– Москвичи? – рявкнул громила.

Мы не успели ответить, влезла крашенная.

– Я тоже москвичка, Тушино знаете?

– Вся Москва разрушена, осталось только Тушино, – ни к селу ни к городу вспомнил я дворовый стишок.

Кочерга каркаяще расхохоталась.

– А ты где живешь, остряк?

– На «Белорусской», – соврал я.

– А, знаю, я там тусовалась... у вокзала. Нормальное место, – обнаружила кочерга знание Москвы.

– Вокзал, супер! – зачем-то брякнул Юкка.

Повисла неловкая пауза, сопровождаемая звуком мощной струи из сортира, в котором заперся громила.

– Что ж я вам голову морочу, давайте покажу квартиру. У нас тут дружная семья. Живем вместе. Делим радости и невзгоды, – кочерга перешла на тон советской телевизионной корреспондентки. – Это Элла, познакомьтесь.

Девушка в «леопарде» жеманно сунула ручку для поцелуя. Я ее пожал.

– У нас можно готовить, хранить продукты... – пела кочерга. Сонные мужики и бабы стали просыпаться и теперь бродили по гостиной, почесывая яйца и зады, зевая и разглядывая нас с аппетитом. «Уж не попали ли мы в логово людоедов?», – подумал я.

– У нас дешево, семьдесят баксов в неделю, до сабвэя пять минут, маркет близко, люди хорошие, честные...

Оправившийся громилка вышел из сортира, у которого уже выстроилась очередь, и, сплюнув сквозь зубы в нашу сторону, прошел на кухню.

Леопардовая девушка поставила кофейник на плиту и стрельнула глазками. Я вспомнил ночную неудачу с китайкой и подумал было, гори все синим пламенем, останусь с этими шлюхами и бандитами, будь что будет!

– Мы подумаем, – сказал Юкка, пытаюсь сохранить деловой тон. – Надо посоветоваться.

– А чего тут советовать?! – сурово воскликнула кочерга. – Вам что, не нравится? – ее тон вдруг изменился.

Мы тихонько отступали к двери.

– Мне нравится, – на всякий случай сказал я и диковато улыбнулся. – Очень нравится, но мы все-таки посоветуемся.

– Вы небось после сезона? Штуки полторы у каждого небось есть? – напрямую спросила кочерга.

Все уставились на нас, как кот Базилио и лиса Алиса на Буратино.

Таких денег у нас не было, но лишаться оставшейся пары сотен тоже не хотелось.

«Если в окно, то порежусь стеклом, лучше через дверь...» – лихорадочно решал я, а вслух произнес:

– Да вы что, ребят, мы только приехали...

Я нащупал ногой первую ступеньку. Мы пятились, выставив вперед сумки и еле помещаясь на узенькой лесенке.

– «Только приехали»... – кажется, кочерга поняла, что из нас много не вытрясешь.

Мы развернулись и кинулись вниз.

– Все-таки подумайте! – донеслось сверху, когда я дергал непослушную дверь.

Не ответив, мы вырвались на залитый солнцем тротуар. Жить по-прежнему было негде.

РУССКИЙ МОРС

Мы оказались в русском районе города Нью-Йорка. Русским здесь был, пожалуй, только язык, да и тот существенно исковерканный. Отовсюду на нас смотрели вывески на русском, продублированные латинскими буквами. Кафе «Volna» или парикмахерская «U Abrama». Народ представлял из себя тот тип, который так свойственен южным городам Украины. Смесь евреев, греков, украинцев, русских и бог знает кого еще копошилась на раскаленных улицах

Брайтона, пихалась локтями, фыркала, лузгала семечки, плевалась и делала все то, что обыкновенно делает в своих родных городках. Мы неожиданно почувствовали себя иностранцами и начали тупо улыбаться, как это делают западные туристы в странах Восточной Европы. В горле пересохло, мы зашли в продуктовую лавку.

Если вам не удалось застать Советский Союз, а очень хочется – отправляйтесь на Брайтон-Бич. Продукты, конечно, современные, но шарм, так сказать, тот. Очень быстро начинает казаться, что ты попал в прошлое. У дамы, стоящей в очереди перед нами, происходила перепалка с продавщицей.

– Шо это за карот?! Это не карот, а черт знает что! – возмущалась дама, тиская в руках вялые морковочки, которые ей отсыпала продавщица.

– Нормальный карот! Не нравится – проходите, женщина, не задерживайте других!

– Дайте мне другой карот! Я буду жаловаться! – напирала дама.

– Жалуйтесь, куда хотите! Следующий! – продавщица взглянула на меня.

– Ключ... – не успел я произнести и слова, как дама с морковкой пошла в атаку.

– Вы шо?! Я мэру напишу! Я лендлорду напишу! – и швырнула мешочек с морковкой в продавщицу.

– А вы не кидайтесь!

– А ты меня не учи!

– А ты мне не тыкай!!! Климакс лучше вылечи!

– На себя посмотри! Намазалась, проститутка, и бздыкает!

– Щас ты у меня сама обздыкаешься! Мужчины, выведите ее отсюда! Есть тут мужчины?! – продавщица уставилась на нас. Не знаю, как у Юкки, а у меня сразу появляется неприятное предчувствие, когда я слышу визгливый вопль «есть тут мужчины?!». Обычно это кончается бессмысленным мордобоем, увечьями и милицией. К счастью, дамочка ретировалась сама. Я улыбнулся продавщице.

– Чего надо?! – рывкнула она.

– Клюквенный морс, пожалуйста, – вежливо попросил я, склонив голову. Я никогда не пробовал этот морс и решил, что уж тут-то я просто обязан выпить глоточек. Тетка посмотрела на меня, как на дегенерата, и швырнула пакет с морсом. Пакет, словно пушечное ядро, чуть не вынес меня вон, но я устоял. Тетка одобрительно хмыкнула.

– Два пятьдесят.

Я отсчитал деньги, и мы вышли на улицу. Присев у стены, прямо под окнами лавки, мы раскупили пакет и, выпив по глотку, принялись обдумывать свое нынешнее положение.

– Что делать будем? – обратился я к Юкке. Тот молча курил свою привезенную «Яву».

– Купаться пойдем.

– В смысле? – такое сибаритское отношение к жизни меня немного шокировало. – Мы же бездомные! А скоро будем и безденежные.

– Искупаемся, а там посмотрим. Я слышал, здесь хороший пляж.

Мне оставалось только вздохнуть. В нашем тандеме разгильдяем, по праву, считался я, но в сложившейся ситуации мне казалось, что беспечность проявляет как раз Юкка. Я приложил к пакету с морсом. Мимо ковыляла пара старушек.

– Извините, а где пляж? – спросил у них Юкка.

– Там, ребята, там, – старушки замахали руками вперед.

– Спасибо.

– Пожалуйста, ребята.

Мы отряхнулись, взвалили сумки на плечи и поспешили к морю.

ПЛЯЖ

У нас, как у всех жителей Севера, при виде теплого моря сработал рефлекс радости. Мы позабыли о невзгодах, скинули обувь и ступили на песок. Через пару шагов пришлось остановиться и снова обуться. Пляж представлял из себя широкую полосу раскаленного песка, битого стекла и морского мусора. Ступни обжигало невыносимо. Я понял, что чувствует турецкий кофе, когда его варят.

Мы направились к воде, лавируя между развалившимися на солнцепеке отдыхающими. Преобладали качки и фигуристые крашенные

блондинки. Все лежали на подстилках, мазались кремом и пили прохладительные напитки. Со всех сторон смотрели каменные лица, свойственные загорающим. Блестели мускулы, накачанные животы, упругие задницы. Мы подошли к полосе прибоя. Пена лизнула носы обуви.

– Кто первый? – спросил я.

– Давай ты, мне что-то расхотелось.

Я стащил комбинезон, сбросил кеды и, оставшись в широких трусах, разрисованных яблоками, обхватив себя руками и потирая бока, зашел в воду.

Я не любитель дальних заплывов. Десять гребков туда, вынырнул, фыркнул, пустил фонтанчик изо рта, десять гребков обратно. Не прошло нескольких минут, как я уже выходил из морской пены, гордо развернув кажущуюся мне в тот момент широкой грудь навстречу восхищенным взорам. Там потягивается красивая мулатка, тут щебечут неугомонные малыши. Я смотрел по сторонам глазами Цезаря, вступающего с триумфом в Рим, и тут внутренний голос шепнул: «Опусти глаза, опусти глаза, Алекс».

Тогда, как впрочем и сейчас, я доверял интуиции и поэтому посмотрел на нижнюю часть тела. О ужас: из клапана, расположенного спереди на трусах, предательски высовывался... Да что там говорить, и так ясно, *что* высовывалось из клапана. От прохладной воды он съежился и напоминал сморщенную морковку из магазина. Я молниеносно заправил вырвавшуюся плоть, поджал губы и, не теряя достоинства, пошлепал дальше.

Надо сказать, что мой маневр не остался незамеченным. Парочка девиц презрительно усмехнулась, мать семейства попыталась отвлечь малютку-дочь строительством песочного замка, а Юкка сотрясался от безмолвного смеха. Я сел рядом с ним.

– Неплохо, – прокомментировал Юкка мой выход из волн. – Еще чуть-чуть, и тебя арестуют за демонстрацию члена малым детям на пляже. – Он опять расхохотался и расстегнул сумку, чтобы убрать рубашку. Здесь надо отметить одну важную вещь. Чтобы не обременять себя багажом, мы взяли с собой только самое необходимое. Одну пару обуви, одни штаны, футболку и по две пары носков. Из-за этого мы всегда ходили в одной одежде, невзирая на погоду и обстоятельства. Например, в тот день, на пляже, Юкка был обут в черные ботинки, рассчитанные на московскую осень, а рубашка была с длинными рукавами, вот он и решил ее убрать пока жарко.

Итак, Юкка расстегнул молнию, показалось нутро его сумки. Я почувствовал странный запах. Знакомый запах. Весьма неприятный. Пока Юкка запихивал рубашку, запах усилился. Вспомнил! Так пахло в первом хостеле и... и в русском притоне, и в магазине! Ветерок дул в противоположную сторону, но запах не улетучивался.

– Юк, чем от тебя несет?!

– Это не от меня... – смутился мой друг. – Это от сумки.

Я смотрел на него, молча ожидая объяснений. Он начал издали.

– Понимаешь, у меня мама – рукодельница. Все делает своими руками. Когда мы были детьми, она нам носочки вязала, шарфики...

– Ну! – нетерпеливо подгонял я.

– Когда в девяносто четвертом мы переехали в Таллин и проводили первое лето на море, мама связала мне рыбацкую шапочку. У эстонских рыбаков есть традиция носить цветные вязаные шапочки.

– К делу давай!

– Все лето я носил эту шапочку, потом привез с собой, когда вернулся в Москву... Это мой талисман.

– Не знал, что эстонцы такие сентиментальные! Ха-ха! – я хлопнул Юкку по плечу. – И что, ты ее все эти годы не стирал, что ли? Почему она так воняет?

Я попытался понюхать шапочку, которую Юкка тем временем достал, но не смог. Разило ужасно.

– Стирал, конечно... Просто прямо перед отъездом на шапочку нассал Лучик... Я ее замочил, а постирать не успел...

Я прямо опешил от такого откровения.

– То есть у тебя в сумке обоссанная котом грязная шапка?! – на этот раз я уже не мог удержаться от хохота. Сентиментальность моего друга, помноженная на вонь протухшей кошачьей мочи, могла дать непредсказуемый результат. Юкка тоже смеялся.

– Я завязал ее в три пакета. Думал, пускай полежит, пока мы не устроимся. Но все равно воняет... ха-ха-ха!

Надо признать, что запах был убийственный. Влюбленные, расположившиеся поблизости, поморщились, покосившись на нас, и пошли искать другое место.

– Мы, как бомжи в метро! Ха-ха-ха! От нас народ шугается! – Мы не могли успокоиться, мы были не прочь примерить на себя роль изгоев общества. Мне не хотелось отставать, я растегнул собственную сумку и принялся. В горле запершило. Запах прокисших носков, запихнутых мною впопыхах поглубже, вырвался наружу, и воздух даже приобрел туманный оттенок. По крайней мере, мне так показалось. Юкка заржал. На этот раз одобрительно. Я не упал в его глазах. Мы шли рука об руку по чужой стране. И воняли с одинаковой силой.

МУЗЕЙ

Расчет получить гостеприимный и недорогой прием у соотечественников потерпел фиаско. Мы сидели на лавочке променада Брайтон-Бич, жарились на солнце и лениво обдумывали свое положение. Мы неуклонно опускались по социальной лестнице. Деньги таяли, от нас начало пованивать. Однако, это не расстраивало, а, напротив, ободряло. Роль изгоев придавала кураж.

– А давай сходим в «Метрополитен»? – предложил я и неумело харкнул под скамейку. Питье холодного шабли дало о себе знать. Я простыл.

– В метро?

– В музей. «Метрополитен-музей», – я издал хрюкающий звук, собрал в горле слизистый ком и снова плюнул.

– А это где?

– Где-нибудь в центре, наверное, на Манхэттене. Отец просил сходить.

– Все равно в центр надо ехать... но если это дороже десятки, я не пойду, – строго сказал Юкка, и мы отправились в музей.

Мой папаша, хоть и вояка, но с душой романтика. Он обожает всякое искусство. Даже собрал целую коллекцию репродукций картин из журнала «Огонек». Больше всего меня интересовало изображение женщины в декольтированном платье, стоящей на кровати, к которой подступает вода. Спасаясь от воды, на кровать лезли крысы. Женщина заводила глаза к заплесневелому потолку и страдала. Действие происходило в сумрачном помещении с зарешеченным окном.

Это была княжна Тараканова, запертая во время петербургского наводнения в каземате, куда она угодила из-за претензии на престол. Мне всегда казалось, что фамилия этой дамы как-то связана с существами, лезущими на кровать. «Ведь не только же крысы спасались, тараканы наверняка тоже, просто их не видно», – думал я.

На мой десятый день рождения отец подарил коллекцию мне со словами: «Я задел сделал, продолжать тебе». Я полюбовался какое-то время утопающей княжной и вскоре забросил собирательство.

Кроме репродукций из «Огонька» отец любил музеи. Любые. Поначалу мы посещали только краеведческие развалюхи провинциальных городков, в которых квартировал отец. В каких музеях и музейчиках я только не был, и в Иваново, и в Торжке, только в Афганистане отметить не довелось. Туда мы за отцом не поехали. Он вернулся, привез видик, и вскоре его направили в академию Генштаба, в Москву. В столице папашу совсем понесло. Кости допотопных мамонтов сливались у меня с шапкой Мономаха, старинное оружие путалось с чучелами первых космонавтов – Белки и Стрелки. Однако кое-что мне из этого вихря вынести удалось. Я полюбил искусство, точнее живопись. Пропустить «Метрополитен» было бы преступно, да и отец наказал заглянуть вместо него. На его пенсию в Штаты не съездишь. Мы выпили пивка и через сорок минут стояли на белых ступенях красивого здания у Центрального парка. Это и был музей «Метрополитен».

Охранники попросили открыть сумки. Дама в белой рубашке отпрянула, начав было рассматривать Юккин скарб, – она ведь не знала про обоссанную шапочку. Дама зажала нос и попросила меня открыть сумку. Я подчинился. Дама снова поморщилась и махнула нам. Мы улыбнулись и ступили в храм искусства. Теперь я знаю, как можно будучи террористом надувать чувствительных секьюрити западного мира.

Давно я не получал такого удовольствия от музея. Юкка, безразличный к прекрасному, и тот трепетал. Тем более что каждый билет обошелся всего в пятерку. Меня ждало потрясение. На старых репродукциях из «Огонька» краски у картин были другими, в подлиннике они выглядели иначе. То, что я считал синим, оказывалось лиловым и бирюзовым, а красное и вовсе было нежно-розовым. Я не сразу узнавал своих кумиров и в итоге понял, что любил другую мировую живопись. Но и эта, настоящая, мне тоже очень нравилась. Я получал буквально физическое наслаждение. Сначала туманные пейзажи Коро, потом рациональный Сезанн, затем безумный принц Ван Гог. Ирисы и розы, подсолнухи, словно драгоценные камни из шкатулок космических королей. Большегогие таитянки Гогена, розовые пампушки Ренуара, изящные дамы Моне, праздничная Венеция Каналетто... А дальше, дальше Лихтенштейн со своими комиксами про смельчаков, бомбивших Вьетнам, латиноамериканский мужчина в костюме-двойке, склеенный из пластмассы и железа. А еще изогнувшаяся в истоме монмартрская сучка Модильяни и утонченная нимфетка в кружевной комбинации в виде куклы-скульптуры Дега... А сколько тех, чьи имена я не запомнил, чьи творения слились в сплошное облако счастья!

Отцу я решил не рассказывать о своем открытии. Ему вредно нервничать. Пускай ду-

мает, что цвета у картин такие же, как в «Огоньке».

– Сколько прекрасного! – выдохнул я, переполняемый восторгом. Мы вышли из музея на белые ступени. – Какая концентрация прекрасного! Боже, я изнемогаю от любви к прекрасному! – я не юродствовал. Банальные слова лились сами собой. Я же не виноват, что других слов для таких случаев не придумали. В тот момент меня в самом деле охватило невероятное благоговение перед миром, перед Всевышним и перед творениями человека. Обессиленный, я опустил на мрамор, истертый тысячами ног.

– Искусство – великая тайна! Сколько прекрасных тайн хранят эти стены!

– Тайн... – скептически повторил Юкка и закурил. – Я слышал, что в Москве, на стройках новых домов, мертвых гастарбайтеров замуровывают в стены, чтобы не возиться. Вот это, я понимаю, тайны в стенах.

– Это как? – возвышенное настроение как ветром сдуло.

– А так, мне знакомый архитектор рассказывал. А ему один прораб, по пьянке.

– Ну-ка, поподробнее.

– Строителями в основном всякие чурки вкалывают, без роду без племени. Типа, как мы здесь. Работают нелегально, естественно. Строительным компаниям не выгодно их оформлять – налоги, тягомотина. Ну вот и прикинь, если такой чурка упадет с лесов или помрет от воспаления легких, куда его девать?

Он же нелегально работал, регистрации нет. В моргах взятки давать дорого, вот они их просто в опалубку складывают и бетоном заливают.

– А как же пустоты?

– Какие пустоты?

– Ну, тело ведь усыхает, и образуется пустота. Здание может рухнуть.

– Они же не лохи, у них там инженеры деньги получают, все рассчитано.

Мы помолчали.

– Живешь так в дорогом пентхаусе с видом на Храм Христа Спасителя и не знаешь, что у тебя в стене, между кухней и гостиной, как раз за свадебной фотографией, чувак замурован.

– Да уж...

– А ты там трахаешься, бухаешь, детей растишь... – Тут меня осенило: – Это же, как в Помпеях!

– А что в Помпеях? – не понял Юкка.

– Ну, я читал, что там, когда раскапывают пепел, которым город завалило, находят пустоты, повторяющие форму человеческих тел. Кто застыл, уклоняясь от лавы, а кто в постели с женой проснуться не успел. Тела давно истлели, а пепел окаменел. Теперь туда заливают гипс и получают фигуры древних людей.

– Круто!

Я увлекся:

– Прикинь, через тысячу лет Москву будут раскапывать археологи и найдут руины таких

домов, а внутри пустоты из-под мертвых чурок. Круто да?!

– Ага! Скажут, вот типичный житель древней Москвы. В ту эпоху у обитателей этого древнего города была традиция хоронить мертвецов в стенах своих домов... А еще прораб говорил, что эти чурки у него каждую неделю требовали живого барана.

– Зачем?

– Ну, они же мусульмане.

– А...

– Короче, он привозил им барана прямо на стройку, они набивались в какую-нибудь недоделанную квартиру, резали барана, разводили на полу огонь и готовили плов или шашлык! Кровища, говорит, лилась рекой.

– Ну, это уже гон!

– Я тебе клянусь! – Юкка явно не врал. По крайней мере, верил в то, что говорил.

– Если так, то современные дома – это какие-то языческие храмы; в них и хоронят, и жертвы приносят в виде баранов, и ритуальные пиры закатывают...

– Да уж, новый культ – поклонение дорогому жилью.

По гранитным тротуарам стучали каблучки безразличных красавиц, солнце ярко светило, а наши шансы выжить в этом прекрасном городе стремительно сокращались.

Юкка снова купил газету. Там он нашел объявление какого-то центра по испытанию новых медикаментов. За участие обещали не-

плохие деньги. Я обнаружил, что натер палец. Пришлось замотать его пластырем, отчего он стал похож на египетскую мумию.

ПИВО И МАНДАЛА

У Юкки был целый список хостелов. Он угробил несколько четвертаков, пока говорил с портье каждого из них по телефону. Наконец в одном обнаружились свободные койки. Туда мы и отправились. По дороге заехали в Чайна-таун. Пожрали и затарились блоком «Чинтао».

В хостеле оказалось, что алкоголь пить запрещается. Унылое место в черном Гарлеме. Вокруг сплошь черномазые; стучат об асфальт баскетбольными мячами, орут. Прохожие нороят задеть плечом. Все, включая древних старух, недоброжелательно смотрят вслед. Один раз мелькнула белая физиономия, да и то в полицейской тачке с наглухо задраенными окнами.

Мы отправились в сортир и сбили пробку об угол мусорного бака. Решили сэкономить и выпить бутылку на двоих, закрывшись по очереди в кабинке. Я вызвался первым. Заперся, приложился к горлышку. Тут мне стало смешно...

Я увидел себя со стороны – топчущимся возле унитаза с бутылкой пива. Увидел Юкку, пыхтящего от нетерпения за дверцей. Смешно, что я, как восьмиклассник, тайно пью пиво в тубзике, затерянном в черных кварталах, норовя

отхлебнуть больше положенной половины бутылки. Я заржал в голос, поперхнулся и пукнул.

– Сань, ты че? – хихикая, поинтересовался Юкка.

Тут со мной сделалась истерика, и я сполз на пол, давясь пивом и соплями. Вспомнилась начальная школа, когда на завтраках в столовой все пили компот и неизменно ржали. Компот лился через нос, а я, пытаюсь затянуть его назад, наглатывался соплей. Со мной такое класса до десятого случалось. Видать, Юкка понял, что дело плохо, и выломал хлипкую дверцу. Увидев меня на полу бьющимся от хохота головой об унитаз, с почти опустошенной бутылкой, он первым делом вырвал у меня бутылку. Я не сопротивлялся. Юкка жадно присосался к горлышку, и его кадык так и заходил, пропуская внутрь драгоценные капли. Я начал успокаиваться.

Вытерев локтем сопли, а футболкой слезы, я встал.

– Ну ты и сука, – рыгнул Юкка.

– Сори, чувак, очень смешно стало, и я лишнего хлебнул, – оправдывался я.

– Обормот. – Юкка дружески похлопал меня по спине. – Не подавился, мой малыш?

– Подавился, – прохныкал я и снова закашлялся. Юкка заржал и крепко стукнул меня по спине. Швырнув бутылку в ведро для использованной туалетной бумаги, мы покинули санузел и улеглись на свои койки в узенькой комнате, полной храпящих тел.

– Думаю завтра позвонить в этот центр по испытанию лекарств, – сказал Юкка, засыпая.

Ко мне сон не шел. Я лежал на спине, слушал жужжание кондиционера и думал о своем натертом пальце. Он ныл все сильнее. Мне стало страшно. От всей безысходности нашего положения, от перспективы участия в медицинских экспериментах, от усталости и мужской трусости перед болезнями я совсем перепугался.

Палец опух.

– Гангрена... – прошептал я и, вскочив с кровати, пошарил в карманах Юкки. Достал зажигалку, чиркнул. Огонь осветил распухший волдырь пурпурного цвета, вскочивший на большом пальце ноги. Меня прошиб ледяной пот. Я увидел себя с ампутированной ногой, ползающим по Пятой авеню и хватающим богатых шлюх за подол. «Подайте, тетенька, Христа ради!» Страх моментально завладел мной.

Есть у меня такая черта – целиком погружаться в панику в самые неожиданные моменты. Не тогда, когда опасность реальна, а когда она умозрительна. Я настоящий трус по мелочам. В школе я боялся математичку, когда приходил с несделанными уроками. Потом я боялся, что отец заставит меня пойти в армию. Последним моим страхом стал букет кармических заболеваний, которые я у себя обнаружил. Однажды, маясь от скуки, я рассматривал эзотерическую книгу, случайно оказавшуюся под рукой. Автор предлагал узнать о сглазах, рассчитав их с помощью собственного имени. Каж-

дая буква алфавита соответствовала определенному числу. Я написал свое имя, а под каждой буквой цифры. Потом сложил и... Моему ужасу не было предела. Оказалось, что надо мной тяготеет целый букет проклятий и наветов: венец безбрачия, врожденное слабоумие и высокая вероятность самых страшных венерических заболеваний. Моя мандала была дырявой, как тряпка, кармическая линия еле проглядывала, а вибрационный ряд не годился даже для трупа. Оказалось, что в четвертом и седьмом воплощениях я подвергся ужасающим сглазам. Венерические заболевания на меня наслали в седьмом, а воплотиться им было суждено в десятом. Я же, согласно расчетам, пребывал именно в десятом воплощении. В конце книги указывался телефон, по которому шла запись на очищение кармы. Услуга стоила пятьсот рэ.

Тогда, спустив штаны, я принялся рассматривать свой член. Разумеется, он показался мне каким-то не таким. Я стал вспоминать свои любовные связи. «Ну конечно, у Сабины наверняка было что-нибудь такое, что даже через презервативы проникает. А у Нинки... у Нинки еще хуже. Мне суждено сгнить заживо!» Я так себя накрутил, что чуть с жизнью не покончил. Выпил бутылку водки, для дезинфекции, а на следующее утро, в похмелье, кинулся в венерологический диспансер.

– Когда был последний половой контакт? – спросил доктор.

– Месяца полтора назад.

Доктор взглянул на меня, как на шизофреника. Надо ли уточнять, что все оказалось пустыми страхами. Я был абсолютно здоров.

– Сексом занимайся почаще, парень. Неврозов не будет. И запомни, лучше десять раз переболеть триппером, чем один – импотенцией, – сказал доктор. – И пей поменьше.

Однако в ту нью-йоркскую ночь предыдущий опыт меня не остановил. Я понял, что на этот раз влип и только сам могу спасти себя от горькой судьбы.

Я расстегнул сумку и погрузил руку в свои пожитки. После недолгих поисков я выудил бутылку «Столичной», прихваченную из Москвы в качестве сувенира. «Не до сувениров, в живых бы остаться», – я крутанул крышку.

Говорят, что сильная доза алкоголя способна убить даже самых живучих бактерий, если они еще не расплозились по всему телу. Есть байка про сумасшедшего, больного СПИДом, наркомана, который полоснул врача заточенной монетой и прижал к ране свою специально раскровленную вену. Хотел заразить доброго доктора, гад. Отцепившись от нарика, доктор сразу выжрал ящик водки и СПИДом не заразился. Умер небось от цирроза печени. А может, не водка помогла, а просто вирус не попал в его кровь. Короче, я решил прибегнуть к этому методу и опрокинул бутылку в глотку.

Теплая, жгучая «Столичная» имела отвратительный вкус. Из экономии мы мало ели, и мое «лечение» превратилось в муку. Я давился, мор-

щился, но хотел жить. Проверил на просвет и вытряхнул в себя все до последней капли. Спрятал пустую бутылку обратно в сумку, я лег. Меня мутило.

МЫ ПЫТАЕМСЯ ТОРГОВАТЬ РЕСУРСАМИ СОБСТВЕННЫХ ТЕЛ

Проснулся я от недостатка воздуха. Что-то горькое с привкусом желчи мешало дышать. Моя собственная блевотина. Хватая ртом воздух, я вскочил и, отплевываясь, зашелся кашлем. В носу першило. Выступили слезы. После выпитой бутылки меня начало рвать во сне. Я лежал на спине и вполне мог захлебнуться. Хорошо, что накануне съел мало, тошнило желчью.

Соседи по комнатке пожаловались, и нас выставили из хостела из-за испачканной мною наволочки и переполоха. Мы подошли к ближайшему телефону-автомату – звонить в медцентр. Опухоль на пальце, кстати, спала.

Из нас двоих более или менее умел говорить по телефону Юкка. Одно дело болтать по-английски с человеком, которого ты видишь, а другое – с кем-то далеким и безразличным на том конце провода. Моя мать хоть и преподавала английский, но изъяснялся я коряво, выражениями, почерпнутыми из клипов и рекламы. Вместо любви к английскому, мать привила мне ненависть своими вечными уроками и проверками.

Ребята на том конце провода были рады таким как мы. Молодые, здоровые, на грани отчаяния, не искушенные в правосудии. Им только таких подавай. И всё ради науки! Чтобы изобрести помидоры с геном крокодила или говорящую овечку. Крокодильи помидоры не портятся по полгода, а говорящие овечки могут развлекать холостяков одинокими вечерами.

Центр генетических исследований находился на окраине и представлял из себя чистую американскую больницу. Как в кино. Стерильность. Политкорректность. Нас попросили подождать в холле. Мы остались наедине с собой в светлом помещении из искусственных материалов. Красота, синтезированная человеком, доступная представителям среднего класса. Пластиковые стеклопакеты в окнах. Пластиковые жалюзи. Металлические стулья. Мы смотрелись неорганично в этом совершенном мире. Грязные, мятые, вонючие и чертовски желающие жить.

Я подумал, что мы впутываемся в очередную забавную передрыгу. Срубим денег и свалим. Главное, чтобы было не больно. Но это же не зубная поликлиника, больно быть не должно. Здесь нас будут кормить. Мы сможем принимать душ. Мы будем под наблюдением врачей. Ну возьмут пару анализов, ну дадут выпить экспериментальную пилюлю, и все. Зато кучу денег заплатят. Потом мы выйдем на свободу, ощупывая в карманах чеки на хорошенькие суммы, и отпразднуем.

Юкка в это время думал по-другому: рискованное мероприятие, гарантий мало, здоровье можно испортить, сколько мы тут проторчим – неизвестно. Хотя... двадцать пять в час... это шестьсот в день, это четыре двести в неделю! На двести накоплю лотерейных билетов, треху сразу отложу маме на зубы, остальное прогуляю. Неплохо... Нам было на все насрать, и на себя тоже. Позарез требовались деньги, и они, кажется, должны были появиться. Тогда нам так казалось.

Вошла полная негритянка и любезно проводила в кабинет для сдачи анализов. Оказалось, что всех подряд не берут. При нашем появлении доктор, похожий на хорька, поморщился. У нас взяли кровь.

– Приходите завтра, – любезно улыбнулась негритянка. – Если с вашими анализами все в порядке, вы станете участниками эксперимента.

– А если не в порядке? – поинтересовался Юкка.

– Тогда мы расстанемся друзьями, – вмешался доктор. – Кстати, у нас есть банк спермы. Там тоже можно подработать, нам нужно много качественной спермы для матерей, желающих зачать без отца. С виду вы ребята симпатичные, но для этого придется еще пройти тест на умственный коэффициент.

– О'кей, а где это?

– Сестра вам покажет. Дженни, проводи джентльменов.

Сестра улыбнулась и повела нас белоснежными коридорами. Мы летели как на крыльях. Дрочить за деньги мне еще никогда не приходилось. А мысль о том, что после этого где-то в Америке появится мой сын или дочь, которых я никогда не встречу, будоражила воображение.

Передав нас на поруки другой сестре, Дженни игриво подмигнула и попрощалась.

– Хотите сдать сперму?

– Очень, – закивали мы.

– Вам придется пройти тест на IQ. Американским матерям не нужны отцы идиоты.

– Мы иностранцы, можем многое не понять, – посетовали мы.

– У нас есть вариант для иностранцев, – парировала сестра.

– О'кей. Мы готовы. – Нам не терпелось приступить.

Сестра выдала анкеты и завела таймер.

– В вашем распоряжении ровно час.

Мы взялись за дело. Дельфин – рыба или млекопитающее? Какая формула у кислорода? Кто такой Авраам Линкольн?.. Час пролетел незаметно. На большую часть вопросов мы с грехом пополам ответили. Сестра запечатала анкеты.

– Завтра мы придем за результатами анализов в лабораторию.

– И ко мне зайдите.

Мы вышли на источающие сухой пар плиты тротуара.

– Интересно, там журналы дают или порно показывают? – рассуждал я.

- Лучше бы журналы.
- А мне фильмы больше нравятся. На кино у меня сразу встает. Великое искусство.

ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

Наступил долгий вечер. Кинематографисты называют такое время «мэджик ауэр», что означает «волшебный час». Свет в это время становится золотистым, и все выглядит потрясающе. Впервые за все дни, проведенные здесь, мы шли не спеша.

– Хорошее дело – сперму сдавать, – предавался рассуждениям Юкка.

– Высоконравственное, – пошутил я.

– А что, поможем каким-нибудь лесбиянкам, которые мужиков не выносят, а детей хотят. Они используют нашу сперму для зачатия.

– Всегда мечтал, чтобы матерью моего первенца стала лесбиянка.

– Сань, я серьезно.

– Да я не против. Работа вроде не пыльная, главное – чтобы взяли, – сказал я, любуясь золотистыми облаками, которые потихоньку становились сиреневыми.

– А что, если одного возьмут, а другого нет? Что делать будем? – Об этом мы еще не думали. – Прикинь, у тебя какой-нибудь врожденный дефект и ты не подойдешь?

– А почему это – если дефект, то сразу у меня?! Может, у тебя дефект?!

– Ну, пускай у меня.

– Если у тебя будет дефект, я... я буду драть целыми днями и кормить тебя на эти деньги. Будешь моей содержанкой. А потом я стану миллионером и скажу: «Я сэлф-мэйд мэн. Дрочкой я пробил себе дорогу в жизни! Да здравствует Америка!»

Юкка заржал.

– А если серьезно... – продолжил я, – нам нельзя разделяться. В одиночку нам не выжить. Если одного из нас не берут, второй отказывается.

– Точно. Или вдвоем – или никак.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО НЬЮ-ЙОРКА

Ночь мы провели в очередной ночлежке. Вдохновившись радужными финансовыми перспективами, мы отправились в место, дороже предыдущих на пятерку. Там была крыша, на которой можно было сидеть, развалившись в шезлонге. Мы смотрели на сиреневые облака и черные накопительные баки для воды, торчащие на длинных ногах на каждой крыше. Возможно, завтра нам предстоит обменять здоровье на деньги. Не все здоровье, конечно, но часть. Двойственная перспектива. А что, если нам откажут? Что, если нам оставят жалкое здоровье и не предложат денег? Идеальным вариантом было бы пристроиться при банке спермы, заколачивать там по сотке за раз и в ус не

дуть. Придется на время забыть о личной жизни, но какая личная жизнь, если в животе урчит от голода и нет своего угла. Нам отчаянно требовалось решение. Ведь денежные запасы почти подошли к концу. Завтрашнюю ночь придется провести на улице... Впереди была неизвестность. Мы, как американские призывники, толпящиеся за створками десантного катера, не знали, что нас ждет: немецкая пуля или еще несколько дней жизни в боях за отвесные берега Нормандии.

Наутро мы были свежи и уверены в собственном пути, словно святые. Мы воспользовались непривычной роскошью – бесплатным завтраком из пончиков и кофе. Я съел пятнадцать пончиков и весь раздулся.

– Чтобы лесбиянкам больше досталось, – чавкал я, запихивая в пасть очередной пончик, – организму нужно топливо.

С трудом оторвавшись от стола, мы тронулись в путь.

Запах гниющей Юккиной шапочки уже вполне успешно конкурировал с вонью подземки. Это было нашей мстью городу великих возможностей. Ответным ударом гуннов по гнезду англо-саксонского благополучия. Теперь наступила очередь местных морщить свои носы. Даже черномазые бродяги отодвигались от нас. Тяжелую артиллерию шапочки поддерживали легкие танки моих грязных носков и общее амбре нашей давно не стиранной одежды. Гордые изгои. Свободные люди великой страны.

В медцентре нас ждал сюрприз.

– Мистер Зеленин, – обратился доктор-хорек к Юкке, – к сожалению, ваши анализы не вполне удовлетворительные. У вас вода в левой почке. Явно наследственное заболевание. Для жизни это не существенно, но для экспериментов... Наши исследования посвящены генетическому воспроизведению внутренних органов, в частности почек... Мы вынуждены вам отказать.

Юкка весь подобрался. Я почувствовал его напряжение.

– Мистер Снегирев, поздравляю, с вашими анализами все в порядке. Вы абсолютно здоровы. Остается обговорить условия соглашения, – доктор улыбнулся.

Повисла пауза.

Я сглотнул, мне показалось, что глоток прогремел на весь кабинет.

– Сори, мистер Дженкинс... – буркнул я хрипловато, входя в роль благородного ковбоя, который своих индейцам не отдает. – Сори, но мы с коллегой вместе. Один я не работаю.

Доктор пожевал губы.

– Что ж... тогда американская наука потеряет прекрасный экземпляр.

– Получается так.

Мы пожали доктору руку, а медсестра Дженни даже растрогалась, видя такое товарищеское братство.

– Теперь про сперму узнаем, – сказал я, когда мы покинули кабинет.

– А чего узнавать... – Юкка понурился. – Меня не возьмут. Кому нужен ребенок с наследственной болезнью почек...

– Не ссы, что-нибудь придумаем.

Мы вошли в кабинет вчерашней медсестры.

Юкка оказался прав: я подходил, он нет. С коэффициентом умственного развития я, конечно, подкачал, но крепкое здоровье сыграло решающую роль.

– Есть простой выход, мистер Снегирев. Вы можете сдать сперму сейчас и сразу получить банковский чек. Это не займет много времени.

– Ура! Сотня нам пригодится, а там посмотрим!

Юкка кивнул.

– Расскажи хоть потом, там журналы или фильм, – понуро напутствовал он, когда я удалялся с маленькой пластмассовой баночкой.

Однажды я видел комедию про искусственное оплодотворение. Там немолодая пара, желающая завести ребенка, обращается к врачам. Потом главный герой запирается в такой кабинке с баночкой и пачкой порно-журналов... И потом ему не хватает этой баночки, требуется еще одна баночка и еще... Или я путаю с комедией, где мочу на анализ сдавали... не важно. Меня проводили в кабинку, где на столике имелись журналы и пачка салфеток «Клинекс». Я люблю хорошее порно, не то, где все показано крупным планом во весь экран, а то, где интрига, игра, неожиданные повороты сюжета, не слишком типовые лица и прочие части... Я порно-эстет.

В тот день мне с эстетикой не повезло. Фильмов не было, пришлось обойтись потрепанными журналами с вырванными страницами. «Самых клевых баб небось уперли», – посетовал я и стал изучать оставшихся. Они тоже вполне подошли. Через пять минут баночка была полной и горячей. Я собрался выходить, когда странное чувство охватило меня. Оставляя сперму в презервативе, не задумываешься о смысле содеянного. А тут я вдруг ощутил, что в баночке заключена великая энергия, которую я растрачиваю попусту. Из баночки может появиться человек, который весь мир перевернет вверх дном. Пусть не он, но его внуки, правнуки. Он может стать кровопийцей или святым, исчадием ада или посланцем небес. Я – машина производства мощнейшей силы! Ее надо беречь!

Я крепко сжал баночку.

С другой стороны... если не избавляться от этой силы, то организм будет отравлен. У врачей даже термин есть – спермотоксикоз. Затем последуют воспалительные процессы, простатит. Противоречивая штука сперма, ничего не скажешь. Отдам я ее лучше врачам, пусть сами разбираются.

Улыбающаяся медсестра приняла баночку с благодарностью.

– Ой, какая горячая! – пошутила она, игриво дую на пальчики.

Хорошая телочка, жаль времени нет. Я получил чек на тисненной бумаге. Юкка поджидал на прежнем месте.

– Ну что, продал неродившегося ребенка?

– Не продал, а передал в хорошие руки за символическое вознаграждение, – отшутился я.

– Журналы или фильмы?

– Фильм, – соврал я, чтобы парню не было обидно. – Старье какое-то, пришлось вспомнить все самое лучшее...

– Ладно, пошли.

Я подмигнул медсестре, и мы навсегда покинули медцентр.

РАБОТА НАЙДЕНА

Юкка и я решили заглянуть в Колумбийский университет, где нас кормили и инструктировали в первое утро.

– Там ведь могут быть объявления, как я сразу не догадался, – стукнул себя по лбу Юкка. – Работодатели ведь знают, куда приезжает толпа студентов.

Доска информации университета и вправду была залеплена листками с предложениями работы. Юкка принялся их изучать, а я, целиком положившись на моего делового друга, развалился на бордюре, любуясь фасадом университета.

– Есть! – завопил Юкка минуты через три.

– Что «есть»? – встрепенулся я.

– «Требуется официанты в ресторан!» – процитировал Юкка.

– Супер! Давай звонить.

– Один ресторан – в штате Массачусетс, другой – в Северной Каролине, – уточнил Юкка.

– Это где?

– Кажется, соседние штаты, а может, через один. Точно не знаю.

– А куда деваться, звони.

Мы сгребли все имеющиеся четвертаки и двинули на поиски телефона. Он обнаружился в подворотне неподалеку. Я сел на вентиляционную решетку, а Юк принялся набирать номер Массачусетса.

На той стороне ответили...

– Мы насчет работы... – сказал Юкка. – О'кей. О'кей.

– Ну что? – шепнул я.

Юкка прикрыл трубку ладонью.

– Сейчас позовут менеджера. Давай еще монету.

Я протянул четвертак, автомат с лязгом сожрал его.

На том конце подошли.

– Хэллоу, мэ. Я насчет работы... Нас двое... опыт есть. – Юкка опять замолк. – Коза! Пошла советоваться с директором. Следи за монетами.

Я опустил в щель сразу два четвертака. Юкка недовольно поджал губы.

– С запасом, – пояснил я. – Чтобы не суетиться.

– По ходу будем кидать, может, она нас сольет, тогда плакали наши двадцать пять центов.

– Не жмотничай...

Юкка отмахнулся.

– Я слушаю, мэ-эм... нужен только один... понятно, мэ-эм... мы подумаем. До свидания. – Он повесил трубку.

– Понял, что она сказала?

– В целом, да.

– Давай звонить в Каролину.

Юк набрал номер.

– Алло, мне бы поговорить с мистером Тодом. Я насчет работы... Здравствуйте, мистер Тод, нас двое, вам нужны официанты?.. Опыт есть...

Я кинул предпоследнюю монету и принялся делать Юкке отчаянные знаки.

– Мы в Нью-Йорке... сегодня же можем выехать... сейчас запишу. – Юкка прикрыл трубку. – Ручка есть?

Я в панике пошарил по карманам, сунул ему ручку и бросил последнюю монету.

– Записываю... Северная Каролина... Эшвилл... вы нас встретите?.. До завтра, мистер Тод. – Юкка с облегчением повесил трубку.

– Есть работа, – вздохнул он и вытер пот со лба.

Нас взяли на работу заочно. Юкка договорился, что сегодня вечером мы выдвинемся на автобусе до указанного города. Там нас встретят.

– Похоже, нам придется попрощаться с этим городом. – Юкка закурил.

– А чего? Мы же ни к чему не привязаны, да и страну посмотрим. Дался нам этот Нью-Йорк! Главное, чтобы работа на двоих была!

Мы храбрились, но осознавали одну вещь: он нас уделал, этот Нью-Йорк. Мы покидали поле боя.

– Сходим куда-нибудь напоследок. Неизвестно ведь, когда в следующий раз удастся вернуться.

Решили полюбоваться на город со смотровой площадки одного из «близнецов».

«БЛИЗНЕЦЫ»

Окрестности небоскребов поражали своим масштабом. Гигантская площадь, усаженная кустарником, обстроенная по периметру изящными зданиями, церковь под готику, деревья. Красавицы, спешащие на работу. Аккуратно одетые клерки, снующие туда-сюда. Зеваки туристы. Японцы, увешанные чудесами техники. Смешные негр-тянские детки, украшенные бантиками, как праздничные торты. Влюбленные на скамейках... На календаре было шестнадцатое июня 2001 года, прежней Америке оставалось жить чуть меньше трех месяцев. Осенью все изменится. Но это будет позже, а пока, еще живые красотки, работающие в «близнецах», весело улыбались, их кавалеры аккуратно парковали спортивные авто в подземных гаражах, а финансовые воротилы, погруженные в бумаги, не замечали прекрасный вид на океан, открывающийся из их кабинетов.

Мы забились в кабину лифта. Шесть человек молча смотрели в холодные лампы на потолке.

На тридцатых этажах ко мне обратилась пожилая дама:

– Откуда вы, ребята?

– Мы из Москвы, мэ, – вежливо ответил я.

– О! – дама понимающе кивнула и заулыбалась. Остальные пассажиры тоже понимающе закивали.

– Мой муж большой путешественник. Он бывал в Коста-Рике.

Решив, что всему виной мой английский, я уточнил:

– Москва – столица России, мэ. Москва – это не Коста-Рика.

– Да, да, – кивая, улыбнулась пожилая дама. Остальные тоже кивали. Юкка усмехнулся. В свете дневных ламп все выглядели немного мертвецами. Я вдруг понял, что эти люди ни черта не знают о мире. Ко всему прочему они считают нас идиотами и разговаривают, как с идиотами. Мне стало не по себе. Оставшиеся этажи проехали молча, бессмысленно улыбаясь.

Смотровая площадка оказалась замечательным местом. Ровный квадрат, с которого хорошо просматривался Манхэттен, океан, Бруклин и Нью-Джерси. Горизонт повсюду тонул в мареве. Город внизу гудел, как гигантский механизм. Именно гудел, а не шумел. Шумит море, а это был звук кондиционеров, моторов, счетчиков денег. Нью-Йорк был прекрасен и страшен. Отсюда, сверху, становилось ясно, что он проглотит любого и не заметит. Если бы всех желающих покорить этот город сначала водили сюда, на смотровую пло-

щадку, их количество бы сильно сократилось. Но покорители копошились внизу. В офисах, постелях, на подиумах. Им было некогда.

– Хей, парни! – услышали мы знакомый голос.

Это был Шон, облаченный в эффектный костюм с золотыми галунами.

– Устроился швейцаром, чувак?

– Ага, на шестидесятом этаже, в баре. Открываю двери, обещают сотню в день чаевыми. – Веснушки Шона сверкали от радости. – Только сегодня вышел, вот решил сюда заглянуть.

– Повезло тебе, вот бы нам так, а мы едем в Северную Каролину. Официантами будем.

– Тоже неплохо.

Мы посмеялись.

– Ну пока, Шон, удачи тебе.

– И вам удачи, парни.

Мы крепко пожали ему руку и навсегда попрощались.

Больше мы с Шоном не виделись, с «близнецами» тоже...

БЕЛКИ И ВОКЗАЛ

Остаток дня мы провели в сквере неподалеку от Пятой авеню. Сидели на скамейке и наблюдали, как стаи белок снуют туда-сюда по соснам и гальке дорожек. Белки совсем не боялись людей. Они буквально садились на шею и щекотались пушистыми хвостами. Дети и взрос-

лые кормили обнаглевших зверьков всякой всячиной и визжали от удовольствия, когда эти хвостатые попрошайки хватали у них из рук еду.

– Я бы всех этих белок замочил из пулемета! – раздраженно сказал Юкка, после того как очередной зверек проскочил по его шортам. – Мерзкие твари! Ничем не отличаются от крыс.

– Ладно тебе, старик, смотри, какие они милые. Они же не приносят вреда, – возразил я, умиленно глядя на бесчисленные мохнатые комочки.

– Они всё грызут! Только американцы могли довести до такого абсурда разведение белок в парках! – Очередная белка скакнула ему на голову. Юкка в бешенстве смахнул ее. – Эти идиоты кого угодно посадят себе на шею. Сначала негров, теперь белок!

– Ты потише, за «негра» здесь как минимум можно в табло схлопотать, – предостерег я моего раскипятившегося друга, но он уже бушевал во всю.

– Они, бля, тупо все доводят до абсурда! Свобода – дадим столько, что захлебнуться можно! Борьба с сексуальными домогательствами – на баб взглянуть нельзя, чтобы в полицию не загреметь!

– Мы просто устали. У нас дела не ладятся. Вот ты и бесишься. Если бы у нас в Москве в парках бегали белки, было бы здорово. А у нас только гопники на спинках скамеек сидят и семечки лузгают.

Юкка задумался.

– Козлы! – выдал он то ли по поводу гопников, то ли по поводу белок с неграми и закурил.

Чтобы развеселить его, а заодно и самого себя, я рассказал историю из детства.

– Во втором классе у меня был приятель, Ромка Дарсевичидзе. Однажды мы с ним гуляли во дворе.

– Ну? – Юкка затянулся «Явой».

– Ну и решили на качелях покачаться. Знаешь, такие качели из доски. Каждый садится на противоположную сторону и двигается вверх-вниз.

– Знаю. Мне в детстве такая штука по яйцам заехала. Больно... – вспомнил Юкка.

– Да у нас каждый ребенок хоть раз, да получил от этих качелей по яйцам, дело не в этом. Там на качелях качался один мальчик, дистрофик интеллигентного вида. Он один качался, без партнера. А Ромка ему и говорит, дай, мол, покачаться. А тот не дает. Ну Ромка его пихнул и сказал: «Пошел отсюда, говносос!»

– И дальше что? – Юкка заинтересовался.

– Да ничего. Дальше ничего не было. Мальчик расплакался и пошел жаловаться бабушке, которая прогуливалась неподалеку. Бабушка на нас хотела наехать, но Ромка и ее послал. В общем, в тот день получить по яйцам от качелей было суждено нам.

– Забавная история, но бессмысленная какая-то. – Юкка затянулся.

– Почему бессмысленная? Слово «говносос» произвело на меня такое впечатление, что я этот

день на всю жизнь запомнил. Мне тогда представилось сказочное существо, типа большого комара, который сосет кашки своим хоботом.

Юкка заржал от души. Все-таки мне удалось его развеселить.

– Я просто таких слов раньше не слышал, это было что-то! У меня буквально вся жизнь в тот день перевернулась. Я до сих пор это существо с хоботом представляю. Мерзость, а из головы не лезет! Ха-ха!

Мы ржали, хлопая друг друга по коленям и распугивая белок. Юкка посмотрел на электронные часы в витрине универмага.

– Пора, на автобус опоздаем.

Мы разыскали Центральный вокзал и купили билеты за девяносто долларов каждый до города Эшвилл, в самой глубине штата Северная Каролина. После этого у меня осталось около шестидесяти долларов, у Юкки – голяк.

В очереди на автобус мы были, словно две капли сливок на шоколадном торте, остальные пассажиры оказались черными. Очередь вилась длинным червяком и пропадала в стальном корпусе автобуса. Из громкоговорителей лилась размеренная классическая музыка. Продвигаясь, мы пинали свои сумки. Перед нами размахивал руками негритянский подросток, движениями напоминающий павиана. Огромная майка и шорты придавали ему вовсе нечеловеческий вид. Казалось, что подростка всю жизнь держали в клетке и только вчера выпустили. Теперь он наслаждался вседозволен-

ностью, вытворяя множество бесполезных вещей. Подошла наша очередь. Протянув билеты контролеру, мы поднялись в салон.

НОЧЬ В АВТОБУСЕ

Автобус мягко тронулся и поплыл по улицам города на юг. Наступила ночь. Водитель, в стиле рэперов, огласил правила поведения для пассажиров.

– Туалетом пользоваться нельзя! Йо! Слушать музыку нельзя! Пердеть нельзя! Курить нельзя! Йо! Йо! – орал водитель, двигаясь в такт словам. – Всё можно только на остановках. Чем вы занимаетесь на остановках, мне дела нет! Йо!

Негры вокруг выглядели добродушно, но мы на всякий случай решили спать по очереди и сразу же вырубались оба.

Ночью я проснулся оттого, что зажегся свет. Первая остановка. Пассажиры, кряхтя и протирая глаза, вставали с мест, разминали мышцы и плелись к выходу. Кто-то сошел. Кто-то сел на освободившиеся места. Появился молодой японец, не говорящий по-английски. Было видно, что черные японца ни в грош не ставят. Он для них еще больший мусор, чем мы. Бедняга не мог разобраться куда ехать. Я помог. После разбудил Юкку и предложил пройтись.

– Не могу, – пожаловался Юкка. – У меня встал.

– Да ладно! – заржал я.

– Сам посмотри, – Юкка ткнул пальцем в свои вздыбленные шорты. – Я же не могу так пойти.

– А ты его под резинку засунь, – посоветовал я, помирая со смеху.

– Сам засунь.

Я вышел. Потянулся. Пошел отлить.

В сортире придорожной забегаловки фыркали и чистили зубы дальнобойщики в ковбойских шляпах. Постояв у писсуара, я вернулся к раковине и хорошенько умылся.

– Ничего пожрать не купил? – спросил Юк, когда я вернулся в автобус.

– На какие шиши?

– Правильно, мой малыш.

Автобус тронулся.

Утром стало видно, что мы едем среди огромных деревьев, увитых лианами. Иногда пересекаем бурные желтые реки. Земля по берегам рек красная. Жара стала влажной. Финская сауна Нью-Йорка сменилась русской баней Северной Каролины. После обеда автобус причалил к небольшому зданию вокзала. Мы прибыли. Нас встречал мистер Тод.

ГОЛЬФ-КЛУБ

Формально радушный мистер Тод представлял из себя типичного белого американца, имеющего цель в жизни. Мистеру Тоду было лет сорок. Он делал карьеру.

За светской беседой, которую поддерживал в основном Юкка, мы доехали до райской долины, где располагался гольф-клуб. Ресторан, в котором нам предстояло трудиться, был устроен при гольф-клубе для миллионеров на пенсии. После нескольких ударов клюшкой на сочных газонах старичкам требовался перекус.

Все дышало красотой, здоровьем и благополучием. Пышные деревья, усыпанные цветами. Зеленые холмы и лужайки, кишасщие дикими кроликами. Аккуратные, неброские дома. Свежий воздух. Это был рай. Здесь тихонько коротали старость богатейшие люди Америки. Акционеры «Coca-Cola» и «Budweiser», «Ford» и «IBM». Старики жили неподалеку, в красивых домах у подножия холмов. Они любили молодежь.

По дороге встретились две бабуся на «мерсах». Они приветственно погудели. Небошь дома у каждой миллион под матрасом.

Нас поселили в домике для прислуги. Одноэтажный коттедж, где каждому полагалась своя чистая комната, неограниченный Интернет и кухня. Все безупречно, только повсюду валялись дохлые тараканы кверху лапками. Наверное, не выдержали идиллии.

Кроме нас в коттедже проживали другие ребята из Восточной Европы. Виталик из Латвии. Буч из Калининграда. Сигита с бойфрендом Валдисом из Литвы.

Буч зарабатывал на тачку. Сигита с Валдисом работали тут второе лето, копили на учебу. Виталик мечтал с шиком прокатиться в Москву.

У всего этого был один недостаток – отсутствие каких-либо магазинов поблизости. В ларьке, на окраине долины, можно было купить только пиво.

– Мистер Тод раз в две недели возит нас в супермаркет, в город, – сказала Сигита. – Да и на кухне кормят.

– Протянем как-нибудь.

Пока Юкка принимал душ, мистер Тод дал мне ключи от наших комнат. К тому моменту, когда Юк вышел, растираясь полотенцем, я ключи уже потерял. Как, ума не приложу. Мы решили не акцентировать внимание хозяина на собственной невезучести и заснули на ковре гостиной.

Мне снилось, как одна знакомая блондинка делаем мне минет, а потом упрекает, что я, мол, все время ею пользуюсь. Юкке приснилось, что изобретатель водородной бомбы Андрей Дмитриевич Сахаров, более известный своими диссидентскими поступками, торгует медом в Бирюлево.

– А мед оказался паленый, – рассказал Юкка утром. – Не мед, а вареный сахар.

ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ДНИ

Наутро мы надели форму: новенькие брюки горчичного цвета и голубые рубашки. Я наврал, что имею опыт работы в фуд-сервисе. Юкка прибавил, что я был у него помощником.

У него-то опыт имелся. В Москве он зарабатывал на жизнь, обслуживая клиентов в итальянском ресторане. Видать, мистер Тод учуял подвох и прикрепил меня к Сигите набираться опыта. Та носилась, как молния, обслуживая клиентов. Я старался не отставать. С десяти утра до трех пятнадцати пополудни я подавал и убирал тарелки, подливал гостям холодный чай со стучащим льдом, раскладывал салфетки, протирал приборы и выносил мусор.

Сигита все время похохатывала и говорила на русском с комичным акцентом. Валдис-посудомойщик иногда недружелюбно выглядывал из кухни. Обидно, когда ты второй год возишься с грязными тарелками, а новенький сосунок сразу становится официантом, да еще ходит хвостом за твоей подружкой.

Так прошел наш первый рабочий день в Америке. Ничего интересного. Только вскрылась одна неприятная особенность – отсутствие чаевых. Для клиентов ресторана все было включено. Обслуге полагалась почасовая оплата, а рабочих часов было очень мало. Работа не пыльная, экология хорошая, можно пользоваться бассейном и даже играть в гольф, с условием, что не будешь особенно мозолить глаза игрокам-богатеям. В обмен на все эти блага нас лишали чаевых. Но мы-то приехали зарабатывать, а не упражняться в гольфе, поэтому в первый же день мы начали подумывать о побеге.

– Если не найдем подработку, свалим с первой зарплатой, – сказал Юкку. – Мы тут за все лето и штуки не заработаем.

Ключи от комнат пришлось просить у мистера Тода заново. Он сделал выводы и вычел пять долларов из наших еще не полученных зарплат.

В душевой кабинке жило отвратительное насекомое размером с лягушку. Принимая душ, приходилось постоянно оглядываться. Как бы оно в спину не впилося. Убить гада мне не позволяла система моральных ценностей. Я против бессмысленного насилия. Насекомое ведь не виновато, что выглядит отвратительно. Может, это их королева красоты.

Во второй день я уже обслужил два стола. Правда, позабыл пробить чеки и перепутал пару заказов, но зато широко улыбался и с удовольствием выговаривал: «йес, сэр» и «ейс, мэм». Особенно мне понравилось «йес, мэм».

Завтраком нас кормили прямо в ресторане. Какие-то сэндвичи, пирожки и кола. Все ледяное, даже пирожки. Я так питаться не привык. Во-первых, мне подавай салат, а во-вторых, я терпеть не могу ледяную пищу. Мне в детстве внушили, что это вредно для горла и желудка. Подозреваю, что это одна из тех родительских установок, которые содержат истину. Единственное, что мне удавалось, так это плавить куски льда в кипятке. Получалась теплая вода. Лед я зачерпывал в льдогенераторе, а кипяток наливал из автомата с водой. Машинное царство. В итоге у меня начался непроходящий насморк.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Солнышко разбудило нас. Мы приняли душ, почистили зубы и причесались. Я даже использовал гель «Wella». Отталкивающее насекомое предстало перед нами в размазанном по стене виде.

– Это не твоих рук дело? – обратился я к Юкке, указывая на склизкий след.

– Не-а. Я в детстве лягушку укукошил, так меня мать так за уши отодрала, что я с тех пор стал пацифистом.

– Наверное, Валдис. У них там фашистские парады устраивают, что ему стоило кузнечика убить, – предположил я.

– Парады в Латвии устраивают, а Валдис из Литвы.

– Какая разница, все прибалты одинаковые.

– Эй, полегче!

– Тебя я не имею в виду.

– А кого имеешь?

– Ну... ну все эти выебоны про независимость, про оккупацию, всю эту хрень...

– Какая хрень?! Ты сам рассказывал, как твой дедушка командовал танковой частью, вторгшейся в Эстонию в сороковом!

– Это была война, сто лет назад, не начинай, а.

– Что «не начинай»! Гитлер со Сталиным разделили Европу. Твой дед ничем не отличается от немцев, которые въехали на танках в Польшу или во Францию.

– Юк, не кипятись. Плох тот солдат который не выполняет приказ. Дед был солдатом, это давно было...

Юкка завелся:

– всю мою семью посадили на платформу и отправили в Сибирь. Просто так, ни за что ни про что! Даже вагона не дали! Представляешь, что такое в ноябре месяце на открытой платформе кататься?! Дед художником был, его как в костюме с галстуком взяли, так он в галстук за Урал и приехал. У матери зубы выпали, потому что она в лагере родилась, витаминов не было. А ты говоришь, приказ...

Я похлопал друга по спине.

– Старик, не злись... Что было – не вернуть... Мы же друзья... Они были врагами, а мы друзья...

Юкка отпихнул мою руку, но было видно, что он успокаивается:

– ...Ладно, ты тоже не принимай близко... про деда. Я же его люблю, помнишь, как он нас самогоном угощал?

– Блин, круто было.

Мы вспомнили, как гостили у деда в деревне, как он поил нас первачом на ореховых скорлупках.

– Все, замяли. Пойдем к Джеку.

Мы отправились наниматься к Джеку. У него был ресторан «Майкос», второй в долине. Там полагались чаевые. В свободное от гольф-клуба время мы решили вкалывать в «Майкосе».

Джек оказался восьмидесятилетним громилой. Живчик с лицом и голосом алкоголика,

выглядыющий лет на пятнадцать моложе. Бывший солдат. Ветеран всех войн двадцатого века. Стены холла «Майкоса» сплошь в орденах. Джек хриплым голосом поведал нам о своих подвигах. Показал медаль Чести Польского королевства и высшую награду Эфиопской империи. Затем продемонстрировал виртуозное владение русским матом. Видать, имел дело с нашими. Не ясно только, на чьей стороне. Расхохотался и пригласил одного вечером поработать басером, то есть помощником официанта. Решили, что пойдет опытный Юкка.

В гольф-клубе день был тяжелый. Приходилось таскать ведра со льдом, ящики с вином и напитками. Раскладывать приборы и салфетки. Мне отчаянно хотелось высморкаться, но я культурно глотал сопли и улыбался. Пользоваться платком я не привык, да и сунуть его было некуда. Наряд официанта карманов не предусматривал. Чтобы не сперли ненароком какой-нибудь деликатес.

Мы ничего не ели ровно сутки. Поэтому вплоть до ланча я тихонько икал и напевал, чтобы заглушить бурчание в животе.

– Отнеси это в женскую раздевалку, – попросила Сигита, указывая на поднос с коктейлями.

– Не понял?

– Что, не бывал никогда в женских раздевалках? – Сигита заржала. – Дамы просили подать им напитки прямо в раздевалку. Вторая дверь справа по коридору.

Я ухватил поднос обеими руками.

– Не бойся, они не кусаются, наверное, – напутствовала меня озорная литовка.

Так как руки были заняты, в дверь я постучал лбом. Не сильно, только для звука.

– Войдите, – донеслось изнутри.

На диванах, вокруг низкого столика, восседали четыре леди младшего пенсионного возраста с полотенцами на головах. Я поставил поднос на стол.

– Махито мне, скотч мне, – затараторили дамы, разбирая напитки.

Я взял поднос и собрался уходить.

– Ты откуда?

– Сори, мэм? – не понял я вопрос.

– Я спрашиваю, из какой ты страны, – по слогам произнесла дама с каштановыми кудрями, выбивающимися из-под полотенца.

– Я из России, мэм. Из Москвы.

– О, я была в Москве, там очень красивое метро.

– Прошу прощения, мэм? – я клял себя за тупое упрямство, которое проявлял в борьбе против материнских уроков английского. Знай я язык нормально, смог бы поддержать с миллионершей светскую беседу, блеснуть чувством юмора и... кто знает. Может, бороздил бы сейчас волны Карибского моря на собственной яхте.

– Я говорю, что в Москве красивое метро, – леди обрисовала руками овальные своды и длинные эскалаторы, чтобы до меня дошло.

– Да, метро у нас ничего.

Другие дамы прыснули.

Каштановая пристально смотрела мне в глаза.

– У русских редко бывают темные волосы.

И ресницы у тебя такие длинные...

– Что, простите?

– Айлэшес! – раздраженно выговорила дама, растопырив ладони над своими веками. В ее тоне я узнал мамины нотки. Я снова тупил на уроке английского.

– А, понял. Спасибо, мэм, – я улыбнулся, стараясь вложить в эту улыбку все обаяние.

Дамы рассмеялись.

– Ступай.

Каштановой было не интересно учить гастарбайтера языку. Ей требовался парень с навыками.

– Ну как? – с усмешкой поинтересовалась Сигита.

– Нормально, – с наигранным безразличием ответил я.

После работы я поплелся в коттедж отлеживаться. Юкка ушел басерствовать, а я мечтал только об одном – завалиться под одеяло. За окном лил теплый дождь.

В домике шли бурные приготовления. Одна мадам, живущая неподалеку, пригласила всех на праздничный пикник в саду. Виталик, Буч и Сигита с Валдисом активно собирались.

Сначала я отнекивался. Действовал облом в женской раздевалке. А потом подумал: «Почему бы нет?» – и присоединился к остальным.

В саду, принадлежащем пригласившей нас леди, под шатрами, стояли барбекюшницы, на-

питки и закуски. Мы как раз успели к ягодам со сливками и вискарю. Я врезал скотча, закусил ягодами. Снова врезал, закусывать не стал, а врезал еще раз. Полегчало.

Тем временем хозяйка, пятидесятилетняя дама с хорошей фигурой и кожей, буквально таяла от Буча. В ресторане его не видно, он с Валдисом моет посуду на кухне, а тут... Буч предстал перед богатой американкой во всей красе русского богатыря.

– Не хотите пива? – лебезила перед ним возбужденная бабенка, пользуясь любым предложением, чтобы потрогать его мышцы.

– Давайте, – отвечал Буч.

Тетка понеслась за пивом, а я подмигнул Бучу и выразительно обвел глазами шикарное поместье. Будешь, мол, как сыр в масле кататься, если засадишь этой крале. Буч смущенно усмехнулся. Миллионерша вернулась с несколькими бутылками. Одна перепала мне. Я принялся запивать виски «Туборгом».

Постепенно американские гости заодно с тихим очкариком, мужем хозяйки дома, рассосались и остались только мы, изрядно набравшиеся.

– У меня есть русская водка, – заявила миллионерша, совсем распалившись. Она схватила Буча за руку и поволокла в дом. Мы выразительно переглянулись. На лице у Буча было какое-то сомневающееся выражение.

После их ухода все как-то сникли. Разговор не клеился. Думали о том, что происходит в доме.

– Пойду проверю, как они там, – высказался я.

– Я с тобой, – подхватил Виталик.

– И мы, – вскочили прибалты.

Непринужденно, как бы прогуливаясь, мы направились к низким окнам дома. Одно из них было не зашторено...

Может, я плохой автор. Не могу создать интригу. Но зачем тянуть кота за хвост, когда и тупому ясно, что происходило за незашторенным окном дома. Я ведь не виноват, что жизнь так дьявольски предсказуема. Чтобы наткнуться на сюрприз, надо из кожи вон вылезти. Даже на Новый год, бля, и то сюрпризов не дождешься. Помню, в детстве я просил у Деда Мороза набор фломастеров. Просыпаюсь первого января – набор под елкой. Разве это сюрприз?!!

Короче, в комнате, обставленной в стиле охотничьих домиков, Буч натягивал миллионершу. Она стояла коленками на диване, отключив зад, а Буч возвышаясь в полный рост со спущенными джинсами, долбил ее, как отбойный молоток. Со стен смотрели головы оленей и свадебные фотографии самой миллионерши и каких-то молодых ребят, видимо ее детей.

Огня в камине не было. В руках миллионерша сжимала бутылку дешевой «Столичной». Мы отошли от окна и вернулись в шатер допивать пиво.

Минут через пять подошел Буч, неся в руках «Столичную». Чуть позже появилась миллионерша.

– Что, уже все разошлись? – нарочито холодно спросила она.

– Да, похоже и нам пора, – затараторили мы. – Все было так здорово и вкусно! Спасибо! – я даже поклонился слегка.

– Возьмите с собой пиво и гамбургеры, – любезно предложила миллионерша.

Мы радостно сгребли все в бумажные пакеты.

– Спасибо за водку, – сказал Буч.

– Пустяки, – ответила миллионерша.

Мы потопали к себе в коттедж под дождем, который стал проливным. Вдруг Сигита запела:

– Солдат шел по улице домой и увидел этих ребят! – хриплый голос пьяной литовки, произносящей с акцентом известные слова, звучал заразительно. Сигита, в облипающем мокром платье, танцевала.

– Кто ваша мама, ребята-а-а?!

Мы заорали в ответ:

– Спросил у ребят солда-а-т!

И все вместе:

– Мама-а-а анархия! Папа-а стакан портвейна! Мама-а-а анархия!!!

На кухне пьянка продолжилась.

– Ну, как она, Расскажи! – полезла Сигита к Бучу.

– Да никак, – отмахивался Буч, хотя ему явно льстил образ крутого ёбаря.

– Надо с нее денег стясти, – посоветовал Валдис.

– Давайте водку откроем, – предложил Буч. Все обрадовались.

– За победу! – провозгласил я, и мы чокнулись стаканами и чашками. Рюмок не было.

– За победу!!! – грянули остальные.

Валдис ушел в сортир. Буч орал:

– Мама-а-а анархия! Папа-а-а-а стакан портвейна!

Сигита перестала петь, прильнула ко мне и нежно поцеловала. Ее синие глаза были совсем близко, а губы мягко впивались в мои. Окружающий мир перестал для нас существовать.

Вошел Юкка.

– Я выпил стакан моющего средства, что делать?

Еб твою мать! Какого черта ему понадобилось врываться именно тогда, когда разгоряченная блондинка из сопредельного государства уже почти мне дала.

– Какое моющее средство? – спросила Сигита, сделав ударение на «а» в слове «какое».

– Обыкновенное! Я в «Майкосе» после смены подошел к баку с айс-ти, решил жажду утолить, блин, налил стаканчик и выпил. Я же не думал, что они уже успели наполнить бак какой-то гадостью для мытья!

– Тебе надо блевануть, – посоветовал я. – Однажды я отравился арбузом, меня врачи заставляли две недели блевать, пока я не выздоровел.

– Бедняжка, – Сигита погладила меня по голове.

– Лучше водки выпей, – Буч налил Юкке приличную порцию. Юк с сомнением понюхал и выпил разом.

– Так-то лучше! – крикнула Сигита. – За победу!!!

Вернулся Валдис. Буч горланил пьяным голосом:

– ...Мама анархия! Папа стакан портвейна! Мама анархия! Папа стакан портвейна-а-а-а!!!

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ В РАЙСКОЙ ДОЛИНЕ

Следующие несколько дней прошли в рутинной работе. Я все так же вкалывал в ресторане. Все так же давился тамошней жратвой. Сигита с того вечера больше со мной не пыталась уединиться. Да и возможности не было. Юкка пару раз подработал у Джека, получив в общей сложности около полтинника. В один из дней я дико расхохотался, обслуживая клиента с фамилией Карлсон. Совсем нервы расшатались. Что смешного в том, что подносишь Карлсону пару сэндвичей с пивом. Последней каплей было замечание мистера Тода, адресованное мне:

– Нельзя пить газировку в зале, Алекс.

Я стоял за барной стойкой, в перерыве между заказами, и хлебал очередной стакан колы. Конечно, неправильно, что официант хлещет колу вместе с клиентами, но мне было плевать. Я устал, Юкка тоже. К концу первой недели пребывания в райской долине мы решили сказать хозяевам, что увольняемся сразу после по-

лучения первой зарплаты. Чеки выдавали каждые две недели. То есть мы думали, что будет честно предупредить мистера Тода заранее, и сказали обо всем его помощнику, Волкеру.

Наступил роковой субботний вечер. Казалось, что все обитатели долины сползлись в ресторан пожрать. За окнами шел дождь. На столах горели свечи. Мы таскали переполненные подносы величиной с рыцарский щит и к концу дня вымотались донельзя. И вот, когда в ресторане стало жарко, не как на Солнце, а всего лишь, как в пустыне Сахара, когда звон кастрюль стих, когда гостей поубавилось, а оставшиеся приступили к ежевике со сливками, – нас вызвал мистер Тод.

Настольная лампа на столе мистера Тода ярко светила нам в лицо. Хозяин кабинета сидел на фоне окна. Там, за его спиной, шумел дождь. Рядом склонился Волкер.

– Вы решили уехать через неделю, ребята?

– Да, мы решили уехать. Для нас здесь слишком мало работы, сэр, – как можно более корректным тоном произнес Юк.

– Вы окончательно решили?

– Да, сэр.

– Тогда вам придется уехать сейчас же, ребята.

Мы сглотнули. Дождь усилился.

– Мы хотели бы получить наши деньги, сэр.

– Зарплату у нас платят раз в две недели, – беспристрастно сказал мистер Тод, сделав ударение на слове «две».

– Может, дадите аванс?

– Мы не платим наличными. Чек вы получите по почте, если вышлете новый адрес своего пребывания.

Юкка косо взглянул на меня, покусывая губу. Я усмехнулся, вспомнив таджиков, которые делают в Москве ремонты в квартирах, а их потом выгоняют, не заплатив ни копейки. Таджиков выкидывают наниматели, а тут таджики решили свалить сами. Да и гонорара нас не лишали окончательно. Сулили чек. Ублюдки.

– Хорошо, сэр, – сказал я, развеселившись. За последнюю неделю я научился произносить эту фразу с десятком интонаций. Она у меня получилась, как в кино.

– Собирайте вещи, через полчаса я за вами заеду, – произнес мистер Тод, и мы навсегда покинули его кабинет.

ПЕРВАЯ НОЧЬ НА ОБОЧИНЕ

Мы сидели на желтых пластмассовых сиденьях у прачечной самообслуживания. Ночной холод пробирал до костей. Любой шорох или звук мотора заставлял вздрагивать. Мы дремали, держа на коленях свои сумки. Это был городок, в котором нас высадил мистер Тод.

После разговора с ним, мы вернулись в коттедж и собрали вещички. Я на всякий случай принял душ, неизвестно, когда удалось бы сделать это в следующий раз. Намазал волосы гелем. Навел марафет по максимуму.

Все ребята были дома, кроме Буча.

– Как же вы будете жить? – прочитала Сигита.

– Нормально будем жить.

Мы обнялись и вышли на крыльцо.

Мистер Тод проверил, оставили ли мы казенную форму, не сперли ли чего из обстановки, и усадил нас в тот же джип, на котором встречал. Мы будто ехали на прогулку.

– А вот мой дом, – указал мистер Тод на уютно горящие окна, за которыми женщина играла с двумя детьми.

– У вас дети? – упавшим голосом переспросил Юкка.

– Да, двое мальчиков.

«Интересно, – подумал я. – Когда его мальчики подрастут и откажутся работать в его ресторане без чаевых, он их тоже отвезет подальше и бросит?»

Дорога петляла вниз по холмам. Беседа не клеилась.

– У нас... у нас совсем не осталось денег, может, дадите нам хоть что-нибудь, чтобы переночевать? – Юкка хоть и приврал про деньги, но не сильно.

– Нет, ребята. Не дам.

– Нам придется спать на улице, сэр.

– Это ваш выбор, ребята.

Вскоре джип въехал на главную улицу маленького городка, и мистер Тод заглушил мотор.

– Удачи, ребята. Бай-бай.

– Бай-бай, мистер Тод, – он пожал нам руки. Мы уселись на лавку под фонарем. Мимо пронесся пикап с орущими подростками.

– Что это за дыра? – после долгого молчания спросил Юкка.

– Он не сказал. – Мистер Тод позабыл сообщить название городка, где бросил нас на произвол судьбы.

Мы посидели минут пятнадцать. Снова показался пикап с подростками. Теперь юные бездельники во всю пялились на нас. Чужаков тут узнавали моментально.

– Думаю, надо переночевать в незаметном месте. – Юкка встал и забросил сумку на плечо. Я последовал его примеру.

– Куда пойдём?

Юкка повертел головой. С одной стороны улицы мы въехали двадцать минут назад, с другой виднелась чернеющая неизвестность.

– Туда, – сказал Юкка, кивнув в сторону неизвестности.

Мы пошли.

Так мы и оказались на окраине безымянной дыры в глубине Северной Каролины. Над нами раскинулось бескрайнее небо с тысячами звезд. Оно напоминало старый расшитый бархат, хранящийся в ящичке с рукодельем, оставшимся от бабушки. По крайней мере, одно достоинство в том, что мы побывали в гольф-клубе, было налицо. Юкка хорошенько прокипятил свою обоссанную шапочку в стиральной машине. Теперь от нас хоть не воняло кошачьей мочой.

ЭШВИЛЛ – СТОЛИЦА КАНТРИ

Утром, чуть свет, мы принялись осматривать городок. Местечко было крайне мало и чопорно. Жители поглядывали в нашу сторону с любопытством и неодобрением. Словно на их чистые улицы ворвались макаки, которые уничтожат все благополучие.

Надо было выбираться, ехать обратно, к океану. На побережье больше шансов найти работенку. Заглянув в магазин открыток, мы узнали, что автобусной станции здесь нет. Что от Бреварда – городок назывался Бревард – надо сперва добраться до Эшвилла, а там уж перед нами откроется вся Америка.

В «Макдоналдсе» мы съели по пирожку с яблоками, запив кофе из пенопластовых стаканчиков. Наличных на двоих имелось чуть больше сотни. Этот запас хранился у меня в потайном кармашке в трусах. Его я пришил заранее, на всякий случай. Там был спрятан НЗ. Теперь наступил его черед. Расплачиваясь, я забрался рукой в трусы и извлек сложенные вчетверо, пропитанные потом купюры. Кассирша, толстущка-негритянка, долго изучала мои влажные доллары, потом меня и только после этого выдала жратву.

Позавтракав, мы вышли на улицу. Слоняясь взад-вперед по городку, мы так и не решили, что делать. Ситуация была столь необычной, а мы столь не подготовлены, что нами овладел ступор. Единственное, на что мы были способны –

мечтать о том, как найдем сумку с двадцатью тысячами долларов и поделим. Или какие-нибудь красотки на кабриолете подберут нас, отвезут к себе на виллу, отмоют, откормят и будут любить снова и снова. Ни того, ни другого не произошло. Мы нашли только трубочку для коктейлей, пару бычков, пивную крышку и несколько зверьков неизвестной породы, раздавленных колесами. Одного из них мы внимательно изучали, сидя на корточках, когда рядом затормозил синий джип.

– Ребята, вам куда? – поинтересовалась благовидная старушенция, сидящая за рулем.

– Нам бы на автобусную станцию, мэм.

– Залезайте, – предложила старушенция.

Уговаривать нас не пришлось. Через секунду мы уже сидели на заднем сиденье.

– Вы, ребята, всему городу глаза намозолили, – старушенция подмигнула в зеркало заднего вида. – Еще денек, и вас бы посадили в клетку и показывали бы детям. Может, они угостили бы вас откусанным бананом, – старушенция расхохоталась, мы подхватили. С чувством юмора у нее был порядок. Так, непринужденно беседуя с доброй леди, мы доехали до Эшвилла. Старушенция высадила нас у бетонного домика автобусной станции, из которого мы вышли, полные надежд, ровно неделю назад.

– Мы можем купить билеты куда-нибудь в сторону океана за сто... – я расправил пару смятых баксов и подсчитал глазами монеты в ладони, – за сто шесть долларов? – обратились мы

к лысоватому пупсу за кассой. Пупс порылся в компьютере.

– Сожалею, но таких билетов нет.

– Что, мы *никуда* не можем отсюда уехать?! – воскликнули мы.

– Никуда. Самый дешевый билет обойдется в пятьдесят девять долларов. Сто восемнадцать на двоих.

Понурившись, мы вышли на воздух.

– В Нью-Йорке нам дали список телефонов для критических ситуаций! Помнишь?! – меня осенило. – Сейчас все будет. Там есть справочная по ночлежкам! – Я сбросил сумку с плеча и принялся в ней рыться. Найдя нужный буклет, мы бросились к телефону-автомату.

– Квотеры есть?

– Есть, – Юкка выгреб из кармана несколько четвертаков.

Я набрал номер, опустил первую монету, послышался автоответчик: «Подождите, и мы вам обязательно ответим». Приятно это слышать, когда нет денег и каждые четыре минуты надо засовывать в ненасытную железную щель по монете.

Сердце отбивало доли секунд. Нам казалось, что ответа не было целую вечность. По крайней мере, парой квотеров пришлось пожертвовать, прежде чем я услышал приятный женский голос.

– Мы в Эшвилле, мэм. Скажите, пожалуйста, адрес местной бесплатной ночлежки.

– Эшвилл – штат Аризона или Северная Каролина? В США много одноименных городов.

– Северная Каролина, – уточнил я.

– Одну секунду, сэр.

– Она сказала «одну секунду», – подмигнул я Юкке.

Девушка искала адрес минуты две. Пришлось бросить еще один четвертак. Оставался последний. Если она не успеет, разговор прервется, нужно будет разменивать бумажки и начинать все сызнова. Но девчонка не подвела.

– Бродвей, сто восемьдесят один.

– Спасибо, мэ. – Я собрался повесить трубку.

– А вы откуда?

– Не понял, мэ.

– Извините мое любопытство – акцент знакомый.

– А... – я приосанился. – Я из России.

– А я из Болгарии! – радостно воскликнула девушка. – Просто давно живу здесь.

Ее голос звучал так уютно. Захотелось оказаться рядом с этой болтливой болгаркой, сидеть у огня, поджав ноги, уткнуться в ее волосы.

– У вас красивый голос... – не успел я закончить, как из трубки донеслись частые гудки. Я растерянно посмотрел на телефон, потом на Юкку. Тот показал, что монеты кончились.

– Нет денег, нет любви. Адрес записал?

Через пять минут мы бодро маршировали по автомобильному туннелю в скале.

Свернув направо, после туннеля, мы увидели множество людей в ковбойских шляпах, сидящих на большом лугу. Народ пировал. Все сжимали в руках бумажные пакеты с торчащи-

ми оттуда горлышками. Происходило массовое бухалово без нарушения закона. Отовсюду, целыми семьями, прибывали новенькие.

– Что происходит? – обратились мы к одному из поддатых ковбоев.

– Парни, вы откуда свалились?! Это же фестиваль кантри!!! – ковбой хлопнул меня по плечу и двинул дальше. Позже я узнал, что в городе Эшвилл ежегодно проводится самый крупный смотр кантри-музыки в мире. И что не так давно там победил российский коллектив. Но в тот день нам было не до кантри.

Мы уточнили маршрут и вскоре стояли в конце Бродвея, напротив двухэтажного дома с номером 181. Бродвей в Америке – что-то типа нашей улицы Ленина. В каждом захолустье есть свой Бродвей. Итак, мы остановились напротив нужного дома, решив обозреть позицию с расстояния. На то были причины.

Возле входа толпились многочисленные негры разных размеров, преимущественно крупные и гигантские. Все они были одеты в какую-то рвань и многие, кажется, были под наркотой или пьяны. Это и был наш Иерусалим. Бесплатная ночлежка. Место, в которое мы мечтали прорваться любой ценой.

– Я не хочу, чтобы меня трахнул такой вот негрила пока я сплю, – угрюмо высказался Юкка.

Я не стал возражать. Мне тоже было неохота почувствовать среди ночи здоровый черный член у себя в заднице, и все из-за экономии. Мы

заглянули в закусочную, взяли один бургер и слопали его пополам.

– Я видел мотель возле станции. Пошли, переночуем по-человечески, а завтра будь что будет.

Юкка был прав, провести вторую ночь на улице, ничего не жавши, было выше наших сил. Нужно правильно распределять ресурсы. Мы двинули в обратный путь через всю столицу кантри-музыки.

Ковбоев на лугу прибавилось. Туннель в скале показался длиннее.

Комната в мотеле обошлась в полтинник. Пятидесятилетняя алкоголичка с выжженной перекисью метелкой на голове швырнула нам ключи. Бедра и задница, отбитые тяжелой сумкой, болели. Ноги и плечи ломило. В тот день мы раз пять обошли кругом Бревард и дважды пересекли Эшвилл. Войдя в комнату, мы повалились на кровать. Чистые дырявые простыни, старый телевизор, стены, оклеенные пленкой под дерево. Комната показалась нам дворцом. Шуршание крыс за стеной – пением ангелов.

ХИЧХАЙКИНГ

Автостоп в Америке называется хичхайкинг. Каждому известно из фильмов, что это дело в Штатах распространено и любимо. Покинув мотель утром, мы накарябали на листе бумаги «East» и вышли на трассу. Надо признать, что популярностью мы не пользовались. Одна ком-

пания подростков, набившаяся в родительский «понтак», даже швырнула в нас стаканчиком от колы. Мы в долгу не остались – показали им фак. Все ехали мимо, даже полиция. Мы решили сыграть в города.

– Москва, – начал я.

– Армавир, – нашелся Юкка.

– Ра... Ро... – поискал я. – Рим!

– Москва уже была... Мехико! – Юкка, как ребенок, радовался найденному ответу. Не успел я сказать «Осло» и блеснуть знанием географии, как старый синий пикапчик с надписью «Ford» притормозил в двадцати метрах впереди. Мы схватили сумки и кинулись к нему.

Из кабины нам улыбалась рыженькая милашка. Мы бросили сумки в кузов и сели рядом.

– Вам куда, парни? – спросила милашка, встраиваясь в поток несущихся машин.

– Нам бы к океану, – ответили мы, глупо хихикая. Приятно, когда твоя судьба находится в нежных пальчиках юной американки.

– Я проезжала по той стороне часа два назад, – рассказала рыжуля, указывая на встречную полосу, – и подумала: «Никто этих ребят все равно не подберет». Съездила домой, приняла душ, сварила кофе и вернулась за вами. Все равно делать нечего.

– А почему ты была уверена, что нас никто не подберет? – Эта заява нанесла удар по нашему, раздувшемуся было, самолюбию.

– А потому что хичхайкинг запрещен на скоростных трассах. Нельзя ловить машины и

нельзя останавливаться. Странно, что вас копы не свинтили.

Теперь мы кое-что знали.

– Голосовать можно только на дорогах местного значения, – добавила рыжуля и подсунула под попу левую ногу. Правую она держала на газе и рулила одним пальчиком. Американские машины придуманы для изящного времяпрепровождения. Никакого переключения передач. Никаких неповорачивающихся рулей.

– Я подброшу вас миль на двадцать, о'кей?

– О'кей, о'кей, – затараторили мы, благодарно улыбаясь.

Рыжуля высадила нас у дороги № 221 и помахала ручкой. Благослови ее Бог.

Через полчаса мы уже сидели в красном «мустанге», несущемся по витым горным дорогам. Двое парней ехали в соседний городок в «Макдоналдс». «Макдоналдс» в их родном городе парням надоел. Эти «Макдоналдсы» развивают небывалую тонкость вкуса у провинциального населения США. Я так и не уловил, в чем соблазнительное преимущество одного похожего на морг загона перед другим.

Парни угощали нас куриными котлетками из огромного картонного ведра. Несколько раз «мустанг» почти столкнулся с другими машинами, чуть не свалился с обрыва и едва не впечатался в вековое дерево. Но это не мешало мне любоваться изумительными пейзажами, напоминающими китайские акварели.

Таким образом, мы оказались в городке Бонн. Там нас застал дождь и промочил до нитки. Даже паспорта намочили. Чтобы не шастать наугад, мы посмотрели указатели и вычислили, в какую сторону следует ловить тачку. До этого мы полагались на собственное чутье и неизменно ошибались. А когда ошибка стоит тебе пары миль туда-обратно пешком, то волей-неволей перестанешь полагаться на чутье и возьмешься за ум. Мы вышли из города с северной стороны. Сразу тормознул чудаковатый господин. Он принялся расспрашивать нас, кто мы и откуда. Обычная история на дороге. Я сидел спереди, рядом с ним, и рассказывал о наших приключениях. Иногда я прибавлял в конце фразы «сэр». Обычная штука в Америке.

– Работа нужна? – спросил господин своим странно-медлительным голосом – словно звук буксовал в киселе. Надо сказать, что ехал он так же, как и говорил. Крайне медленно.

– Конечно, сэр. Нам нужна работа, а что предложите?

– Отсосешь – получишь полтинник. И брось называть меня «сэр», – господин смотрел на меня глазами, полными любви.

– О, забыл! Нам вот здесь выходить, у нас здесь встреча! – донесся с заднего сиденья Юркин голос.

– Подумайте хорошенько, – настаивал господин, но я уже дергал ручку двери. Остановиться ему было не трудно, машина и так почти не ехала. Мы пулей выскочили из машины. Господин пополз дальше.

– Отсосешь за полтинник? – издевался Юкка. – А за полтинник с копейками?

– Вот сука! Полтинник! Неужели я так плохо выгляжу! – кипятился я.

– Нормальная цена! Зря обижаешься. Один отсос – ночь в мотеле! Можно иметь в виду на крайний случай, – хохотал Юкка.

Мы поплелись вдоль дороги. Смеркалось. Дождь возобновился. Вокруг возвышался густой темный лес. Раздавленных зверьков на асфальте существенно прибавилось.

ЛЕДИ НА «МЕРСЕДЕСЕ»

Ночевать в мокрой одежде, в мокром лесу, под дождем – не самая приятная вещь на свете. Опыта у нас не было, но что-то подсказывало, что это именно так. Мы продолжали отчаянно оттопыривать большие пальцы рук навстречу проезжающим машинам. Люди возвращались с работы. Их ждали теплые сухие дома и ужин. Им было неохота сажать в машину грязных засранцев, голосующих на опушке леса.

– Смотри, баба на «мерсе»! – крикнул Юкка, кивнув на одну из машин. За елозящими дворниками виднелось лицо женщины.

– Редкая тачка для Штатов...

Вдруг серый «мерседес» остановился. Мы переглянулись и бросились к нему.

– Спасибо, мэм! Большое спасибо! – наши глаза лучились неподдельным счастьем, встре-

чаясь в зеркале заднего вида с голубыми глазами блондинки среднего возраста.

- Плохая погода, – усмехнулась она.
- Да уж.
- Куда вас подбросить?
- Как можно дальше на северо-восток, мэм.

Мы едем к океану.

- А где вы собираетесь ночевать?
- На улице, мэм.
- У вас есть палатка?

Я не понял и уточнил у Юкки по-русски:

- Что она сказала?
- Она спросила, нет ли у нас палатки.
- Какой палатки?
- А хрен ее знает.
- У тебя нет палатки?
- Нет, а у тебя?
- У меня тоже нет.

- У нас нет палатки, мэм, – ответили мы хором. Я даже как-то презрительно. С детства испытываю презрение к палаткам. Мне кажется, что если оказаться в палатке, то какой-нибудь жук обязательно заползет в трусы. Я создан для дворцов, а не для палаток.

Дама покачала головой. Дальше ехали молча. Она первая нарушила тишину.

- Ночуйте у меня, ребята.

На миг мы задумались. А что, если дамочка людоед? Но было не до размышлений.

- Это очень любезно! Спасибо, мэм! – мы радостно переглядывались и хлопали друг друга по коленкам.

Подъехав к небольшому вагончику, «мерседес» остановился.

– А вот и мой дом.

Мы вышли. Это был обычный трейлер. В таких целые семьи отправляются на отдых. Трейлер стоял на фундаменте. К нему были пристроены веранда и пара комнат. Бывает, едешь на «мерсе», а живешь в трейлере. Такие дела. Даму поджидала парочка охотничьих английских собак и голубой волнистый попугай.

– Вон ваша комната, – кивнула дама на дверь слева. – Раздевайтесь, я брошу ваши шмотки в сушилку.

Мы незамедлительно последовали ее совету, а через десять минут уже сидели на диване в трусах и смотрели телевизор. Я прятал свои ноги. Они посинели, их покрасили мокрые кеды. Пальцы снова стерлись. Я незаметно отодрал кусок ороговевшей кожи со старого волдыря и бросил в мусорное ведро. Промахнулся, кожа шлепнулась рядом. Не зря в школе меня выгнали из баскетбольной команды. Одна из собак понюхала кожу и проглотила. Хозяйка ничего не заметила. За стеной уютно шумела сушильная машина.

– Хотите сэндвичей?

– Конечно, хотим.

Дама сварганила пару сэндвичей, вкуснее которых мы не ели ни до, ни после. Собственно, это была основная еда за тот день. Утром – пакетик сахара из закуской, в обед – парочка куриных котлеток от парней на «мустанге».

– Хотите посмотреть альбомы по искусству? Я училась живописи в Париже.

Мы кивнули – Юкка из дипломатических соображений, я искренне.

– Мы обожаем искусство!

– О, грэйт! – воскликнула дама и присовокупила к нескольким толстым томам папку со своими работами. Смотреть произведения новичков всегда непросто. Особенно, когда они так себе, а ты перед их автором в долгу. А был именно такой случай. Акварельки, подsunутые дамой, оказались жалкими ученическими попытками изобразить окружающую природу. Ей явно не хватало мастерства и вкуса.

– У вас тут красивая природа, – сказал я, наткнувшись на очередной вялый пейзажик.

– О, да! – воскликнула мадам. – Я выставила эту работу в прошлом году на конкурсе штата среди художников-любителей.

Юкка не стал утруждать себя игрой в культурного мальчика и быстро вернулся к телевизору. Я же, внимательно изучив работы гостеприимной леди, принялся за альбомы. Больше всего мне запомнился Вермеер. Я любовался лицами его персонажей, складками их одежды, тонко изображенными географическими картами, висящими на стенах его интерьеров. Юкка пошел отлить.

– Спасибо, я обожаю Вермеера.

Я собрался было поставить альбом обратно на полку, но тут дамочка навалилась на меня всем телом и заткнула рот поцелуем. Я держал

альбом, как щит, и тихонько мычал. Она отпрянула от меня, не найдя ответа моих губ.

– Я тебе не нравлюсь? Меня зовут Энн.

– Ну что ты Энн... Ты такая красивая... Я Алекс, очень приятно...

– Я никому не нравлюсь. Меня считают психованной.

– Энн, я не считаю тебя психованной. Просто был трудный день, понимаешь...

Из-за стены донесся звук спускаемой воды.

– Я хочу подарить тебе что-нибудь на память, – сказала Энн, одергивая юбку. Она пошарила по столу и вручила мне дорогой японский карандаш со сменными стержнями.

– Знаешь, я из семейства Карнеги. Слышал о таком? Карнеги-холл в Нью-Йорке – наших рук дело. В семье я изгой. Живу здесь, в трейлере. Участвую в местных выставках...

Я понимающе кивнул. Юкка вернулся в комнату.

– Вы устали, ребята. Отправляйтесь спать.

– Спокойной ночи, Энн.

– Спокойной ночи.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Какой-то латинос завез нас не в ту сторону, после чего мы упрямо перли обратно. «Вива Куба и все такое», – подумали мы, увидев латиноса, но вскоре поняли, что он везет нас не туда. Попросили тормознуть, парень не понял,

мы попросили еще раз, он опять не просек. Я с ужасом догадался, что латинос ни слова не понимает из того, что мы ему говорим. Он совсем не знал английского. Пришлось бурно жестикулировать, кричать и даже прибегнуть к угрозам, чтобы чувак наконец тормознул. Тупость потомка великих майя привела к тому, что мы отъехали в сторону мили на полторы.

Ночью мы спали как убитые. Хоть у нас и были опасения, что мисс Энн завалится к нам с топором и порубит на мелкие кусочки, мы все равно уснули, как сурки. Мисс Энн не приходила. Утром мы тихонько встали и вышли на цыпочках из вагончика, не прощаясь. Не хотелось будить мисс Энн. Да и к чему эти неловкие утренние прощания. Лучше сохранить воспоминания вечернего шарма.

Когда я обернулся на трейлер в последний раз, то увидел, как за окном мелькнуло ее лицо. А может, показалось. Я было почувствовал себя неловко, но быстро обо всем позабыл. Нам предстоял долгий путь на северо-восток.

Пот капал со лба. Мы шли вперед. Мимо опрятных домов из кирпича. Мимо ветхих развалюх из досок. На верандах таких развалюх стояли, почесывая яйца, пузатые бездельники в несвежих майках. Сами развалюхи выглядели точь-в-точь как наши дачные домики.

Мы преодолевали пешком милю за милей.

– Прикинь, сейчас за поворотом лежит сумка, а там бутылка воды и десять тысяч, – мечтал Юкка.

– Позавчера ты хотел двадцать.
– Десять тоже сойдет.
– Точно. Десятка зелению и два гамбургера из «Макдоналдса».

– Лучше из «Бургер-Кинга».
– Я в «Бургер-Кинге» никогда не был.
– Я тоже, но говорят, там вкуснее.

За поворотом была только пустая дорога, и мы рассуждали дальше.

– А что бы ты с деньгами сделал? Маме отослал? – спрашиваю я.

– Пять штук маме, а на остальное купил бы ферму в Эстонии, на берегу озера.

– И что б ты с этой фермой делал?

– Овец бы разводил.

– Ты бы сидел в этой дыре и разводил овец?! – Юкке удалось меня всерьез заинтересовать.

– А что – мясо, шерсть. Сыр можно делать. Можно управляющего нанять. Хорошая инвестиция.

– Не знаю, нестабильно как-то. Передохнут еще...

– А ты бы что сделал?

– Ну... – я сплюнул. – Прогулял бы сразу штуки две, две-три – родителям, а остальное... остальное дал бы хорошему режиссеру на фильм.

– На пять штук фильм не снимешь.

– Ну, можно снять короткометражку и попасть в Канны.

– Короче, ты бы все деньги проебал. – Юкка сплюнул.

– Почему проебал?
– Потому что все бы отдал и ничего бы не получил.

– Как «ничего»? – обозлился я. – А фильм?

– Да кому нужен короткий фильм?! Кто его будет смотреть?!

Я задумался.

– Плохая инвестиция, – добил меня Юкка.

Дорога пошла резко в гору, мы насупились и преодолели подъем молча.

– Нормальная инвестиция. Вклад в ноосферу.

– Куда?

Достигнув вершины, мы остановились отдышаться. Вокруг расстилались холмы, засаженные елками, предназначенными для Рождества. Елки были еще маленькие, но через пару лет они подрастут, их срубят, и они украсят миллионы домов. Станут волшебными феями праздника, чтобы спустя неделю оказаться на помойке. Рождественские елки, словно камикадзе. Всю жизнь их готовят к великой миссии, Светлому празднику, где им суждено сыграть ключевую роль. Горят свечи, хлопают пробки. Радость и счастье царят кругом. Но настанет утро – и все вернется на прежние места. Как американские моряки сметали за борт горящие истребители японских смертников, которым так и не удавалось протаранить многометровые палубы, так хозяева домов выбросят елки за дверь, предварительно сняв с них украшения, словно лишив наград перед казнью.

– Ноосфера, это облака энергии, которые по-полняют произведения искусства. Вернадский придумал.

– Который цирк открыл?

– Почему цирк?

– Цирк на проспекте Вернадского?

– Нет, он ученый, цирк тут ни при чем.

– Как это фильм может стать энергией?

– Все вещи и поступки имеют энергию. Как бы двойников в нематериальном мире. Искусство обладает самой главной энергией.

– Сань, ты знаешь, я в такие вещи не верю. С энергии денег не срубишь. Получается, ты их все-таки проебал.

– А по-моему, инвестировать в вечность надежнее, чем в стадо овец.

Мы взвалили скарб на плечи и двинули с горы. Я думал о ноосфере и сумке с деньгами. Вскоре нас подхватил какой-то мужик в рабочем комбинезоне. Девчонки, держащие сигареты на отлете и добропорядочные фермеры ехали мимо. Нас подвозили только работяги. Мы сидели на занозливых досках. На кучах навоза. Рядом с овцами и курами. Жали мозолистые руки. Твердили свою историю. Кивали в такт то кантри, то року, то диско, звучащим из автомобильных приемников. Водители рассказывали, что автостоп вышел из моды лет двадцать тому назад. Раньше достаточно было поднять руку, и выстраивалась очередь из машин. Теперь народ напуган. Много преступлений, да и времена изменилось.

Один лихой дядька резко повернул руль, и я вывалился из кузова на полном ходу.

– Бля! – было последним моим словом. Не совсем последним, конечно. Последним, которое я сказал, еще находясь частью тела в кузове. Мне повезло. Я свалился в грязь придорожной канавы. Мордой в желтую жижу. Обошлось без переломов. Только коленка немного побаливала. Поднявшись, я обнаружил железный штырь, торчащий в нескольких сантиметрах от места, где в грязи отпечаталась моя физиономия. Я расхохотался. Грузовичок дал задний ход. Я уже видел смеющиеся лица Юкки и водителя.

– Извини, старик! Впредь держись крепче! – крикнул водила. Я забрался в кузов. Мой оранжевый комбинезон, и раньше не отличавшийся чистотой, выглядел совсем жалко. Юкка протер мне лицо.

– Как камуфляж.

Мы и впрямь стали походить на партизан. Если мы не ехали, то шли по холмам, прислушиваясь к звуку моторов. словно панфиловцы, поджидавшие фашистские танки. Чем больше будет танков, то есть машин, тем лучше. Мы со всеми справимся. Дорога пошла лесом, мы остановились передохнуть. Юкка решил прогуляться.

– Смотри! – крикнул он, присев на корточках. Я подошел прихрамывая. Юкка рассматривал огромную кучу дымящегося дерьма, ковыряя в нем палочкой.

– Насрал кто-то *очень* большой... И насрал недавно... – сказал Юкка и многозначительно посмотрел на меня. Я со страхом оглядел дебри, темнеющие вокруг. Оттуда доносился гвалт птичьих криков, стрекота кузнечиков и других звуков, принадлежность которых была для нас тайной.

– П-пойдем отсюда, – предложил я.

Хромоту как рукой сняло. Мы подхватили сумки и, оглядываясь, дали стрекача. Не то чтобы мы бежали, но поднажали, как чемпионы по ходьбе, ожидая, что из леса вот-вот выскочит чудовище и кинется вдогонку.

В гору. С горы. В гору. С горы. Мы шли к океану. «Три раза, не моя зараза. Не папина, не мамина, а чужого дядина», – твердил я детское заклинание, плюя через левое плечо, заведя мертвых зверьков. Их было множество, приходилось все время плевать и повторять считалочку не умолкая.

ПИСЬМА РОДНЫМ И ДОБРЫЕ СОВЕТЫ

Надо отметить, что во время наших бесприютных скитаний мы не забывали о близких. Этому способствовала всеобщая интернетизация американской провинции. Благослови Боже Америку и ее библиотеки. Библиотека есть в любой дыре, и в каждой библиотеке бесплатный Интернет. Показываешь документ и пользуешься компьютером сколько влезет.

Я писал родителям, что все в порядке. Матери – что совершенствую английский. Отцу – что побывал в «Метрополитене» и не забываю о зарядке. Не обжирюсь фаст-фудом и ем много фруктов. В целом это было сущей правдой. Я болтал по-английски с водителями – в основном, на жаргоне. Я не объедался бургерами – они были для меня непозволительной роскошью. Я ел фрукты – иногда нам перепала лесная малина с куста. О зарядке и свежем воздухе и говорить не приходилось. Ходьба с препятствиями и сон под открытым небом заменяли любую зарядку. Отец мог мной гордиться. Однако подробностей о нашем житье мы не сообщали, и родители, решив, что мы отлично устроились, стали писать реже.

Закончив с письмами, я поджидал Юкку, разглядывая книжки на полках. Оказалось, что жители Америки могут найти в книге ответы на любые вопросы. Целые полки занимали томики с названием «Как познакомиться с девушкой». Полки напротив были отданы советам «Как познакомиться с парнем». Имелись книжки «Закадрить красотку (красавца) за три дня, не имея красивой внешности и толстого кошелька». Тем, кто успешно прошел предыдущие ступени, предоставлялся выбор: «Удиви партнера в постели» и «Десять заповедей орального секса». Последние брошюры имелись в четырех вариантах: для девушек, для парней, для геев и для лесбиянок. Естественно, это были не основные темы библиотечной

литературы. Также можно было прочесть книги «Как продать хитовый киносценарий», «Как продать плохой киносценарий» и «Как втюхать безнадежный киносценарий». Сверху нависали корешки «Как стать самой красивой девчонкой в классе», справа перли тома «Как прочистить раковину без помощи сантехника», слева подкрадывались «Как в пять шагов стать президентом Соединенных Штатов». Американцам не надо думать. Тайн для них не осталось, все очевидно. Заплатив десятку, они получают ответы на все вопросы, которые только могут возникнуть у здравомыслящего человека. Если же ответ на полках не обнаруживается, можно подать в суд на библиотеку. Получите компенсацию – раз, книга будет написана и поступит в продажу в кратчайшие сроки – два.

Добрые советы завертелись колдовским хороводом, из которого вдруг выглянуло нечто знакомое. Где же я это видел? Я взял книжку с полки и повертел в руках. На обложке имелась фигуристая девица, красный «феррари», пачка долларов и белая вилла у моря. Вспомнил! Точно так же называлось агентство, направившее нас сюда: «Хочешь разбогатеть – спроси меня как!». Я пролистнул несколько страниц, увидел картинки, где оборванный лузер типа нас постепенно обретал просветление и в конце купался в благах жизни. Также имелись простые схемы, иллюстрирующие правила обогащения. Эх, не слушал я мать, не учил английский! Текст и схе-

мы были мало понятны, а читать со словарем не хотелось.

Пока я околачивался возле стеллажей, Юкка занимался делом. Он выискивал предложения о работе на всех американских сайтах. Его упорство было вознаграждено. В библиотеке местечка Афины Юкка отыскал объявление о требующихся уборщиках в мотель. Штат Вирджиния. Город Вильямсбург. Недалеко, черт возьми. Будь у нас деньги, мы бы оказались там в тот же вечер. Но денег не было. Вместо этого Юкка написал письмо хозяину мотеля и сохранил его телефон. Спустя многие дни мы поймем, что это был знак. Что мы не случайно списались с работодателем, находясь именно в Афинах, американской дыре с древнегреческим названием. Но тогда мы презрительно фыркнули.

– Смешно называть всякие деревни в честь европейских городов.

– Местная традиция. Сплошная видимость, скорлупка, а орешка нету.

У нас появилась надежда.

ГОСПОДЬ ЗДЕСЬ

На окраине Афин перед нами остановился длинный автомобиль цвета воды в хороших бассейнах. Автомобилем управлял долговязый джентльмен с лицом безумца.

– Садитесь, прокачу.

Мы забрались в тачку, очарованные ее красотой.

– Нравится? – джентльмен увидел наш восторг.

– Еще бы. Отличная машина.

– «Бьюик» семьдесят шестого года.

«Бьюик» был прекрасен. Он плавно несся по петляющей дороге, даря пассажирам ощущение причастности к чему-то божественному.

– Я в молодости тоже путешествовал стопом. В Канаде.

– Расскажите, – любезно попросили мы. Долговязый только этого и ждал.

– Ребята, вам такое и не снилось! Я проехал всю Канаду насквозь! А однажды, знаете, *кто* меня вез?

– Кто?! – я подумал, что дядьку вез сам Элвис, таким тоном он задал свой вопрос.

– Де-вуш-ка! – торжествующе, по слогам заявил долговязый и поймал наши глаза в зеркале заднего вида. Я было разинул рот, но Юкка пихнул меня коленом.

– Вот это да! – нарочито восторженно воскликнул мой догадливый друг.

– Я ее не знаю, она меня не знает и на тебе – подвезла!

– Наверное, вы ей понравились, – заискивающе предположил Юкка.

– Как знать, как знать... – долговязый был явно польщен.

– Пожалуй, я прокачу вас миль на пятьдесят. Все равно делать нечего.

Юкка бросил на меня назидательный взгляд. Черт возьми, когда же я усвою, как правильно разговаривать с людьми!

Долговязый дал нам несколько советов по хичхайкингу. Во-первых, надо как можно конкретнее написать на картонке место назначения. Тогда люди понимают, что у тебя есть цель, и больше доверяют. Во-вторых, ночевать лучше на кладбищах, полиция туда не сунется и не загребет за бродяжничество. Дядька продолжал, но я увлекся пейзажами за окном.

Дорога петляла среди холмов. Некоторые холмы были покрыты деревьями, усыпанными крупными цветами типа пионов. Это были магнолии. Их обвивали лианы. Другие холмы покрывала сочная зеленая трава. На траве паслись благодатные коровы. Дорога наклонялась то немного вправо, то влево, как велотрек, в зависимости от поворота. В холмах попадались крапинки домов красного кирпича с белыми ставнями и дверями. «Бьюик» взбирался на большую гору. По небу плыли тучные золотистые облака, какие бывают под Москвой в июле. Солнце клонилось к закату. По обочинам росли густые деревья. На миг в листе сверкнул просвет, и моему взору открылась бескрайняя долина.

Раньше мать выписывала журнал «Америка», и к одному из номеров прилагался календарь. Это была фотография долины изумительной красоты. Долину обрамляли холмы, покрытые зеленой сочной травой. Посередине текла речка. На горизонте таяла гряда гор. В небе висел орел. Это было

окно в волшебный мир. С тех пор я знал, рай существует.

Теперь я видел его воочию. Голубые горы стояли на горизонте. Река вилась через зеленые луга. Орел парил в небе. Я видел лишь одно отличие – на фотографии небо было голубым, а за окном плыли облака... Вдруг, прямо на глазах, луч заходящего солнца раздвинул облака и осветил долину золотисто-розовым. Время остановилось. Картинка замерла. Орел повис в небе, пронзенный лучом.

Я понял – Господь здесь. Небо нас не оставит. Пусть календарь давно утерян, но райская долина всегда со мной!

В следующую секунду быстрый «бьюик» оставил просвет в деревьях позади и начал спускаться.

– Я ее не знаю, она меня не знает и на тебе – подвезла! Чего в жизни не бывает, – донеслось с переднего сиденья.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ НА ДОРОГЕ

Последним, кто подвез нас в тот день, был бывший солдат-весельчак. Он рассказал смешную историю.

– Представляете, тут нашли одну шлюху, которая подавилась гандоном.

– Это как?

– Ее на стоянке нашли, сосала, наверное, у дальнобойщика. Он кончил и пошел. А гандон

сполз и у нее во рту остался. Она его вдохнула – и все, кирдык. Пьяная была, – мужик расхохотался. Мы угрюмо подхватили.

– Да уж, никогда не знаешь, какой смертью умрешь.

– Это точно.

– Я в девяносто первом в Заливе на «Абрамсе» воевал. Жив, как видите, только песком надышался. Врачи говорят, можно рак получить.

Он высадил нас на шоссе № 58 East, возле церкви.

– Пора к жене. Ждет меня. Несколько дней не виделись, пока я вкалывал на стройке, – попрощался с нами солдат и укатил прочь.

Стемнело.

Часа два прошло в безуспешных попытках словить тачку. Мимо неслись расцвеченные лампочками фуры. Никто не тормозил. Мы уселись на скамейку возле церкви.

– Другие детки лежат в теплых постельках и едят бутерброды с маслом, запивая какао, а мы сидим в болоте, – Юкка процитировал Буратино плаксивым голосом.

– Но золотой ключик достался именно ему, а не благополучным маменькиным сынкам, – возразил я.

Юкка усмехнулся. Нам предстояло пережить еще одну ночь. Взмокшие на дневной жаре, мы начали медленно околевать от ночного холода. Когда нечем укрыться – пробирает до костей. Юкка укрылся газетой. Я остался как есть. Все равно не сон, а черт-те что.

Прислушался к ночным звукам. Пение одной птички очень напомнило мелодию для мобильных, популярную тем летом в Москве. Родина подавала сигнал. Вдруг Юкка вскочил с диким воплем:

– Уау-у-ууу!

– Что с тобой?! – тербил его я.

– Рука затекла-а-ааа!

Вскоре он успокоился. Тем временем небо стало бледнеть, и мы решили не мешкать. Пошли вперед по трассе. Нас мучила жажда. Потеть, мы теряли много влаги, а пить было нечего. Слюна стала клейкой, горло съежилось. Юкка, плевалщик со стажем, харкнув, попал себе на ботинок. Ну ладно бы я. Я дилетант, но Юкка! В свое время он учил меня плевать как следует. Чтобы далеко летело. Впустую – я оказался тупым, как пробка. Однажды я харкнул через плечо, катаясь на велике. Думаю, о, лихо вышло! Вечером прихожу домой довольный, раскрасневшийся, снимаю футболку, а через всю спину полоса засохших соплей. Вот такой я плевалщик.

На заправке заметили автомат, торгующий напитками за доллар. Сунули четыре четвертака. Автомат их проглотил, но ничего взамен не дал. Мразь механическая! Более циничной и жестокой шутки с нами нельзя было сыграть. К счастью, за углом оказался честный автомат, который выкатил из себя бутылку пепси. Мы бросились рвать ее друг у друга из рук. Слизывали пену, которая потекла из-под

крышки. Пепси, конечно, жажду не утолишь, но хоть что-то.

Мимо проехал минивэн. Из него выглянула недружелюбная башка в строительной каске. Метров через пятьдесят, пыля шинами, минивэн тормознул.

СТРОЙКА

- Вам куда? – донеслось из головы в каске.
- На восток, в Вильямсбург!
- Мы едем в Ричмонд. Садитесь.

Небывалое везенье. Ричмонд – столица штата Вирджиния. От него до Вильямсбурга миль шестьдесят, не больше. В минивэне сидели три типа: бритоголовый рулевой, седой джентльмен в каске и мулат. У рулевого была проколота бровь, а шея покраснела от загара. На лице имелись светлые висячие усы подонка. Иногда его голова тряслась. Нервный тик. Справа от него располагался пожилой джентльмен. Тот, что с нами заговорил. Волосы у джентльмена, по крайней мере те, что торчали из-под каски, были цвета фильтра выкуренной сигареты. Лицо напоминало копченое мясо, которое у нас продается под названием «шейка». Третью физиономии старика закрывали темные строительные очки, как у Робокота. Сзади, рядом с нами, развалился бритый мулат. Серьги у мулата были вдеты во все возможные места. Говорил он медленно и невнятно, как будто в рапиде. Весь салон был

завален раздавленными банками из-под пива, пустыми бутылками, пластмассовыми стаканчиками и бычками.

– Эй, Дэйв, – обратился старик к мулату, – спроси у этих мексиканцев, нужна ли им работа.

– Они не мексиканцы, Па, – ответил мулат. – Они русские.

Мы успели кое-что ему рассказать.

– Какая разница! Я плачу пятьдесят в день, плюс пятнаха на жратву и халявное проживание!

– Мы согласны! – заорали мы с задних сидений. – А что надо делать?

Па снял каску, достал из нее пакетик с измельченными сушеными листиками.

«Трава», – Юкка мне подмигнул.

Старик надел каску обратно, сунул руку куда-то в задницу, извлек трубочку. Забил. Раскурил. Затянулся. Передал рулевому.

– На, Пэт. Затянись.

Мы целиком превратились в слух.

– Мы строители. Едем оснащать мост арматурой. Вы, мексиканцы, будете таскать железки, – проскрипел Па.

Пэт передал трубочку Дэйву. Тот затянулся и закашлялся. Протянул Юкке. Юкка затянулся и задержал дыхание. За ним к трубочке приложился я. Горло запершило, голова затуманилась, и мир предстал в изумительных красках. Я понял, что все в жизни устроено правильно, и что лучше, чем сейчас, мне никогда не было. Я задремал, а когда проснулся, горы сменились

равнинами. Стояла тяжелая сухая жара. Машины проверяли полицейские.

– Куда едете? Документы, – полисмен потянул носом.

– Травка?

– Что вы, сэр. Мы простые строители, а не сраные хиппи, – проскрипел старик в каске.

– Ненавижу хиппи, – буркнул полисмен.

– Что стряслось? – шепнул я Юкке.

– Хрен его знает. Всех шмонают. Эти когда увидели, выбросили траву в окошко, а трубку он себе, наверное, аж в прямую кишку запихнул.

Полисмен изучил наши визы, уточнил что-то по рации и кивнул другому. Фургон пропустили. Ничего незаконного стражи порядка не обнаружили. И слава богу. Ведь по штатовским законам, если в тачке находят наркоту, отвечают все пассажиры.

Мы прибыли на место. Взору открылась широкая насыпь от горизонта до горизонта. Там, где насыпь пересекала небольшую дорогу, был устроен мост. Возле моста возвышалась груда длинных вермишелин арматуры и еще какие-то железяки зеленого цвета. Поблизости стоял старый деревянный дом. Когда-то этот дом был новым и находился среди деревьев рядом с узкой асфальтовой дорожкой. Теперь по лесам безжалостно прополз червяк автомагистрали, и прошлого уже не вернуть.

Пэт выдал нам каски, защитные очки, перчатки и боты со стальными носами:

– Чтобы педикюр не испортить.

Па сформулировал боевую задачу, тыкая клешнеобразными руками в разные точки моста.

– Кладете сначала эти железяки так, а потом сверху другие наискось.

Солнце достигло зенита. Мы взялись за дело.

Раньше я слышал, что работа на стройке самая тяжелая на свете, в тот день я удостоверился в этом лично. Железо оказалось невероятно тяжелым, пальцы сами разжимались, спина не гнулась, а в глазах темнело. Представьте себе десятиметровые железные спагетти, толщиной в большой палец, сваленные в кучу и перепутанные между собой. Сначала каждый прут надо выдернуть, а уж потом нести вчетвером на мост. Возможно, причиной нашего быстрого изнеможения стала накопившаяся за дни скитаний усталость. К концу дня мы даже подумали свалить к чертовой матери, но пересилили себя и решили доработать до конца.

Возвращение в чистый мотель после трудового дня было счастьем. Мы и так несколько дней чистого белья не видели, а тут еще после работы... Мы даже заглядывали в ванную комнату несколько раз, закрывая и снова открывая дверь. Нам казалось, что виденье вот-вот исчезнет.

Денег, выдаваемых на пропитание, хватало и на еду, и на выпивку. В первый же вечер мы напились в номере. На следующий день в дверь постучались Пэт с Дэйвом.

– Поехали к шлюхам, парни, – заявил Пэт, дергая башкой.

Мы с Юккой переглянулись.

– Я даже не знаю... – начал я. – Денег нет, Па нам еще не заплатил.

– Мы одолжим! – пообещал Пэт, ему явно приспичило.

Я вспомнил свои опыты получения секса за деньги. В целом, воспоминания были радужными. Мне нравилось иметь с женщинами прямые отношения, когда каждый знает, что ему надо. Я любил наблюдать, как проститутки деловито раздеваются, не тратя времени на сантименты. Мне импонировала их правдивость; если уж такая баба кончала, то кончала по-настоящему. Я вопросительно посмотрел на Юкку.

– Я не пойду, я еле на ногах стою.

– Поехали! – наседал Пэт. – Тайский массаж! Отсосы! В попку! Как пожелаете!

– Может, съездим, а, Юк? – Уж больно соблазнительно заливался Пэт.

– Езжай, у меня денег нет! – сказал мой рациональный приятель.

– В другой раз, ребята. – Я закрыл дверь. Секс снова не состоялся. Прямо напасть какая-то.

Наутро Пэт был в отличном настроении. По дороге на стройку он увидел негритянку в соседней машине.

– Отсоси мне, детка! – заорал Пэт.

Негритянка поморщилась.

– Пососи мой член, черная куколка! – негр-тянка начала перестраиваться в другой ряд. На заднем сиденье ее автомобиля сидел напуганный ребенок.

– Мы реднеки, парни! – гордо объяснил Пэт свое поведение.

– А что это значит?

– Это значит, что мы потомки южан. Мы против освобождения черномазых из рабства. Белая сила! Понятно?! – Пэт запальчиво дернул головой.

– Понятно, чего уж непонятного...

– То есть мы работаем на скинхедов? – уточнил я у Юкки по-русски.

– Типа того. Скинхеды нам платят.

Больше мы к этому вопросу не возвращались. Загадкой для меня остался Дэйв, мулат, который тоже числился реднеком. Это никак не укладывалось в моей голове.

В тот день Па особенно сильно накурился и что-то напутал с расчетами. А может, это Пэт сдурил, или Дэйв. В итоге, мы уложили несколько десятков прутьев косо.

– Гад дэмэд, Па!!! Твою мать! Что делать?! – взвыл Пэт, и его голова затряслась часто-часто. Они разбудили задремавшего под мостом Па, и тот долго изучал криво уложенную арматуру. Почесав зад, Па скрипнул что-то Пэту, ткнул пальцем туда-сюда, и мы принялись переключать железяки. Я начал уставать. Давал отдохнуть то одной руке, то другой. Па смотрел на меня какое-то время, а после высказался:

– Используй обе руки, мэн, так удобнее.

Я стиснул зубы, вкалывая дальше. Па ушел, а я думал, что всегда работаю вполсилы. Во всем, что я делал до этого, была некая половинчатость. Через старого курильщика марихуаны на меня снизошла истина. С тех пор, если меня одолевает лень, я говорю себе: «Используй обе руки, мэн, используй обе руки».

Вечером нам дали затянуться из трубочки Па. Мы купили крекеров и колы.

Дурь. Крекеры. Газировка. Дурь. Крекеры. Газировка. А еще пиво и изнуряющий труд.

Так прошло три дня. Я подсчитал количество железных вермишелин, которые мы уже перетаскали и которые нас еще дожидались. Получилось около двух тысяч! Просто миллениум, а не работа! Ранним утром четвертого дня у меня заболело сердце. Точнее, что-то закололо в груди слева. Только я взваливал очередную железяку на плечо – начинало колоть так, что сил не было терпеть.

– Я, пожалуй, передохну, сэр, – обратился я к Па, а про себя подумал, что не хватало мне схлопотать инфаркт или еще какую-нибудь хрень в этом роде. Тогда проблем не оберешься. А может, я поступил подло, ведь оставшимся, в том числе Юкке, пришлось вкалывать за четверых. Предательство ли это было или самосохранение ради общего блага решат на небесах, а Па, подумав, что я перебрал дури и пива, дал мне бутылку «Хайнекена» похмелиться и отправил отдыхать в фургончик. Там

я и провалялся до вечера. Много позже я узнал, что покалывания в области сердца вовсе не означают приближение инфаркта. Более того, обычно это даже не связано с самим сердцем.

Наша работа на мосту подходила к концу. Накануне Юк созвонился с хозяином мотеля в Вильямсбурге. Он ждал нас к себе. Вечером мы планировали получить причитающееся и отчалить. Однако в конце дня Па пробулькал:

– У меня нет с собой денег, мексиканцы. Мне их должен был подвезти сын, но он не приехал. Наверное, напился. Вам придется смотаться ко мне домой.

Надо было возвращаться обратно в Северную Каролину!!! Возникла серьезная дилемма. С одной стороны, на следующее утро мы обязались выйти на работу в мотеле, с другой – мы не могли упустить заработок, доставшийся с таким трудом.

– Я еду, ты остаешься, – молниеносно решил Юк. – Позвони Лаки, так зовут хозяина мотеля, попроси, чтобы он тебя забрал отсюда, а я вечером приеду. – Он сунул мне бумажку с телефоном. – Бабки есть?

– Долларов восемьдесят...

– Эй, вы едете?! – крикнул Пэт.

– Дай десятку на всякий случай. Тебе нужнее, придется платить за ночь в гостинице.

Я сунул Юкке банкноту.

– Ну, покедова, – он пожал мне руку.

– Слушай...

– Все будет нормально, мой малыш, до завтра. – Юк шутливо хлопнул меня по плечу и вскочил в отъезжающий минивэн.

– А что Алекс? – услышал я вопрос Пэта.

– Он не поедет, – ответил мой друг.

Я остался один, на пересечении двух авто-трасс, у бокового выхода маленькой гостиницы где-то на окраине Ричмонда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОДИН

По телефону я кое-как объяснился с Лаки. Он должен был заехать за мной в девять утра. Я проснулся в семь и после завтрака не знал чем заняться. В голову лезли ужасные мысли. Казалось, что Юкка никогда не вернется, что строители-реднеки прирежут его в своем фургоне и выкинут на обочину. Нам причиталось около пятисот баксов. По-моему, Пэт мог и родную маму порешить за несколько сотен. Я уже представил себе, как оплачиваю новые зубы Юккиной матери, выполняя его последнюю волю. Как даю ей торжественное обещание найти могилу сына на бескрайних просторах Америки и отомстить. Как езжу по глубинке, выискивая ниточки, которые могут привести к злодеям, убившим моего друга. Я найду их всех: Па – в опиумном салоне, Пэта – в борделе, Дэйва – на пляжах Майами, о которых он так мечтал. Месть будет страшной... Чтобы не зацикливаться, я решил сделать гимнастику у-шу. Это расслабляет.

Лаки приехал без опозданий. Это был здоровый мужик, с крепким рукопожатием и боевито-ободряющими интонациями полковника американской армии.

– Рад познакомиться, сынок! – сказал он, отняв от уха мобильный и кивнув на сиденье своего нового пикапа марки «додж». Путь занял около часа. Лаки болтал по мобильному и не надоедал вопросами. Наконец мы заехали на территорию белого с красным мотеля. «Джордж Вашингтон Инн» – прочел я на вывеске.

– Алекс, сегодня поработаешь на пару с моей женой. – Лаки подвел меня к худой, нарочито деловой даме лет сорока пяти. – Олимпия тебя всему научит.

– Приятно познакомиться, – произнесла дама с твердым европейским акцентом, пожимая мне руку.

Весь день я волочился за ней хвостом, вникая в премудрости мойки унитаза, складывания полотенец «бантиком» и перестилания простыней.

Олимпия носилась, как ракета. Она везде таскала с собой рацию, по которой получала инструкции от Лаки, и подбадривала меня словами типа «мы команда». Она была этаким политруком в битве за чистоту сортиров и простыней.

– Грязное белье относишь в прачечную, там же берешь чистое, – инструктировала меня Олимпия.

Прачечной заправляла Кристина, высокая стройная девица. Как обнаружилось позже,

Крис целыми днями смотрела сериалы и заказывала пиццу. Если телевизор ломался, а пиццу еще не привезли, она запихивала грязные полотенца в огромную стиральную машину, а уже выстиранные – в сушильную. Работать Крис не любила, и белья постоянно не хватало. Ее плечи покрывали наколотые имена любовников, обрамленные в сердечки.

Когда, после обеда, работа закончилась, Олимпия поручила мне отнести ключ от всех дверей на ресепшн. В мотеле был такой ключ, он выдавался уборщикам-хаускиперам, и его следовало сдавать после работы.

На ресепшне я увидел настоящую красотку. С острыми локтями, с копной пепельно-золотых кудрей. Сразу понятно – стерва. Она не обратила на меня внимания. Я потоптался, а потом хриплым голосом произнес:

– Я Алекс...

Красотка подняла на меня серо-зеленые глаза. Я запнулся. Она смотрела вопросительно.

– Я... э-э-э... ключ, – идиотски разинув рот, произнес я. В тот момент я не мог вспомнить ни одного английского слова. Златовласке явно было не впервой. Она окинула меня равнодушным взглядом. Мое дыхание остановилось.

– Давай сюда.

Она протянула руку. Я неотрывно смотрел в ее глаза, а потом захлебнулся и пошел на дно. Я опустил ключ от всех дверей, а заодно и от моего сердца, в ладонь Златовласки, слегка кос-

нувшись ее кончиками пальцев. Она хмыкнула и отвернулась.

– Ты в порядке, Алекс? – с усмешкой поинтересовалась Кристина, сидевшая во дворе с каким-то мужиком. – Парень ходил к Мишель, – она подмигнула своему приятелю. Они пили пиво.

– Глотни, – мужик кинул мне банку «Бад-вая».

– Поосторожнее: Мишель – дочка Лаки. У греков с этим строго.

– Они что, греки?

– Точно. Натуральные американские греки. Держись от девчонки подальше. Хотя ты, я вижу, и так слишком плох. – Кристина со своим хахалем заржали.

Содрав непослушными пальцами закупоривающее колечко, я порядочно отхлебнул. Близился вечер. Я тоскливо поглядывал на дорогу.

– Мой приятель не звонил? – интересовался я у Лаки, каждый раз, когда тот проходил мимо. После того как я задал этот вопрос в пятый раз, Лаки пригласил меня на барбекю.

– Вчера мы наловили омаров в океане. Вымочили в пиве и собираемся запекать. Присоединяйся.

Лаки с приятелем орудовали возле мангала. В тазу копошилась гора одурманенных пивом омаров. Клешни не причиняли вреда рукам в перчатках, бросающим их на раскаленную решетку. Живешь себе тихо, никого не трогаешь, и тут кто-то решает, что ты – деликатес. И по-

шло-поехало! Ты сам, твои внуки и все последующие поколения обречены на роль вождельной добычи. Не хотел бы я быть деликатесом.

– Нравится? – поинтересовался Лаки.

– Вкуснятина! – ответил я, вытаскивая кусок белого мяса из-под очередного панциря.

Мы чокнулись пивом.

– Мы греки, Алекс, – сказал Лаки.

– Я уж слышал.

– Ты православный? – поинтересовался он.

– Ага.

– Это хорошо. А то мы не любим мусульман и чернокожих. Про реднеков слышал?

Я поперхнулся.

– Знаешь, что это такое?

– Видал я нескольких реднеков.

– Ты не беспокойся, сынок. Вы свои. А вот черных мы недолюбиваем. Мы не против черных, но лучше бы их не было, понимаешь?

– Еще бы...

Как можно быть греком по крови, православным по вере и реднеком по убеждениям?

Юкка прибыл вечером. Позвонил с автобусной станции, и Лаки, прихватив меня, съездил за ним. Я был счастлив, будто мы не виделись целую вечность и Юкка воскрес из мертвых.

– Чувак, это ты! – я крепко обнял друга.

Юкка отстранился, он не любил сантименты.

– Эй, Алекс ты не педик? Мне что педик, что черный! – пошутил Лаки.

– Просто я беспокоился...

Когда мы расселись на лужайке с пивом и омарами, Юкка поведал мне историю своей поездки за деньгами.

ТУДА И ОБРАТНО

Юкка, как Наполеон в России, отступал по дороге, по которой еще недавно прорывался с победами. Весь путь, давшийся с таким трудом, проносился с бешеной скоростью в обратном направлении. Кассета жизни перематывалась назад по чьему-то высшему желанию.

Перевалило за полночь, когда микроавтобус въехал в небольшой городок, где обитали наши работодатели-реднеки.

– Лучше помалкивай, – инструктировал Пэт. – Тут у нас одни реднеки. Мочат всех, кто не англосакс. Накрайняк скажешь, что у тебя мать австралийка, а отца не помнишь.

– Переночуешь у меня, – проскрипел Па. – А завтра я возьму деньги в банке и куплю тебе билет на автобус.

Дом Па оказался прибежищем интеллектуала. Стены уставлены книжными шкафами. Коегде развешаны картины. На застекленных стеллажах красовались коллекции индейских трубок мира и всяких перьев.

– Я индеец, – пояснил Па. Юкка обалдело кивнул. Ну и реднеки тут: один черномазый наполовину, другой – индейский интеллигент. Тогда Юкка еще не знал про греков. Странные

дела. Па показал моему другу комнату на втором этаже.

Ночью его разбудили крики:

– Факин нигер ин май хаус!!! Долбаные нигеры в моем доме, Па! Что за хреновина?! – это был злополучный сынок-пьяница, который не привез бабло.

Вслед за воплями слышались увещевания Па. В темноте Юкка потянулся к тяжелой хрустальной пепельнице, но увидев бронзовый канделябр, схватил его. Сдаваться живым он не планировал. Однако силу в ход пускать не пришлось. Па утихомирил отпрыска, и остаток ночи Юкка проворочался в постели.

Рано утром они с Па отправились взламывать тачку его жены. Леди укатила в круиз, а чековую книжку спрятала от муженька в багажнике своего розового «Кадиллака Де Вилль». По всему было видно, что Па не новичок в таких делах. Он взял фомку и принялся отгибать крышку багажника. Но на то американские автомобили и знамениты, что так просто их не взломаешь. Замок не поддавался. Тогда Па высадил стекло задней двери, открыл ее и откинул спинку сиденья. Книжка была как на ладони.

Дальше – вопрос мастерства. Па подделал подпись супруги, и они с Юккой отправились в банк к открытию. Через считанные минуты Юкка стал богаче на четыре с лишним сотни, включая и мою долю. Себе Па взял пятьсот. Старый индеец решил отхватить кусок от же-

ниных сбережений. Думаю, он с такими бабками не скучал до ее приезда.

Проводив Юкку до автобусной станции, Па купил ему билет до Вильямсбурга.

На этот раз в автобусе сидели в основном белые. Юкка обратил внимание, как лица рядовых американцев похожи на физиономии Бивиса и Батхеда. Мультипликаторы, создавшие этих персонажей, попали в самую точку. Небольшие кривенькие носики, верхняя губа нависает над нижней...

– А дальше ты все знаешь, – Юкка допил пиво, смял банку и швырнул ее в урну.

– Настоящее приключение... ты не представляешь, как я рад, что ты в порядке, – я смотрел на друга с нескрываемым счастьем. – А самое смешное, что эти тоже реднеки. Прикинь!

– Лаки – реднек?!

– Самый натуральный, умора просто!

Так закончилась третья неделя нашего пребывания в Америке. Мы объездили много мест. Нью-Йорк, гольф-клуб, провинциальные городишки, стройка. Три профессии сменить успели. Нам встретились разные люди. Безразличные и участливые. Черные, белые, желтые. Пару раз мы оказывались в полной жопе. Однако ясно одно: добрых людей и красивых мест мы видели существенно больше, чем злобных подонков и всяких захолустий. У нас с Америкой происходил бурный роман. Не знаю, как ей, а нам такие отношения были по вкусу.

ГОРОД ВИЛЬЯМСБУРГ И ОБИТАТЕЛИ «ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН ИНН»

Город Вильямсбург – первая столица независимой Америки. Повсюду располагались напоминания о героическом прошлом в виде памятников отцам-основателям Вашингтону и Джефферсону. Вильямсбург – город небольшой и исторический. В архитектуре преобладали старинные здания красного кирпича или современные, но выполненные в том же стиле. Дома утопали в благоухающих кустах, похожих на сирень. Тротуары усыпали лепестки цвета тертой свеклы с майонезом. Улицы были широкие. Также в городе имелся известный старинный колледж. Выстроенный в традициях британского учебного заведения, колледж являлся престижным и уважаемым местом.

Наша работа в «Джордж Вашингтон Инн» заключалась в уборке комнат постояльцев. Сами мы жили в одной из комнат, в боковом крыле. По должности мы были – хаускиперы, то есть домоуборщики. За каждую убранную комнату получали трешку. В день приходилось убирать от двадцати до шестидесяти комнат, в зависимости от наплыва туристов. Третьим хаускипером была, как я уже сообщил, жена хозяина, Олимпия.

– Мы команда, ребята! – слышали мы от нее по сто раз на дню, пока она не поняла, что пропагандистские призывы нам безразличны и что мы и без них работаем четко и без халтуры.

Лаки был хозяином мотеля, Мишель, их с Олимпией дочь, работала в качестве портье. Они были греками, только с тем отличием, что Лаки родился в Америке, а Олимпию ему выписали в жены с исторической родины. Мишель, естественно, была американкой до мозга костей. Они представляли разветвленное семейство, с остальными членами которого мы познакомились позже. Из наемных рабочих, кроме нас, был негр Кис, который днем убирал территорию, а вечером мыл посуду в ресторане по соседству, принадлежащем этой же семье. Мотель занимал обширную низину, а ресторан находился тут же на пригорке.

Относились к нам дружелюбно. По крайней мере, с осторожным интересом. Вскоре мы обнаружили, что никто из жителей этого маленького мирка никогда не бывал за границей, не считая Греции, даже в Мексике. Близко общаться с русскими им тоже не приходилось. Земной шар для них представлялся в виде Америки, Греции и всего остального. И если греки еще с горем пополам отличали Россию от Афганистана, то для коренных американцев разницы не было.

Мы вкалывали с раннего утра, вдыхая местный воздух, наполненный запахами магнолий, гниющих у дороги раздавленных зверьков и потеющих пожирателей гамбургеров. Хозяева сделали вывод, что русские – нация нищих трудоголиков. Пожалуй, они были недалеко от истины.

НАСТУПИЛИ БУДНИ

Как хорошо просыпаться и знать, что не придется таскать тяжелые прутья. Не придется скользить по скользким от росы металлическим конструкциям в шесть утра, спотыкаясь тяжелыми ботинками и стирая ноги в кровь.

Как сладко спать в кровати под крышей, а не на скамейке под луной. Спать в трусах, а не в свитере и шапке. Хорошо быть во сне сухим и не дрожать от того, что дневной пот превращается в ледяную слизь на пронизывающем ночном ветру. Так вот и начинаешь ценить те простые радости, которые до этого были само собой разумеющимися.

Работу мы разделили так: Юкка мыл сантехнику, я пылесосил пол и менял постельное белье. Интересное занятие – отпирать двери чужих комнат своим ключом, смеяться над чужими фотографиями, выуживать из пакетов чужой мусор, душиться чужими духами, пить чужое вино и хрустеть чужими чипсами. Нет, мы ничего не воровали и не святотатствовали, не умерли же эти жиртресы от того, что погибающий от жажды Юкка отхлебнул из их бутылки. Убирались мы добросовестно. После нашего визита унитазаы сверкали, как фарфоровые щетки Мадонн в католических соборах, а постели были заправлены не хуже, чем в лучших домах.

Иногда нам перепало что-нибудь съестное. Однажды толстая негритянка дала мне пачку просроченного печенья, чтобы я его выбросил.

Разумеется, мы его тут же слопали. Кроме того, после отъезда в номерах часто оставались куски пицц и бутылки с пивом. Постояльцы часто выбрасывали вполне пригодные продукты. Мы всё поглощали на месте. Наслаждение, испытываемое от жизни за гранью привычных социальных норм, вытеснило брезгливость. Мы сэкономили. Опыт голодных скитаний научил нас откладывать про запас. Да и вообще, пора было взяться за ум и начать копить доллары: Юкка еще ни цента не отложил на челюсть матери.

Однажды вечером Лаки угостил нас недоеденной пиццей. Юкка приволок ее мне, как крановщик, отпахавший год на строительстве газопровода, волочит детям гостинцы.

– Смотри, почти целая, – аппетитно произнес он, лоснясь от предвкушения.

– Супер!

– Ставь на стол, я пока руки сполосну.

То ли Юкка неловко передал мне коробку с пиццей, то ли виноваты были мои руки, растущие по утверждениям многих не из того места, но пицца рухнула на грязный палас начинкой вниз. На секунду воцарилась трагическая тишина.

– Насрать! – решил Юкка. Мы подхватили с пола куски, смахнули торчащие комья пыли и уплели пиццу за обе щеки. На зубах что-то подозрительно хрустело. Песок, наверное.

Юкка пернул.

Я рыгнул.

– Один-один, – сказал мой приятель, и мы развалились в креслах.

В первое время после рабочего дня мы гуляли по городу. Нам часто встречались гримасничающие дети-дебилы. Их привозили на экскурсию показать место, где зарождалась великая Америка. Дети-дебилы делали ужасные лица, закатывали глаза и пускали пену изо рта. Сопровождающие их пенсионерки елейно улыбались. Мы шли мимо и с трудом сдерживали смех. Открыто смеяться над детьми-дебилами в Америке не принято. Отойдя на безопасное расстояние, мы вволю хохотали. У нас тогда еще были молодые и черствые сердца.

Обретя твердую почву под ногами, Юкка заодно обрел и свою прежнюю походку. Он вышагивал по асфальту Вильямсбурга словно молодой гангстер, полный амбиций и помыслов. Я же, как и прежде, двигался чуть позади разболтанным шагом юного повесы без определенных жизненных ориентиров. Вдоль автомобильных дорог лежали знакомые трупики задавленных зверьков. Лаки пояснил, что это еноты. Они находились на разных стадиях разложения, и мы, регулярно проходя мимо, с интересом наблюдали за их эволюцией.

– Крошка енот, – приговаривал Юкка, присев на корточки перед трупиком с серым ушком, который еще вчера был свеженький, а сегодня уже полон белых червей.

– А я считаю, что это опоссумы. По крайней мере, мне это слово больше нравится –

опос-сум, – рассуждал я, разглядывая другого мертвого меховика с белым хвостиком, который пару дней назад был жирный, а теперь сдулся, как мяч.

Так прошла первая неделя в мотеле «Джордж Вашингтон Инн», расположенном на улице Пакахонтас-трэйл, в колыбели американской демократии – городе Вильямсбурге.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Простыни. Наволочки. Пододеяльники. Постелил – разгладил – заправил. Полотенца: три для душа, два для рук, два для лица. Так в каждой комнате.

Юкка в это время натирает до блеска фаянс раковин. Моет кафель и полирует специальной пеной тумбочки около кровати.

– Слушай, Расскажи про первую любовь, – попросил я друга.

– Про свою?

– А про чью же!

– Про свою потом расскажу, а вот был у меня одноклассник, Митя Чирков. У него шланг был двадцать два сантиметра! В четырнадцать-то лет! Мы мерили!

– Повезло парню, – задумчиво проговорил я.

– Повезло... он из-за этого пидорасом стал!

– Почему?

– Первая любовь! – усмехнулся Юк.

– Поподробнее.

– Ему одна девочка нравилась, Маша Запашная. Однажды они пошли на чердак... Ну и он ей там все порвал на хрен.

– Блин! Хреново.

– Не то слово, хреново! У них обоих это был первый раз! Машу потом родители в другую школу перевели. Больше Митька ее не видел, а девок стал бояться как огня. Комплекс вины, наверное. По Фрейдю.

Я скомкал грязные простыни и швырнул в коридор.

– А мне отец рассказывал, как их прапоры нажрались, а когда водка кончилась, надели на члены бутылки.

Юкка внимательно слушал. Я продолжил:

– Зачем им это понадобилось неизвестно. Потом они и сами понять не могли. Короче, оказалось, что бутылки не снимаются. Вызвали «скорую».

– Ну что, орлы?! – приговаривал доктор, пристально разглядывая «больные» места. Так и сказал: «орлы»! Прапоры пили водяру «Белый орел»!

– Сняли? – спросил Юкка.

– А ты как думаешь?! – расхохотался я на его вопрос. – Льдом обложили и сняли. Великая вещь медицина.

– Слышь, а ты не гонишь? – Юкка вдруг засомневался. – Ты когда водочную бутылку последний раз видел? Туда член не засунешь!

– Ты че! Зуб даю! – я перекрестился на католический манер, как делают итальянские фут-

болисты после гола. – Про этот случай вся часть говорила! Спяну и в игольное ушко пролезешь – не заметишь! Тем более засунуть всегда проще, чем вытащить.

– Да уж... И как они после этого?

– Нормально, один потом рассказывал, что у него с тех пор слегка влево косит, но это даже хорошо, женщин интригует.

– А первая любовь тут при чем?

– Ни при чем. Просто после твоего рассказа вспомнилось...

Мы призадумались.

– Знаешь, а я лет в десять был влюблен в Алену Апину из группы «Комбинация», – нарушил тишину Юк.

– «Два кусочка колбаски...» – пропел я. – Да, крутые были времена.

Я подтыкал одеяло, а из туалета доносилось равномерное шуршание Юркиной тряпки о фаянс. В памяти всплыла одна история, самая трепетная история из моей жизни...

Впервые отец повез нас с матерью на море, когда мне было девять лет. Крым еще был нашим, и мы поселились на турбазе для офицеров бронетанковых войск неподалеку от Ялты. Жилось нам прекрасно, по утрам солдат из части отвозил нас на «уазике» на пляж, перед обедом забирал, а после опять отвозил и оставлял уже до вечера.

Я ползал в пене прибоя, строил замки, а отец показывал мне медуз. Однажды нас даже покатали на пограничном катере. Летели искрящи-

еся брызги, и катер сильно ударяло о волны. В то лето я был невероятно счастлив.

Однажды, когда мы вечером возвращались с пляжа, я развлекался тем, что понарошку «обстреливал» прохожих из маминого солнечного зонта. «Ду-ду-ду! Тра-та-та! Бдышь-бдышь!» – я представлял себя пулеметчиком бэтэера, разящим душманов. «Бубух!!!» – я «кинул гранату». Горная южная природа и трясущийся «уазик» подстегивали воображение. Какому русскому, пусть даже ребенку, оказавшемуся в горах, не приходит мысль о непокорных моджахедах и нашем героическом экспедиционном корпусе. Родители меня не одергивали, прохожие крутили пальцем у виска. И тут произошло чудо: красивая дама, ровесница матери, с загорелым телом спортсменки, ответила мне. Я «всадил» в нее целую «очередь», целясь в обтягивающую футболку и белые шортики, а она... Она пригнулась, уклонившись от воображаемых пуль, сложила ладони вместе, образовав «пистолет» и сделала единственный выстрел. От неожиданности я застыл, разинув рот. Дама усмехнулась, подула на «ствол», расцепила ладони и поправила темные очки. Она «убила» меня. «Уазик» вошел в поворот, я высунулся по пояс из окошка... «Саша, а ну залезай обратно!» – рассердилась мать.

С тех пор я видел много красавиц, но пуля той, с крымского побережья, навсегда засела в моем сердце.

Была не была! Раз уж речь зашла о первой любви... Я рассказал эту историю Юкке.

Из туалета донеслось:

– Что за сопли, чувак! Стрелять в девять лет из зонтика по бабам! Ха-ха! Я еще в нулевке лазил пальцами в пизду Нины Майоровой.

Это был нокаут.

– А кто такая Нина Майорова... учительница? – услышал я свой упавший голос.

– Ха-ха! Одноклассница. – Юкка торжествовал. Хрупкая карта моей первой любви была бита.

ЧТО НАМ НРАВИЛОСЬ, А ЧТО НЕТ

Вставать приходилось рано, чтобы, не мешкая, убирать комнаты, из которых съехали постояльцы. Ведь в любой момент могли появиться новые. Юкка, с волосами, торчащими во все стороны, ворочался в кровати. С утра некоторые люди никак не могут подняться. Он был из таких.

– Пора работать!

На это Юкка мычал что-то несурзное и отворачивался. Так случалось каждое утро. Устав от попыток растормошить сонного друга, я распечатывал из полиэтилена одноразовый стаканчик и наполнял его ромом. На первые деньги мы купили большую бутылку и сунули в морозилку. Бутылку удавалось выдернуть не сразу, морозилка закрывалась неплотно, и внутри нарос целый сугроб. Рома я лил немного, только

чтобы мозги просветлились. Дальше сыпал лед и, подумав, наливал еще чуть-чуть рома.

Юкка дергал ногой в полудреме. Я усаживался на диван и отхлебывал из стаканчика.

По утрам я ходил голый. Голым приседал и отжимался. Голым делал йоговскую гимнастику. Голым чистил зубы и язык. Язык надо чистить ложечкой, так как на нем за ночь образуются всякие мерзкие грибки, которые начинают тухнуть и из-за этого изо рта воняет. От нечего делать я накладывал на волосы питательную маску. Так проходило каждое утро, до тех пор, пока зеленые электронные цифры часов не показывали восемь двадцать пять. Тогда я швырял опустевший стаканчик в ведро и решительно подходил к Юкке.

– Вставай, козел ленивый! Работать пора! Вставай, мудота!

Юкка продирает глаза, ржал и закуривал сигарету. Я ждал у двери, поигрывая ключом. Перед выходом Юк брал свою единственную футболку с надписью «Хочешь разбогатеть – спроси меня как!» (такие нам выдали в Москве перед отправкой) и тщательно натирал ею ботинки. Другой обуви у него не было, а у истинного джентльмена ботинки всегда должны сверкать. Закончив с обувью, Юкка разглаживал футболку и натягивал на себя. Я отпирал дверь, и мы выбирались из своей берлоги на раскаленный асфальт двора.

– Хаускипинг! – с этим кличем мы распахивали чужие двери. Мало ли кто еще спал или

трахался. Надо было объявить, что идут уборщицы.

Юкка предпочитал убирать комнаты, где жили черные. Он мыл ванны, а от черных остается мало волос. Практически ничего. После белых дамочек целые клоки собираешь, а после черных – пара завитков.

– Смотри, – иногда Юкка показывался из очередной ванной комнаты, держа оранжевой резиновой перчаткой очередной большущий колтун, оброненный очередной блондинкой.

– Бэ-э-ээ, – издавал я блевотные звуки, и Юкка снова исчезал в ванной удовлетворенный.

Мне цвет кожи был не важен. Я застилал постели. Мне нравились усталые люди. Те, кто аккуратно заползал под одеяло, отвернув один уголок. Не расшвыривал простыни в разные стороны. Не сучил ногами, будто у него совесть не чиста. Лежал тихо, как мышка, и не крутился во сне. Такую постель заправить ничего не стоило. Раз – заправил простыню под матрас, два – накинул одеяло, три – покрывало. Разгладил. Подушечки разложил. Готово!

Юкка ненавидел людей, у которых понос. Тут и комментировать нечего. А я полюбил парочки, которые трахались. Дело в том, что во всех комнатах стояло по две кровати. Если кто надумал заняться сексом, то это обычно происходило только на одной из них, местные парочки не склонны к разнообразию. Следовательно, перестилать мне надо было только одну кровать. Очень удобные люди.

Большинство комнат встречало нас разметанными повсюду, отяжелевшими от влаги полотенцами. Весьма неприятная штука – чужое мокрое полотенце. Они были тяжелые, будто в них насрали. Такие комнаты напоминали интерьеры игры «Doom». И полотенца были вовсе не полотенцами, а внутренностями неизвестного белого зверя, убитого прямым попаданием ядерной ракеты.

СОВЕТЫ КОРОЛЯ КИСА

Как указывалось выше, в мотеле работал негр Кис. Он заведовал тремя важными процессами: уборка территории (Кис мел дорожки метлой) – раз, стрижка газонов (Кис разъезжал по лужайкам на грохочущей газонокосилке) – два, разгон пыли и сухих листьев (Кис шагал с ревущей трубой в руках и ящиком за спиной. Ящик и труба – аппарат для разгона пыли и листьев) – три. На лице Киса всегда сверкали отражениями большие темные очки. В них он походил на межгалактического рыцаря, гордого и беспощадного.

Киса переполняло величие. Он никого не замечал вокруг, только когда мы отдавали ему честь и, шутя, вытягивались по струнке, Кис небрежно отвечал нам. Кис был королем и вел себя по-королевски, несмотря на легкое слабоеумие. Постепенно он стал испытывать к нам что-то вроде симпатии. Некое благоволение

бога к слабым людишкам. В знак дружбы Кис поделился с нами важным секретом.

– Парни, я расскажу вам одну штуку, которая пригодится вам на всю жизнь, – хрипло сказал Кис, проходя мимо комнаты, которую мы убирали. – Устраивайтесь, – он по-хозяйски махнул на кресла, развалившись на чужой разобранной постели. Мы уселись поудобнее, и Кис издалека начал свой рассказ.

Оказалось, что в Америке кого попало на постоянную работу не берут. Чтобы получить стабильное место, необходимо сдать несколько анализов. Один из них призван определить, курит ли соискатель марихуану. Без такого анализа ни один хозяин контракт не подпишет. Марихуана в Америке является чем-то вроде водки в России. Ее употребляют все и всюду. Как же обмануть вьедливых врачей и заполучить хорошее местечко? Этот секрет и раскрыл перед нами Кис.

– Знаете, что надо делать?

– Нет, Кис, расскажи! – ответили мы хором.

– Даже не знаю, стоит ли говорить это белым сосункам, вроде вас, – заломался было Кис.

– Кис, ну пожалуйста! Мы же крутые чуваки, как ты, без кола, без двора!

Кис оглядел нас с сомнением.

– Так и быть. Расскажу. – Мы превратились в слух. – Чтобы врачи не зафиксировали следы марихуаны в вашей крови, надо выпить... – Мы затаили дыхание. – Надо выпить немножко моющего средства.

Мы застыли, разинув рты. Юкка с сомнением бросил взгляд на бутылку с синим пенящимся веществом, которым драил сантехнику. Кис поймал его взгляд.

– Да, такую вот штуку. Главное – не перебрать. Наливайте не больше крышечки.

– А такую можно? – после паузы уточнил Юкка, показывая Кису бутылку с желтой жидкостью для мытья зеркал.

– Можно и такую. Какая больше нравится, – уверял Кис. – Но это еще не все. После того как выпьете, надо терпеть и не плевануть в течение часа. Понятно? – Мы молча кивнули. Кис нажимал на терпение как на важнейший элемент всей процедуры. За это время блич (отбеливатель) впитывается в кровь и убивает там все, в том числе и следы марихуаны. На следующий день можно смело идти сдавать любые анализы, и возьмут вас работать куда пожелаете.

Мы сидели ошарашенные. Учитывая повсеместное употребление марихуаны, выходило, что вся Америка, черт возьми, все пятьдесят штатов и один федеральный округ, хлещут моющее средство раз в месяц. Ведь анализы делают не только при приеме на работу, но и регулярно во время самой работы тоже. Если, конечно, Кис нас не разыгрывал.

Но нас так просто не возьмешь. Постой-ка, брат!

– А что, отбеливатель пьют только ради анализа, не ради удовольствия? – спросил я, запальчиво глядя на Киса.

– Конечно, ради анализа, пацан, какое тут удовольствие! – усмехнулся Кис.

Попался!

– А у нас в России есть парни, которые употребляют такие штуки вовнутрь исключительно ради удовольствия! – Мои слова произвели на негра эффект нападения из засады. – Мне отец рассказывал, что у них солдаты в части намазывали гуталин на черный хлеб, клали на солнышко, а потом гуталин счищали, а хлеб ели. Знаешь, что такое гуталин, Кис?

Он молчал.

– Догадываешься, в чем фишка?

Кис занервничал.

– Из гуталина в хлеб впитывалась какая-то хрень, от которой впирает на несколько дней! Вот так!

Божественная спесь Киса улетучивалась на глазах. Я решил добить застигнутого врасплох противника.

– А я в детстве пил керосин! Тот, каким самолеты заправляют, он самый хороший считается.

Я раскинул руки, имитируя самолет. В глазах Киса появились испуганные огоньки.

– Я пил его не просто так, его мне давала мама, с ложечки. Одну утром, одну после обеда и еще одну перед сном. Она увлекалась нетрадиционными методами медицины, а керосин считается бриллиантом... Я понятно говорю? – спросил я по-русски у Юкки.

– Понятно... – обалдело ответил тот. Похоже, его эта история тоже ошарашила.

– Так вот, – продолжил я на языке Киса, – керосин является настоящим бриллиантом в сокровищнице нетрадиционных средств. – Воцарилась гробовая тишина. – Керосин редкостью был, мать его через отца у летчиков достала, целую канистру. За полгода я ее и выпил.

– А что лечил? – спросил Кис после длительной паузы.

– Горло.

– Ну и как? – встрял Юкка.

– Да не поймешь. Вроде полегче стало...

Больше вопросов мне не задавали.

– Ладно, мне пора. Через полчаса уже ресторан открывается, а я еще мусор не вывез. – Кис поднялся с кровати.

– Пока, Кис.

Он не ответил.

С того дня Кис стал меня сторониться. А я, наоборот, обрел внутреннюю силу, которая не покидает меня и по сей день.

СТЕЙК-ХАУС «ВЕСТМИНСТЕР»

Территория мотеля, как я уже писал, начиналась у дороги и шла под уклон вглубь зарослей. У самой дороги, на пригорке, находился ресторан, точнее, стейк-хаус, потому что специализировался на стейках. «Вестминстер» – а именно так назывался стейк-хаус – принадлежал той же греческой семье.

– Нужна вторая работа, – задумчиво высказался Юкка, подсчитав недельные заработки. – Иначе мы только билеты окупим.

Естественно, мы постучались в дверь черного хода «Вестминстера». Долго никто не открывал. За дверью слышалась возня, в глазок явно наблюдали по очереди несколько пар глаз. Наконец замок заскрежетал. В просвете появился небольшого роста господин, похожий на актера Бельмондо.

– Что вы ищете? – поинтересовался Бельмондо с южным акцентом.

– Мы студенты из России, работаем здесь в мотеле, у Лаки. Ищем работу до осени, – пояснил я.

– Вам нужны официанты или помощники на кухне? – вежливо спросил Юкка, продемонстрировав знакомство с устройством общепита. Бельмондо осматривал нас с ног до головы. Из-за его спины высунулась красивая темноволосая дама. Увидев блондина Юкку, она заулыбалась. Бельмондо с дамой начали шушукаться на своем языке.

– Заходите, – любезно пригласил Бельмондо после их короткого совещания.

Мы оказались в коридоре, ведущем на кухню. Бельмондо, невысокий мужичок в переднике, и дама в блузке с блестками изучали нас с любопытством.

– Вы из России? – уточнила дама.

– Да, из Москвы.

– Москва – это столица, – на всякий случай пояснил я.

– Да, да. Мы знаем, – затараторили Бельмондо с дамой. – Мы любим Россию. Одна вера. Православие. Не то что эти чертовы турки! Будь они прокляты!

– А ты какой-то чернявенький, – дама кокетливо указала на мои темные волосы. – Ты не турок?

– Нет, вроде бы, – я широко улыбнулся. В нашей семье рассказывали легенду о прабабке турчанке, привезенной в конце девятнадцатого века с войны.

– Ненавижу турок! – сурово сказал Бельмондо. – Мы греки.

– Мы знаем.

Через несколько минут темноволосая дама, которую звали Марианна, уже инструктировала нас. Она оказалась женой Бельмондо. Увядаящая красивая брюнетка.

– У нас роскошный ресторан, ребята. Люксо-ри плэйс. Требуется соблюдать этикет. Это не какая-нибудь американская забегаловка, это стейк-хаус «Вестминстер»! Он принадлежит нашей семье вот уже двадцать лет, и еще никогда ни один посетитель не уходил недовольным. – Мы кивали, всячески выражая полное понимание.

– Вы нам нравитесь, ребята. Тем более что вы тоже православные. Только вот у тебя, Юкон, трудное имя.

Юкка помялся.

– У нас, у русских, имена бывают разные. Главное, чтобы душа... э-э... чтобы душа была... э-э-э... хорошей!

С папой геологом-атеистом, мамой эстонкой-протестанткой и именем Юкку не просто сойти за православного, но он старался. Знал я одного православного по имени Яков Кобец. Вечно выступал за превосходство русской нации и рьяно поддерживал антисемитизм. Яша буквально стал черносотенцем. Дай ему волю, он бы всем такой холокост устроил, мало бы не показалось! В итоге Яша так достал окружающих, что однажды его попросили заткнуться. И самое интересное в том, что больше всего Яшин антисемитизм достал Юсуфа, студента из Палестины.

– Можете называть меня Джей, мэм. По первой букве имени, – нашелся Юкка.

– Прелестно! – Марианна радостно всплеснула руками. – Итак, Алекс и Джей, познакомьтесь с моим мужем, – она кивнула на Бельмондо. – Его зовут Георгиас. Он шеф-повар. А теперь я представляю вас нашей маме, хозяйке ресторана.

Марианна повела нас через сверкающую нержавеющей сталью кухню в пустой прохладный зал. Гостей еще не было, ресторан открывался в пять по полудни. В глубине зала, за одним из столов восседала старая леди. Она была в тени, но о ее возрасте можно было судить по сгорбленной спине и клюке, стоящей рядом.

– Познакомься, мама. Это Алекс и Джей, они будут у нас работать. – Марианна отошла, представив нас на обозрение. Леди придвину-

лась. Из темноты возникли сначала цепкие глаза, а уж за ними сухое острое лицо. Голову покрывала шапка мелко вьющихся жестких волос.

Мы слегка поклонились.

Леди внимательно нас изучала. «Донна Роза», – подумал я, вспомнив мультфильм с похожей старухой.

– Не вздумайте воровать! – произнесла леди голосом, таким же жестким и колючим, как ее глаза и волосы.

– Мы не воры, мадам, – мы поклонились еще раз. Донна Роза отпустила нас легким взмахом руки, и Марианна повела к выходу.

– Поздравляю, ребята, вы приняты.

– Спасибо, мэм.

– Зовите меня просто Марианна.

– О'кей, Марианна.

Она коснулась Юркиного плеча:

– Не знала, что русские такие сильные.

НА КУХНЕ

С тех пор мы вкалывали в двух местах: с утра до обеда в мотеле, с обеда до полуночи в ресторане. Юкке досталась должность официанта, а мне местечко на кухне. Я стал сэлад-мэном, или салатником. В тот же день мы съездили в супермаркет, где Юкка прикупил себе черные брюки, белую рубашку и черную бабочку. Я же взял пачку белых обтягивающих маек на лямках и синие

строительные джинсы. Теперь я походил на итальяшку: волосы темные, на шее красный платок, а загорелую грудь обтягивает белоснежная майка в рубчик. Через ткань торчат волоски. Я тут же вспомнил один случай, произошедший в прошлом году на лекции. От скуки я рассматривал свои синие брюки и заметил, что на внутренней стороне бедра торчит нитка. «Непорядок», – подумал я и дернул нитку что есть мочи. В следующий миг все уставились на меня недоуменными глазами. Причиной тому был вопль, который я издал. Нитка оказалась волоском, проткнувшим ткань брюк. Пришлось что-то мямлить про боль в суставах, чтобы профессор не счел вопль за хулиганство и допустил меня к зачету.

В ресторане уже был один салатник, Джон, четырнадцатилетний двоюродный племянник Георгиаса и Марианны. Мы с Джоном работали посменно. Он ввел меня в курс дела.

– Если салат у тебя упал на пол... – Джон перевернул тарелку с готовым салатом и все высыпалось на коричневый кафель. – ...Ты делаешь вот так. – Джон сгреб салат рукой и швырнул обратно в тарелку. – Продукты нельзя выбрасывать.

Я послушно кивнул.

– Взбил немного, добавил пару свежих листьев, и можно подавать к столу. Они ничего не заметят. – Джон отдал тарелку подошедшей за салатом официантке.

– Если ты проголодался, делаешь так. – Джон отломил кусочек булочки, макнул его в один соус, в другой, и с удовольствием прогло-

тил. Это мне было больше по душе, чем подача гостям вываленного в пыли салата.

– Только не жри слишком много! Ты же не хочешь нас обанкротить!

– О'кей, – улыбнулся я.

– Я серьезно! Без шуток!

– О'кей. – Я был серьезен.

Джон подобрел.

– А ты лижешь девочкам? – чавкающий мальчишка огорошил меня.

– Э-э, м-м... В общем, да.

– Тебе это нравится? – настаивал Джон.

– Да, пожалуй, – уже бодрее ответил я.

Джон расплылся в улыбке и выставил правую ладонь. Я хлопнул по ней своей ладонью.

– А я слышал, что вы педики.

– Почему это? – Джон ошарашил меня во второй раз.

– Спите в одной кровати.

– А... ну так у нас всего одна здоровая кровать в комнате, и мы ж просто спим...

– Расслабься, я вижу ты нормальный чувак. – Джон проглотил еще одну булочку.

– У тебя сколько инчей?

– Не понял.

– Ну размер, сколько инчей или сантиметров. Что у вас там в Европе.

– Размер... ах размер! Я не знаю точно, не мерил... – сказал я, а про себя подумал, что Джонни сам, наверное, педик.

– Не мерил?! – казалось, я здорово удивил парня. – Я слышал, у русских здоровые члены.

– Не проверял.
– Мне один одноклассник сказал, черный.
– У нас считается, что у черных самые здоровые.

– Сомневаюсь. Этот черный говорил, что встречался с русской девчонкой в Майами, и она его отшила из-за маленького размера. У русских, сказала, вдвое больше. А у этого парня болт будь здоров!

Каждый народ приписывает другому невероятные качества.

– Ну, бывай, – Джонни наконец свалил, а я приступил к выполнению обязанностей.

Из огромной стальной раковины, я доставал заранее вымытые Бельмондо листья салата, отжимал их, резал и клал ровно одну горсточку (не больше – хозяева строго-настрого запретили мне разбазаривать продукты) на тарелку. Затем по краям две дольки помидора из пластмассовой пиалы. Сверху кружочек огурца и два-три колечка лука. Для оживления картины все посыпалось тертой морковью.

Тарелки с готовыми салатами я расставлял на подносы: три в ширину, шесть в длину. Заполненные подносы, накрыв их предварительно влажными салфетками, задвигал в огромный холодильник. Салфетки были нужны для сохранения свежести салатов, заготовленных на завтра. Без салфеток вчерашние салаты выглядели грустно. Генно-измененные американские огурчики утрачивали белизну и покрывались загадочной слизью, помидорчики желтели и

подсыхали, а сами горки салата сифилитически проваливались. Тогда я взбивал горки заново, подбрасывал листик-другой свежей зелени, менял, где надо, огуречные шайбочки, сыпал морковь – и салат сверкал, как новый!

Еще я выдавал официантам десерты и мелкие закуски. Подходила, например, Джерри, кокетливая официантка-пенсионерка с блондинистой косичкой.

– Алекс, – говорила Джерри, – будь добр, две колы и банановое мороженое с мятным сиропом.

Я молниеносно выполнял просьбу. Наполнял стакан колой, прижав его одной рукой к гашетке автомата, другой – отковыривал от куба мороженого пару шариков специальной ковырлялкой и накладывал его в вазочку. Затем капал сверху мятный сироп, облизывал пальцы и выдавал заказ Джерри.

– Спасибо, Алекс, – Джерри подмигивала мне, как певица Мадонна подмигивает в своих клипах молчаливым латиноамериканским мачо.

В другой раз приходила Сара, необъятная негритянка-хохотушка. Ее я прозвал Жenuарией – в честь героини сериала «Рабыня Изаура».

– Шримс коктейль дарл бэйби лав гад деметшит, – нараспев просила Жenuария, задыхаясь от собственной тучности и кухонной жары. Очистив в уме фразу Жenuарии от ругательств и ласковых слов, я обнаруживал, что ей нужна всего лишь закуска из креветок. Я сыпал лед в металлическую вазочку, накрывал его крыш-

кой-решеточкой, укладывал поверх лист салата, затем соус и четыре толстеньких промытых креветки. Однажды я плохо промыл креветку, и у нее были видны кишки и прочие внутренности.

– Алекс, ты хочешь распугать наших клиентов? – спросила Олимпия и показала, как правильно чистить этих гадов. Сначала следует отодрать лапки. Затем поддеть ногтем панцирь и содрать кишки, расположенные на спинке...

Но вернусь к Жемуарии. Кроме креветок ей обыкновенно требовался кусок чиз-кейка. Я доставал из холодильника коробку с пирогом и отрезал ломоть. Тряс баллон со сливками и пшикал сверху. Горку белой пены я аккуратно прищлепывал вишенкой.

– Дай облизать, – услышал я голос Жемуарии, когда выполнял заказ впервые.

– Сори? – я часто переспрашивал, хоть знание английского у меня и улучшилось, но многое я еще не допонимал.

– Нож, дай лизнуть твой нож, – Жемуария указала пальцем для убедительности.

– Мой... нож... на... – ничего не понимая, я протянул ей нож. Лишь когда негритянка с наслаждением провела своим розово-шоколадным языком по широкому лезвию, щедро испачканному чиз-кейком, я врубился. Толстуха с наслаждением слизывала сладкую мякоть.

– Теперь понял? – она усмехнулась, протягивая мне обратно абсолютно чистый, сверкающий нож.

- Ага.
- Обещаешь дать мне полизать нож, когда я попрошу?
- Обещаю.
- Ути моя белая умничка.

Женуария удалилась. Я был настолько поражен, что забыл отметить на специальном бланке заказа выданный негритянке чиз-кейк. При ревизии, проведенной старухой донной Розой, данные не сошлись, и стоимость куска вычли из моей зарплаты.

В самые горячие часы кухня превращалась в кочегарку крейсера «Варяг» во время последнего сражения. Все носились как угорелые. Пот лил градом. Если Кис (специалист по питью моющих средств, работающий после обеда посудомойщиком в «Вестминстере») зашивался, я ему помогал. Расставлял тарелки по специальным ящикам и загонял в kloкочущую посудомойку. Когда открывался ее люк, оттуда валил пар, а по стенкам ползли капли кипятка. Через пару минут я доставал те же ящики с другой стороны машины. Только теперь посуда уже сверкала белизной. Этакое чистилище. Отмытые от грехов и всего земного тарелки жгли пальцы. Я сортировал их и расставлял по полкам, где они ждали нового появления на свет, чтобы снова наполниться пищей, чтобы быть вожделенными и аппетитными, а потом небрежно отодвинутыми пресыщенной рукой. И так до скончания века, пока неловкий официант не перевернет поднос на кафельный пол.

Я выполнял все поручения Бельмондо и Олимпии. Бегал в комнату-холодильник, где хранились дорогостоящие продукты типа тортов, мяса, морских гадов и пива. Приносил лед из льдогенератора. Он грохотал, выплевывая из своего жерла очередную партию кубиков. Это всегда случалось неожиданно, будто льдогенератор желал меня напугать.

После закрытия ресторана я тщательно протирал тряпкой все поверхности из нержавеющей стали, которые меня окружали. Я мыл пол на кухне, сгибаясь, как раб. Потом Бельмондо научил меня делать это правильно. Когда орудуешь шваброй, не надо наклоняться – спина будет болеть. Закончив уборку, мы на пару с Кисом вытряхивали баки с мусором и выносили тяжеленные тюки грязных скатертей. День завершался чисткой коврового покрытия в зале. Олимпия отодвигала стулья – я елозил пылесосом. Тем временем Юкка терпеливо поджидал меня, подсчитывая чаевые.

СЕМЬЯ

Очень скоро наши отношения с семьей Папарис стали самыми теплыми. Мы наконец разобрались в сложной, на первый взгляд, системе родственных связей и отношений. Когда-то, давным-давно, донна Роза приехала в Америку с мужем и малолетней дочерью Марианной. На сбережения они взяли в аренду

старую блинную во Флориде. Дела пошли хорошо. У четы Папарис родился Лаки. Он стал первым настоящим американцем в семье. Дети росли, дело расширялось. Потихоньку мистер Папарис скупал землю и ссужал в долг. Когда пришло время Марианне выходить замуж, мистер Папарис вспомнил своего старого друга, оставшегося в глухой греческой деревушке. У того был сын, ровесник Марианны. Сказано – сделано, сына выписали из Греции, и он, окрыленный свалившимся счастьем, отправился в Америку. Здесь он женился на Марианне, увидев ее впервые на свадьбе, а на следующий день был отправлен на кухню блинной в должности салатника. С тех пор Бельмондо, а это и был тот деревенский парень, кухню не покидал.

Лаки, младший в семье, рос избалованным ребенком. В отличие от Марианны, ему дали хорошее образование, он успел попутешествовать и всю жизнь всячески развлекался. Однако в конце концов и он должен был жениться на гречанке. Жену так же выписали с родины предков. Олимпия оказалась послушной, трудолюбивой девушкой, и пришлось очень кстати на кухне, где уже орудовал Бельмондо.

Владения мистера Папариса ширились. Теперь он сдавал землю в аренду, выгодно вкладывая дивиденды. Одна за другой появились внуки. Сначала Олимпия родила Мишель, а вскоре и Марианна подарила Бельмондо Лицу.

Не успели девочки распрощаться с младенчеством, как решено было перебраться в Вирджинию, в туристический городок Вильямсбург. Блинную продали, купив ресторан «Вестминстер» и мотель «Джордж Вашингтон Инн», удачно расположенные у дороги. Лаки заведовал мотелем, а Марианна – рестораном. Но бизнес был семейным, поэтому после уборки комнат Олимпия помогала на кухне, а Бельмондо мог подменить кого-нибудь в мотеле.

Рядом выстроили два роскошных особняка из темно-красного кирпича в тон старинным зданиям Вильямсбурга. В особняках поселились Лаки и Марианна с семьями. Мистер Папарис с донной Розой жили в центре города в шикарном трехэтажном доме. За год до нашего появления мистера Папариса хватил удар, и теперь его жизнь обеспечивало множество шлангов, а передвижение – кресло-каталка. В семье его звали Папсом.

Бельмондо и Олимпия были добры к нам. Каждый вечер они собирали для нас нехитрый ужин. Недоеденную печеную картошку, пару соусов и булочку. Бельмондо оказался вовсе не таким строгим, каким казался вначале. Он, наоборот, обожал шутить.

– Хочешь, покажу русскую фигуристку, Алекс? – обращался он ко мне.

– Хочу, – отвечал я, приготовившись к шоу. Тогда Бельмондо принимался порхать по кухне, неприлично суя в рот огурец. Я покатывался со смеху.

Однажды он специально сжег в духовке пару булочек, а потом подозвал меня и поинтересовался, дескать, что это?

– Как что? Сожженные булочки, – недоумевал я, подозревая подвох.

– Это яйца Киса! – ответил Бельмондо, и мы вместе хохотали до упаду.

– Яйца Киса! Ха-ха-ха!!! – хлопал я себя по коленкам.

– Тихо! – шипел Бельмондо, поглядывая на Киса, который зыркал в нашу сторону, догадываясь, что шутят над ним.

Через неделю мы стали большими друзьями. Мы нравились грекам потому, что хорошо выполняли свою работу и излучали жизнерадостность. Греки платили нам ненужными продуктами и банковскими чеками. В один прекрасный день на кухню зашла милостивая девушка с каштановыми волосами и в зеленом платье. Бельмондо хитро посмотрел на меня.

– Познакомься, Алекс, это Лица, моя дочь.

СУПЕРГЕРОЙ КИС

Кис увлекался не только питьем химикатов, но и кунг-фу. На кухне он трудился в клубах пара, представляя себя героем боевика. Мытье посуды было для Киса борьбой со злом. Молниеносными движениями, на выдохе, он смахивал обеды с тарелок.

Выдох.

Загонял новые партии посуды и приборов в клокочущую машину.

Вдох.

Выгружал раскаленные фарфор и серебро.

Выдох.

Расшвыривал все по полкам.

Выдох. Вдох. Выдох. Вдох.

Кис обожал Брюса Ли.

– Брюс Ли – мой кумир! – как-то поделился он со мной, когда в особо тяжелый пятничный вечер мы боролись с горами грязных тарелок бок о бок.

– Когда работаешь с кипятком, парень, перестаешь чувствовать боль, – говорил Кис, пронося мимо стопку раскаленных тарелок только что из мойки.

После закрытия мы по очереди мыли пол. Любой бы просто возил шваброй по кафелю, но только не Кис. Его мускулы заранее начинали перекачиваться. Наконец он хватал швабру и тыкал ею в ведро, словно копьем. Затем Кис выбрасывал швабру вперед.

Выдох.

Подбирал к себе.

Вдох.

Он отжимал швабру с такой же со страстью, как если бы сворачивал шею поверженному дракону.

Потом мы вместе волокли на улицу переполненные мусорные баки. Во дворе стоял огромный контейнер. Кис вскакивал на него и буквально отрывал крышку. Перед ним был злобный тигр, и Кис разрывал ему пасть.

Кис был настоящим героем кунг-фу. Хореографом ресторанного конвейера.

ВЗДЕРНИТЕ ЕГО

В свободный послеобеденный час мы продолжали походы в городок, где писали письма родным в Интернет-клубе библиотеки. На улицах города попадалось много ряженных по моде трехсотлетней давности. На футбольном поле для туристов разыгрывались типичные сценки из тогдашней жизни. Пожилой черный раб вез тележку за маленькой белой девочкой, а две хозяйки ссорились из-за капусты. Одним погожим днем мы застали повешенье.

– Он украл у меня курицу! – вопила беззубая тетка в чепце, тыча пальцем в патлатого бедолагу, схваченного солдатами в красных британских мундирах.

– Он вор! – заходилась тетка.

– Вор!!! – ревела толпа зевак в шортах и кроссовках.

– Вздернуть вора! – крикнул мужичок, одетый в бархатный камзол с манжетами.

– Вздернуть!!! – подхватила толпа.

Солдаты потащили беднягу к эшафоту.

Мы шли мимо, но решили остановиться и досмотреть до конца.

Тем временем вора загнали на эшафот, подталкивая штыками. Палач завязал ему глаза. Рядом копошился священник.

– Этот человек осуждается законом города Вильямсбург на смерть! – зачитывал приговор толстяк в треуголке. Он, видимо, исполнял роль шерифа или кого-то от власти.

Туристы с фотоаппаратами наизготовку напирали. У самых нетерпеливых заранее полыхнули вспышки. Солдатам пришлось сдерживать натиск толпы, держа ружья наперевес. Спустя века казнь не утратила привлекательности.

– Пощадите! – вдруг завопил осужденный и, пихнув священника, попытался бежать. Толпа заулюлюкала, дружно сомкнувшись. Лишать себя зрелища народ не хотел. Палач грубо скрутил бедолагу, пригнув его к полу, и заломил руки. Преступник стих...

Я вспомнил Рязань и наш последний военный городок перед назначением отца в Москву. У мамы была коричневая курица Свинушка. Я любил искать в ящике с сеном теплые яйца и таскать пушистую Свинушку на руках. На девятое мая ее решили зарубить. Срочно потребовался суп, да и переезд в Москву был на носу... Мне велели не смотреть, но я подглядел. Отец прижал кудахтающую Свинушку к деревянному, выщербленному бруску и отрубил ей голову топором. Курица какое-то время бегала без головы по траве. Мама стояла в светлом платье в голубой цветочек, опустив глаза.

Свинушку оципали и опалили, чтобы избавиться от оставшихся перьев. Внутри у нее обнаружилось множество зарождающихся яиц в разных стадиях. Одно было совсем большое с

мягкой скорлупой, другие мельче. Они напоминали кисть желтых виноградин...

Священник перекрестил вора и сошел с эшафота. Заиграла барабанная дробь. Мы встали на цыпочки.

– Именем Бога и Короля!!! – завопил толстяк в треуголке. На шею вора накинули петлю.

Барабанная дробь стихла. В полной тишине под преступником раскрылся люк, и он затрепыхался в петле. Толпа взорвалась аплодисментами и ревом.

Перекладина опустилась, и актер исчез в люке целиком, а через секунду выбежал из-за эшафота и глубоко поклонился зрителям. Остальные участники представления тоже кланялись.

– Неплохо, – сказал Юкка. – У нас бы тоже можно было стрельцов на Красной площади вешать или юнкерам яйца отрезать.

– Да, нам есть что показать, а мы стыдимся, – посетовал я. – Не ценим свою историю.

В тот день мы купили в сувенирном магазине пару открыток со сценой повешенья и отослали домой. Пусть родные порадуются. Смешно ведь.

КОМНАТА ТРИСТА СЕМЬ

Однажды утром мы обнаружили, что в комнате триста семь поселилась колоритная парочка: седоусый громила-байкер и фигуристая

мадам слегка за сорок. Персонажи для России необычные, но в Америке мы к тому моменту на таких насмотрелись. Сразил нас не *их* экстравагантный облик, а *ее* грудь. Сиськи так и распирали майку, словно каменные формы сталинских работниц. Увидев эту грудь, мы потеряли покой.

На следующий день была предпринята вылазка. Когда байкер с подругой укатили в город, мы пролезли в их комнату. Постель была разбросана, на полу валялось соблазнительное дамское белье. Я зарылся носом в подушки.

– О, мама мия! Что за баба!

Юкка сел с краю, задумчиво вертя в руках ее стринги.

– Что за баба! – подвывал я.

Юкка поднес трусы к лицу и глубоко вдохнул. Я придвинулся и тоже вдохнул. Сколько мы так просидели, погрузив носы в черные кружева, не помню. Грезы окутали нас целиком. Каждый снова и снова овладевал грудастой леди. Что за баба! Если бы вы только ее видели!

– Алекс! Джей! Где вы?! – донеслись со двора крики Олимпии. Морок отступил.

– Уф...

– Давай работать...

Олимпии мы наврали, что возникли проблемы с пылесосом. Наведя наконец порядок в комнате триста семь, мы захлопнули дверь.

– Волшебная комната, – подытожил Юкка, обычно чуждый романтики.

ВЫВОЗ МУСОРА

Работа превратилась в рутину. По утрам мы уже без всякого восторга катили хаускиперскую тележку с чистым бельем, моющими средствами и рулонами туалетной бумаги. Мы стали подолгу молчать.

Завтраки из помойки тоже потеряли очарование риска и новизны. Мы уже без сердечного трепета ощупывали пакеты, лежащие в липких мусорных баках. Мы стали профессионалами, таможенниками помоек. На ощупь мы могли определить, имеется ли в пакете достойная жратва. Мы выуживали просроченные пончики, подмоченный хлеб и запивали напитками, оставленными в номерах. Обычно это был слабый алкоголь.

Лишь однажды меня посетило забытое чувство удивления. Это случилось, когда я достал из желтой урны на углу второго корпуса булочку с маслом, всполошив целую стаю ос, слетевшихся на прокисший джем. Сжевав булочку, я решил запить ее коктейлем со «Смирновкой», который оставила парочка из триста седьмой. Я взял бутылку, сбил крышку об угол своей тележки и жадно приложился к горлышку. Вкус был немного странный. Не самого коктейля, а горлышка, к которому я прильнул губами. Я отнял бутылку ото рта и присмотрелся. К горлышку прилип темный завиток лобкового волоса.

– Смотри, Юк, я пью из фаллоимитатора! – радостно вскрикнул я.

– Не понял? – Юкка вышел из номера на свет.

– Этой бутылкой сисястая мастурбировала! Смотри – волос! – я показал Юкке завиток.

– Круто! Дай хлебнуть!

– Сначала я.

Мы будто пили соки той женщины, укатившей с байкером.

– Наверное, он ее не удовлетворяет...

– Куда ему.

Мы тяжело вздохнули. Вскоре бутылка опустела, и эмоции угасли. Требовалась новая встряска. Небо услышало наши молитвы. И послало ангела в виде Лаки.

– Водить умеете? – спросил хозяин.

– Еще бы! У меня даже права есть! – похвастал я, демонстрируя купленные накануне отъезда права. Машины у меня не было, а права я завел. «Пригодятся», – думал я, и не ошибся. Лаки указал на старый пикап марки «плимут».

– Объезжаете на нем территорию, грузите мусорные баки, везете к контейнеру за углом и вытряхиваете. Ясно?

– Ясно. Где ключи?

Лаки выдал ключи и отправился в офис.

Мы с Юккой были на седьмом небе. Нам выпало счастье покататься на мусорном пикапчике. Об этом можно было только мечтать.

Коричневый тарантанс не имел стекол, сиденья шатались, педали проваливались, передвигался он скачками. Пустяки! Я раскочага-

рил мотор в два счета, и рыдван с визгом рванул вперед.

Мы принялись колесить кругами вдоль корпусов мотеля, забрасывая в кузов мусорные баки. На крутом повороте я, не рассчитав скорости, почти поставил «плимут» на боковые колеса. Чудом мы не перевернулись. Только парочка баков с грохотом покатились по асфальту, рассыпая бутылки, банки из-под пива и апельсиновые шкурки.

– Сань, успокойся, – попросил Юк. Я подергал рычаг передач и дал резкий задний ход. Из окон выглянули несколько туристов.

– Я понял, что я хочу! – радостно крикнул я. – Я хочу тачку! Я буду копить на тачку! – окрыленный обретением смысла тяжелой работы, я выскочил из кабины и слету собрал рассыпанный мусор. Крупные детали собрал, а мелочь всякую, огрызки, там, чайные пакетики оставил. Не ползать же было весь день на карачках.

– Остался последний бак на горе, и дальше едем к контейнеру, – скомандовал Юкка, когда я плюхнулся на сиденье.

– Есть! – отрапортовал я и вдавил газ. От управления пикапом я получал невероятное наслаждение. У меня появилась цель в жизни.

Объехав бассейн, в котором плескался выводок пухлых чернокожих детей, тарантас рванул в гору. Не тут-то было. Горка была невысокая, но крутая. Да еще асфальт был мокрый, Кис, как назло, только что его помыл. Не знаю, так это или нет, но я по сей день уверен, что это был

его злой умысел. Кис отомстил за моральное поражение при рассказе про питье моющих средств. Впрочем, это причины, а пора переходить к следствиям. Тем более, что лысые шины «плимута» прокручивались на месте, и пикап застрял на горке, словно альпинист на скале.

Рев мотора и визг колес привлекли внимание публики. Из «Вестминстера» вышла пара официанток, и сам Лаки показался из комнаты, называемой офисом.

– Все в порядке, Алекс?! – крикнул Лаки.

– Конечно! – ответил я и скроил уверенное лицо. Я даже пошарил рукой под рулем, будто тяну какой-то рычаг. И вообще, на горе я не застрял, а остановился специально, чтобы проверить ходовые качества «плимута».

Тут вышла Мишель. Она смотрела на меня своими серыми глазами. На губах играла улыбка.

Не желая позорить родину и мужскую честь перед Мишель, Лаки и всей Америкой, я вдавил газ так сильно, как только мог, и сам весь подался вперед.

– Давай, старик! Ну, давай же!!! – взмолился я, обливаясь потом. Юкка тревожно оглянулась.

В недрах пикапа что-то щелкнуло.

Юкка побледнел.

В зеркале заднего вида я увидел стремительно приближающуюся бирюзу бассейна. Негритята резвились, подбрасывая в воде свои крупные попы.

«Плимут» перестал подчиняться и, набирая скорость, покатиł вниз.

Впереди мелькнуло искаженное лицо Лаки, усмешка Мишель.

Задним ходом я ездить не умел. Так бы, может, и вырулил, но не успел научиться. Когда права продают, задним ходом ездить не учат.

Небесам было угодно распорядиться мусором по-своему. Вместо того чтобы оказаться в специальном контейнере, он опрокинулся в бассейн. «Плимут» застрял на краю бордюра. Задние колеса погрузились в воду.

– Бля! – высказался Юкка, открыв глаза. – У меня, кажется, позвоночник сломан. – Он повернулся ко мне спиной. – Посмотри.

Я оглядел его спину.

– Вроде ничего не видно.

– Значит, показалось.

К нам подбежали Лаки и Олимпия. Мишель наблюдала с горы.

– Вы целы?! – поинтересовался было Лаки, но, увидев, что с нами все в порядке, сменил тон.

– Вы что, ребята, охренели?! Ты же говорил, что умеешь водить, Алекс! Посмотри, что ты наделал!!!

– Дорога была мокрая.

Мы выбрались из кабины. Поверхность лазурной воды целиком покрывали полиэтиленовые пакеты, картонные коробочки, «бычки» и прочие отходы человеческой жизнедеятельности. У самого берега поднимались грязные пузыри из потонувших мусорных баков. Негри-

тянское семейство выползло с другого конца, сплошь облепленное туалетной бумагой. У самого маленького на ухе висел тампон.

– Ублюдки! Фашисты! Вы за это заплатите!!! – вопила крупная черная мамаша.

В тот день мы в ресторан не ходили, вылавливали мусор. Воду из бассейна пришлось спустить, отмыть хорошенько стенки и наполнить заново. Пикап выдергивали джипом Лаки. Недельная зарплата пошла коту под хвост. Негритянская семья съехала на следующее утро. Хорошо еще под статью не подвели. Могли бы «пришить» нападение на почве расовой ненависти.

МИШЕЛЬ

С тех пор отношение к нам изменилось. Лаки не подпускал меня к «плимуту», Марианна жалела нас, особенно Юкку. Олимпия корила за порчу имущества и стала больше требовать. Бельмондо посмеивался.

– Хорошо вы уделали бассейн, парни! А главное, что там были черные! Ха-ха-ха!

В один жаркий день, когда Юкка уже ушел в «Вестминстер», а я дремал, так как была смена Джона, в нашей комнате раздался телефонный звонок.

– Алекс, это Мишель.

– Привет, чем обязан? – а про себя подумал: «Вот те на! Чтобы это могло значить?»

– В комнате триста семь плохо вымыта раковина и крошки под кроватью. Убери, пожалуйста.

– Уже иду.

«Чертова сучка!» – подумал я и, охая, поднялся с кровати. Ненавижу, когда меня будят и гонят работать.

Дверь в злополучную комнату была не заперта. Я вошел. На кровати сидела Мишель.

– Решила сама тебе показать, что и как.

– Показывай.

Я недоумевал. Раньше она и смотреть на меня не хотела, а тут показать, видите ли, хочет. Мишель наклонилась, тыкая пальцем под кровать. Ноги у нее были что надо, платьице их еле прикрывало. «Стерва! Издевается!»

Я молча включил пылесос и сунул его трубу под кровать.

– Тщательнее, Алекс. Не халтурь, – Мишель, смотрела на меня, скрестив руки.

Я встал на колени и заглянул под кровать, чтобы изобразить усердие. Когда я встал, отряхивая руки, Мишель деловито сказала:

– Ладно, с раковиной позже разберешься. Курнуть охота?

– Ты о чем?

– О травке.

– Давай.

Мишель извлекла из лифчика готовый косяк, раскурила его, затянулась и передала мне. Я затянулся, закашлялся, вернул Мишель. Трава была забористая.

– Ты забавный парень, Алекс.

– Точно, я клоун. – Я представил себя в колпаке, с красным носом, на арене цирка и заржал. Трава заработала.

Мишель прыснула.

– Зачем я тебе понадобился, Мишель? Ты же на меня даже смотреть раньше не хотела.

Она затынулась, послунявила край косяка.

– Я уже сказала, ты забавный парень. С тобой можно поговорить... Круто ты мусор в бассейн вывалил... – Мы оба покатались со смеху. – Отец тебя только потому не выгнал, что в бассейне в тот момент негры были! Он же реднек, его хлебом не корми, дай черного приложить!

Мы опять вволю посмеялись.

– Знаешь, о чем я мечтаю? – Мишель взглянула на меня.

«Давай, детка, скажи, что мечтаешь обо мне, я тебя не разочарую», – думал я, сгорая от нетерпения.

– Я мечтаю свалить в Нью-Йорк и стать супермоделью. Ты не представляешь, как я ненавижу это место!

«Похоже, девчонка пригласила меня для исповеди. Не везет так не везет». Вслух я сказал:

– А что тебе здесь не нравится?

– Дыра тут! Родители постоянно сверлят мозги, с мальчиками запрещают встречаться! У них идея фикс, что я должна выйти замуж только за грека. Ты бы видел, кого мне сватают! Сплошные старперы!

– А если узнают, что ты тут со мной травку куришь, что будет?

– Что, что! Папаша тебя убьет! Я скажу, что ты меня домогался, а он уверен, что я девственница.

Моя спина похолодела. Дурман, как рукой сняло. Девственность греческой наследницы... это серьезно.

– Я тебя домогался?! Но это же вранье!

Мишель внимательно посмотрела на меня серыми глазами.

– Что ж вы, мужики, все такие трусы? Это шутка, ничего я не скажу...

Мне стало неловко. Мы смолкли. Мишель откинулась на кровать. Я тоже. Мы лежали рядом и смотрели в потолок. Флиртовать расхотелось.

– Везет вам, ребята, – нарушила она тишину. – Сегодня здесь, завтра там...

– Мы бедные, у нас ничего нет...

– А у меня вон сколько всего... а я, как в тюрьме. Все мы в тюрьме, отец, мать... все.

– Я был бы не против, если бы у моих родителей был мотель и ресторан. У них были бы деньги, они бы путешествовали... – сказал я.

– Мои родители не путешествуют. Они копят. У отца в гараже «корвет» стоит пятьдесят восьмого года, коллекционный. Так он на нем не ездит, жалеет. И вообще, он педик, ты бы хотел, чтобы твой отец был педиком? – неожиданно заявила Мишель.

Я приподнялся на локте.

– С чего ты взяла? Лаки не похож на педика!

– А как, по-твоему, выглядят педики? Обычные люди, тем более они часто шифруются.

Я вспомнил, как Лаки крепко жал руку, как подчеркивал, что недолюбливает педиков...

– Он же реднек? – выложил я последний аргумент.

– Это для прикрытия. Слышал теорию о гипермачо?

– Не припомню.

– Считается, что если мужик хочет быть супермужиком, излишне подчеркивает свою мужественность, грубо отзывается о педиках, то такой мужик сам латентный педик. Правда, мой папаша не совсем латентный...

– М-да... может, и так... как же они живут с твоей мамой?

– Их поженили по желанию родителей. У нас в диаспоре так принято. У них секса вообще не бывает. Мать работает, как ненормальная, а отец иногда уезжает в Нью-Йорк развлечься... И мне они желают такого же будущего, уроды! – Мишель затянулась остатками косяка и положила окурок на прикроватную тумбочку.

Так мы и лежали, уставившись в потолок. Казалось бы, вот она, неприступная Мишель... Но хотелось просто успокоить ее, уверить, что все сложится. Только я не знал, как это сделать.

– У нас тут такое творится, ты не представляешь! Мой дядя, Георгиас, импотент. И уже давно. С тех пор как бабушка заставляла его каждый вечер мыть холодильную комнату. Тетя Марианна – нимфоманка, обожающая качков. Лица... тихоня, настоящая психопатка. В дет-

стве пыталась резать вены. Я ее боюсь. – У Мишель явно много чего накопилось в душе. Я не верил своим ушам. – Бабуля у нас молодец, крепко всех держит за яйца! Даже дед теперь под ее контролем. Говорят, что она специально долго не вызывала «скорую», когда его хватил удар. Думала, он отдаст концы. Но он крепкий, выжил. Тем хуже для него. Теперь, как растение, живет и видит, как она всем заправляет. – С прекрасных губ Мишель слетали брызги слюны. – Хочу быть такой, как бабушка!..

Уж лучше бы она мне всего этого не рассказывала. Окружающий мир из солнечного провинциального уголка превратился в затхлое змеиное гнездо.

– Ну, мне пора, а то увидят – проблем не оберешься. – Мишель встала с кровати. – Вроде отпустило.

Я тоже поднялся.

– Спасибо, что выслушал, Алекс. Только смотри не болтай... И спасибо, что не приставай, – Мишель тронула меня за руку.

– Было трудно, но я справился, – отшутился я.

Она рассмеялась.

– Дай я тебя поцелую. – Мишель прильнула к моим губам. Не могу сказать, что после ее истерики и жуткой исповеди, я по-прежнему испытывал желание с ней целоваться. Но я, конечно, ответил. Нельзя было не ответить...

– Кстати, Лица от тебя без ума, – бросила Мишель на прощание.

В деревне у деда, в лесу, было озеро. С прозрачной и черной водой, как бывает в лесных водоемах. По периметру плотно росли деревья, у берегов копошились злобные пиявки.

В середине озера возвышался остров. Доплыть до острова считалось круто. Теперь и размеры озера, и наличие острова, наверное, показались бы мне пустяком, но в те годы это было настоящей сказкой. До острова мне плавать не разрешали, и он оставался недостижимой мечтой. А сейчас я бы до него доплыл, только дед умер, дом продали, и не доплыть мне уже никогда до того острова. Теперь я смог бы, теперь это был бы пустяк. Но я находился далеко. Бесконечно далеко от того детского озера. Даже если бы я напрягся и приехал в тот лес, все бы предстало чужим. Возвращаться было поздно. Пути назад не было, путь был только вперед. Слева – стейк-хаус «Вестминстер», справа – мотель «Джордж Вашингтон Инн», впереди – далекий дом. Мы носились справа налево и слева направо, чтобы иметь возможность однажды отправиться вперед, домой.

Лаки надо мной подшучивал:

- Что ты делаешь в ресторане, Алекс?
- Салаты.
- Ха-ха, Джей делает чаевые, а ты – салаты!
- Так точно, сэр. Я делаю салаты.

Реднек-гомосексуалист хотел меня поддеть. Мол, Юкка зарабатывает больше, чем ты, горе-

водила. Я не обижался. Как можно обижаться на человека, когда его дочка угостила тебя травкой и в постели раскрыла его самые интимные тайны.

Олимпия тоже попробовала шутить.

– Вы что – японцы? – спросила она у меня, когда я занес ей диски, которые брал послушать.

– Пардон? – К тому моменту мы были знакомы уже больше месяца.

– Ну, как же – вы ведь слушаете японский магнитофон.

– А что в этом такого?

– Откуда же вы знаете, какие кнопки нажимать?

– У меня дома такой же.

Олимпия картинно всплеснула руками.

– Неужели в России тоже есть японские магнитофоны?!

Моя проблема в том, что я не сразу понимаю юмор. По крайней мере, шутки такого типа.

– А... – только и протянул я, поглядывая на Олимпию с беспокойством. Она чего-то ждала. Улыбки. Наконец я понял это и постарался искренне скривить губы. Олимпия отвернулась. Контакт не складывался.

Лица иногда появлялась в «Вестминстере» помочь в особо тяжелые дни. После разговора с Мишель я старался вести себя максимально нейтрально. Тем более что Бельмондо вечно приговаривал:

– Я выбью дерьмо из любого, кто притронется к моей девочке.

Проверить серьезность его слов не хотелось. Приняв наш нейтралитет к его дочери за мужское благородство, Бельмондо окончательно расположился к нам и как-то после работы показал предмет своей страсти, мотоцикл «BMW» 1956 года выпуска.

– Я ездил на нем в Греции, в молодости, – приговаривал Бельмондо, поглаживая сверкающие детали. – Я ведь был копом!

– Ты был копом?!

– Да, могу фотку показать. – Он порылся в каком-то ящике и сунул нам черно-белый снимок, на котором молодой парень в щегольском мундире стоит, опершись о мотоцикл, на фоне моря.

– Это ты? – восхитились мы.

– Я и мой байк.

Мы сверили мотоцикл на фото с тем, что стоял рядом. Это и вправду был он.

– Я его вывез на корабле несколько лет назад. Редкая модель. Детали заказываю из Европы! – хвастал Бельмондо. Мы почтительно кивали.

– Парни, а вы видели инопланетян?

– Инопланетян... Сань, ты видел инопланетян? – Юкка не знал, что сказать, и обратился ко мне.

– Инопланетян?.. У меня была целая эпопея с инопланетянами, – заявил я. – Это было давно, в деревне у дедушки... У него в разных концах участка росли кабачки. Мне было тогда лет шесть-семь. Дед однажды сообщил мне, что на двух крупных полосатых кабачках появились

загадочные надписи. Он сказал, что это дело рук инопланетян. Не дослушав до конца, я бросился в сад. Раздвинув огромные листья, я обомлел, на боку зеленого полосатого гиганта крупно было написано «Саша + Аня». Надпись состояла из подсохших надрезов. Аней звали девочку из соседнего дома, в которую я был влюблен. Я проверил другой кабачок. На нем тоже красовались слова похожего содержания. Трава вокруг оказалась примята и даже немного пожелтела. Представляете мои чувства?! Это было в сто раз круче сериала «Секретные материалы»!

Эффект превысил все ожидания. Бельмондо стоял, разинув рот. Даже в Юркиных глазах читалось «и что дальше?» Я выдержал паузу.

– Что было дальше?!

– Тщательное расследование вывело меня на автора этой проделки. Им оказался мой проказник дед. Я нашел садовый нож с остатками кабачковой кожуры на лезвии. Дед вырезал слова этим ножом и подождал, когда надрезы подсохнут, чтобы выглядело убедительнее. Но как было круто, если бы вы знали!

Юкка рассмеялся и закурил, Бельмондо обиженно поджал губы.

– Я имел в виду настоящих инопланетян. Например, я видел их пару раз.

– Где?! – после моего рассказа, было трудно переключиться на серьезный лад.

– Здесь, в Вильямсбурге.

– И как они выглядели?

– Это была Мадонна.

- Певица?
- Да нет! Дева Мария! Она парила в ночном небе и простирала ко мне руки.
- Бельмондо, значит ты видел не инопланетян, тебе явилась Богоматерь!
- Я считаю, что инопланетяне и ангелы небесные со всем святым семейством – это одно и то же, – шепотом сказал Бельмондо. – Это высшие силы, которые помогают нам, грешным. – Он перекрестился.
- Интересная теория...
- Тут есть одно местечко, дом, возле которого часто случается явление инопланетян людям, – продолжил Бельмондо. – Как-нибудь я вас туда отвезу.
- Что, и все про это знают?
- Да, туристы специально приезжают.
- К нам подбежал здоровый пес с синими глазами. Он недобро глянул на меня с Юккой, но Бельмондо потрепал его по холке.
- Ахилл. Сибирская лайка. Ест только аргентинскую говядину. Ну ладно, парни, до завтра, мне пора к Папсу.
- Зачем?
- Мы с Олимпией присматриваем за ним по ночам. Сиделки слишком дороги.

СТРАННЫЙ ДЕНЕК

Постепенно перед нами стал открываться механизм этой семейной машины греческого

производства. Бельмондо и Олимпия были своего рода рабами, которым доставалась самая тяжелая работа, и никого это не смущало. Он вкалывал на кухне, она в мотеле. Они выполняли роль ночных сиделок при престарелом господине Папарисе. И они же были самыми бесправными членами семьи. В обмен на видимое благополучие их заточили в тюрьму «Вестминстер-Вашингтон».

– Знаете, как теща заставляла меня работать, когда я только женился на Марианне? – говорил нам Бельмондо на кухне, горько усмехаясь. – Я ведь тоже начинал салатником, как ты, Алекс. Она запирала меня в холодильной комнате и не выпускала до тех пор, пока я все не вычищал до блеска. – Я вспомнил рассказ Мишель. Стало неловко. – И так каждый вечер. Когда умер мой отец, меня даже не отпустили в Грецию на похороны. Некому было меня поменять на кухне. Вот так.

– Как же ты все это терпишь?

– Ради Лицы. Ради нее я из любого дерьмо выбью! Пусть только к ней кто-нибудь притронется!

Мы умолкли.

– Кстати, хотите покажу одну штуку? Специально принес. – Бельмондо достал из ящика стола что-то завернутое в тряпку. – Держи, – он протянул сверток мне.

Я удивился его тяжести. Развернул. На ладони лежал черный пистолет.

– Обана! Круто!

– Мой, – с гордостью пояснил Бельмондо. – Больше всего на свете я люблю оружие. Ну и мотоцикл, конечно. И Лицу.

Мы смотрели на пистолет, как зачарованные. Я вытянул руку и прицелился, ощущая тяжесть и власть. Бельмондо забрал у меня пистолет.

– Вот так он перезаряжается, – он собрался передернуть затвор, но не тут-то было. Затвор не двинулся. Бельмондо дернул еще раз. Заклинило. Совсем уж не по-пижонски он зажал пистолет коленками и сдвинул наконец затвор.

– Уф, заедает. – Бельмондо раскраснелся и покрылся испариной. Мне стало его немного жаль.

Неловкую ситуацию прервала Фэй:

– Алекс, мне нужен шоколадный торт и ванильное мороженое.

Я понесся исполнять заказ, оставив Юкку любоваться черным ганом.

Фэй была молодой мулаткой-официанткой с чрезвычайно пухлыми губами и порочными глазами, оправленными в круглые очки. Пока я резал торт, Фэй пристально меня разглядывала.

– У меня к тебе разговор, Алекс, – сказала она, вонзая зубы в кусок мяса.

– Я в твоём распоряжении, Фэй.

Она протянула мне другой кусок. Мясо было сочным.

– Хорошее мясо, – подмигнула Фэй. – С хозяйской тарелки.

– В смысле?

– С тарелки госпожи Папарис.

Мне приходилось жрать объедки, но никаких «хозяйских тарелок» раньше для меня не существовало.

– Есть разговор, – продолжила Фэй.

– О любви? – пошутил я.

– Что ты знаешь о любви? Вот ду ю ноу эбаут лав? – сказала Фэй низким голосом и посмотрела на меня своими глазищами.

– Ладно, к делу, только никому ни слова. Обещаешь?

– Обещаю, а что за секреты такие?

Фэй поманила меня пальцем. Я склонился к ее пухлым губам, которые с близкого расстояния напоминали две мягкие булки.

– Лица приглашает тебя покататься с ней по округе.

– Покататься? А почему это секрет?

– Она просто хочет показать тебе местность, а секрет потому, что девочка не желает, чтобы семья знала об этом.

Я сглотнул. Бельмондо улыбнулся из-за своей стойки. Уж не устраивают ли эти психи провокацию, чтобы завлечь меня в ловушку?

– А почему она сама не скажет?

– Она не хочет привлекать внимание. А мне Лица доверяет.

– Я должен подумать, Фэй, – сказал я, протягивая мулатке торт и мороженое. Лучше бы она сама предложила мне прокатиться. Я бы сразу согласился.

– Подумай.

До закрытия я так ничего и не надумал, а вечером решил посоветоваться с Юккой.

– Только этого не хватало! Ты видел его пушку! Он тебя из нее и прикончит! А заодно и меня! Это провокация! Может, это сам Бельмондо подговорил Фэй, чтобы нас проверить!

– У тебя паранойя!

– Может, и так, только они тут все наглухо ебнутые! Он только и твердит: «Я за Лицу из любого дерьмо выбью».

– Ладно, не буду рисковать. Просто прикинуть веником. Как будто Фэй ничего не предлагала.

– Кто там говорил, что когда на сцене появляются ган и девка, жди неприятностей?

– Про девку не знаю, а про ган, кажется, Станиславский, говорил.

– Плохое у меня предчувствие.

КРАЖА В ТРИСТА СЕДЬМОЙ

Дней через пять, после того как мы с Мишель покурили, к нам в комнату ворвалась Олимпия с плачущей полной женщиной.

– Алекс, это безобразие, ты знаешь, что это такое?!

Олимпия сунула мне под нос окурочку самокрутки.

– Это бычок, а я при чем?

– Это нашел мой ребенок, моя бедная Джессика! – взывала полная женщина.

– Ты при чем?! – возмутилась Олимпия. – Ты хаускипер, мать твою, а этот бычок нашел ребенок прямо возле кровати! Так ты убираешься?!

– В какой комнате это случилось?

– В триста седьмой!

Я вспомнил, как Мишель положила бычок на прикроватную тумбочку, как мы про него забыли. С тех пор там никто не жил, и только теперь въехала эта семья.

– Извините, я недоглядел.

– А это, случайно, не вы с Джемом курили травку? – Олимпия докапывалась до меня со всей страстью неудовлетворенной женщины.

– Там жил какой-то байкер, наверное, он, – соврал я.

Олимпия велела еще раз все протереть в чертовой комнате. Я извинился перед лысоватым мужиком в шортах, который укачивал маленькую девочку в платьице, и тщательно вытер тумбочки, зеркала и телевизор. Ну, забыли окурочек, с кем не бывает.

На этом приключения не закончились. На следующий день в дверь опять постучали – явился сам Лаки. Та же полная дама снова куксилась.

– Парни, возникла проблема. – Лаки тщательно подбирал слова. – У этой леди пропал золотой кулон.

«Только этого не хватало, – подумал я. – А может, он прознал про наш разговор с Мишель и хочет таким образом от нас избавиться?»

– Вы единственные, кто убирался в этой комнате.

Мы с Юккой посмотрели друг на друга.

– Мы не видели никакого кулона. Если бы он валялся на полу, я бы его заметил, – прибавил я.

Лаки испытующе изучал нас.

– О'кей, парни, если узнаете что-нибудь о кулоне – сообщите. – С этими словами он взял даму под руку, и они удалились.

– Как бы нас не подставили. Кража – это не шутки.

– Тут же все двери открываются одним ключом, зайдут, подсунут кулон, а потом обыск – и пожалуйста! – мое воображение заработало вовсю.

– Не паникуй, найдет эта краля свой кулон.

– Надеюсь, но меры предосторожности не помешают.

Покидая комнату, я соорудил на полу сложную систему оповещения из ниточек и спичек. Если бы кто-то зашел в наше отсутствие, то обязательно бы нарушил эту систему, и мы бы знали, что против нас плетется заговор.

В те дни мы питались бананами, и у меня были непроходящие газы. Бельмондо в буквальном смысле пронюхал это и обозвал меня «рашен ракет». Если не ошибаюсь, такое же прозвище носил знаменитый хоккеист Павел Буре. Только его так звали не за газы, а за скоростную игру. Так вот, пока мы пересекали двор, я безостановочно портил воздух. Из-за угла вышла Мишель.

– Привет, как дела?
– Нормально. – Я отошел, чтобы она ничего не учуяла.

– Повторить не хочешь? – Мишель снова приблизилась, а я отступил.

– Ты в порядке, Алекс?

– Да, все в норме. Голова что-то побаливает... – меня буквально распирало. Погода была безветренная, я не хотел позориться перед красоткой.

Мишель пожала плечами и пошла своей дорогой.

– Ты чего? Что она хочет повторить?! – набросился с расспросами Юкка. О посиделках в триста седьмой я ему не рассказывал.

– Да ничего, болтает чушь какую-то! – Тут у меня в животе громко заурчало.

– Ой, кажется, мне... кажется, я... – Я понесся обратно в нашу комнату. В животе творилось что-то невероятное. С бананами пора было завязывать.

Спешно распахнув дверь, я сразу же разрушил всю систему оповещения. Чертыхнувшись, проскочил в туалет. Успел...

Когда в тот день мы убирались в злополучной триста седьмой, зазвонил телефон. По обыкновению подошел я. Обычно звонила Мишель, чтобы распорядиться, какие комнаты нам убирать следующими. Я любил слушать ее хриловатый голос в трубке и говорить: «Да, Мишель, все будет сделано, Мишель». Это был своеобразный флирт по телефону. Юкка на бол-

товню с Мишель не претендовал, телефонные романы были не в его вкусе. Итак, я поднял трубку.

– Алло, Саша, это ты? – раздался голос матери.

– Мама? Мама! – завопил я. Юкка выглянул из туалета.

– Ты почему работаешь по ночам?! – мать сразу перешла на строгий учительский тон.

– Мама, привет. Я не работаю по ночам, сейчас же день. А как ты сюда попала?

– Ты же мне написал телефон места, где вы работаете. Я позвонила, и меня соединили. Не увиливай, сейчас ночь.

Соскучившийся было по семье, я снова начал ценить свое положение.

– Мама, у нас разница во времени восемь часов!

– А... я забыла. Ну, как дела?

– Нормально, работаем.

– Не перетруждайся, пей свежие соки и, главное, практикуй английский. У тебя ужасный английский.

– Хорошо, мама.

– Представляешь, на днях я потеряла кольцо, которое отец мне подарил на свадьбу.

– Потеряла обручальное кольцо?!

– Не беспокойся, я его нашла, оно под плинтус закатилось... – Меня осенило. – ...Там столько всего интересного, я серьгу нашла, не мою...

– Спасибо, мамочка!

- За что?
- За все! Спасибо огромное, я так тебя люблю! Ну, пока.
- Вечно у тебя нет времени с матерью поговорить.
- Не сейчас, мамуля, – мне не терпелось, – я тебе сам перезвоню.

Бросив трубку, я кинулся на пол. Как я сразу не догадался! В детстве я нашел под плитусом юбилейный рубль и с тех пор решил, что все сокровища мира скрыты именно там. Когда после Нового года выкидывали елку, иголки еще долго лежали под плитусами. Там, куда не забираются пылесос и веник, в июне можно было обнаружить несколько пожелтевших сухих иголок, которые делали меня счастливым.

Я полз по периметру комнаты, щекой по паласу. Под мотельными плитусами еловых иголок не было, попалась лишь пара упаковок от презервативов. Наконец в углу возле раковины что-то блеснуло. Я схватил с туалетного столика пилку для ногтей и ковырнул. Это был кулон.

ЦЕРКОВЬ

После обнаружения кулона отношение к нам стало двояким. Видимо, многие считали, что мы испугались и решили таким образом вернуть краденое. Нам было плевать – лето, а значит, и наше пребывание в Америке, клонилось к концу.

– Вам, наверное, плохо без церкви? – спросила меня однажды Марианна.

– Прошу прощения?

– Церковь. Вы же не можете пойти в церковь, бедняжки. У вас совсем нет свободного времени, – пояснила Марианна.

Про себя я усмехнулся, а ответил так:

– Конечно... э-э... без церкви фигово. Особенно Юкка страдает, он очень религиозный... – мой взгляд остановился на движущейся к посудомоечной машине ленте, на которую официанты ставили грязную посуду. Марианна приняла этот взгляд как подтверждение нашего морального опустошения. На самом деле там, возле груды грязной посуды, стоял Юк, поднимающий с чьей-то тарелки остатки бифштекса.

– Что ты там про меня пиздишь? – крикнул он.

– Я говорю, что ты страдаешь без исповеди.

– Че за хуйня?

– Они хотят отвезти нас в церковь.

– Поехали, отдохнем хоть.

Марианна, заметив Юкку, заулыбалась, не понимая русского языка.

– Мы с радостью поедem в церковь, Марианна.

– Правильно ребята. Я знала, что вы уважаете Бога. Бога надо уважать, – кокетливо хихикнула Марианна, пройдя мимо Юкки и виляя задом.

Через несколько дней последовало приглашение. Мы отпросились у Лаки и проснулись на

час позже обыкновенного. Марианна расположилась с нами на заднем сиденье. Впереди сучала Мишель. За рулем была Лица.

– Перестройся в левый ряд! Не пропусти поворот! Забыла, какой мы сделали крюк из-за тебя в прошлый раз?! – Марианна без умолку дергала дочь, но та сносила приставания с ангельским терпением.

Церковь находилась милях в пятидесяти, неподалеку от города Ньюпорт-Ньюс. Это было современное бетонное здание с белыми стенами и цветастыми иконами внутри. Греческие православные, в отличие от русских, позволяли себе сидеть во время службы на скамейках. Вставать требовалось только в определенные моменты. Сославшись на головную боль, я не вставал вообще. Встал только в конце, когда раздавали булочки и сладкую жидкость, не похожую на церковное вино.

Марианна вела себя набожно, но в меру. Крестилась, но ниц не падала. Девочки же разделились: Мишель с трудом сдерживала презрение, а Лица тихо молилась. Юкка, когда все крестились, делал рукой что-то неопределенное, поглядывая на меня. Я же ориентировался по остальным. Вокруг стояли одни пожилые греки. Все друг друга знали.

После службы к нашей компании подошел мужчина с густо набриолиненной шевелюрой.

– Очередной претендент, – буркнула Мишель. Мужчина поцеловал ей руку.

Мы отошли покурить.

– Не знаю, – проявил Юкка не свойственное для него желание поговорить на отвлеченную тему, – Бог, конечно, крутой чувак, но я бы продал душу дьяволу.

– За сколько?

– Тысяч за двадцать.

– У тебя снова повысились ставки, я вижу, – усмехнулся я.

– В Таллине за десятку можно нормальную однушку купить. Пять – маме, пять – себе.

– Правильно, часть вложить, а часть проебать.

– Только не на кино.

– О'кей.

Мы задумались.

– И все-таки маловато, – нарушил тишину я.

– Ну, можно за пятьдесят.

– Маловато.

– Двести.

– Мало.

– Лимон!

Миллион был серьезной суммой. Я не представлял себе, что такое миллион, но подозревал, что очень много. Перед глазами поплыли роскошные женщины, автомобили, яхты...

– А что такое лимон? Навороченный дом на Рублевке и какая-нибудь шалава капризная. Ну, может, две шалавы. А дальше что?

– Как что? – удивился Юкка. – Живешь себе и ничего не делаешь.

– Но душа-то ведь штука серьезная. Ее назад не получишь, а лимон может кончиться, ис-

чезнуть. Воры, налоговая. Спросят, откуда взял? Ты что им скажешь? Ребята, я душу продал. Такие сделки, мол, налогом не облагаются.

– С налоговой можно договориться.

– Все равно мало! Да и что этот лимон тебе даст? Да пускай даже два лимона или десять. Души-то нет! Все рассуждают, как ты, а потом оказывается, что все души в мире были проданы по дешевке.

– А сколько не дешево, по-твоему?

– Нисколько. Все мало.

Юкка замолчал.

– Ты не обиделся, Юк?

– Нет, я просто думаю.

– О чем?

– Я думаю, что дьявол – это подчиненный Бога. Бог же его создал. Он, как министр, возглавляет один департамент, а Иисус – другой. Искушение и прощение. Причем один без другого – ничто.

– Но дьявол же сбежал от Бога.

– Разве от Бога можно сбежать?

– О'кей, получается, что продавая душу дьяволу, на самом деле продаешь ее Богу?

– Конечно. Добро и зло – одно и то же. Спор о добре и зле напоминает ситуацию, когда стоишь под душем и споришь сам с собой, что мыть: руки или ноги.

– Ты, я вижу, стал философом, – сказал я с улыбкой. Однако Юккины слова меня поразили. Пошутил я для того, чтобы смягчить силу удара его мысли о мой мозг.

– Противоположность добра не зло, не ненависть, а равнодушие...

– Круто ты завернул...

– Это не я, это мне Макс рассказал, с философского. Он бухал на Казанском вокзале с одним бомжом, бывшим доцентом. Тот ему и не такое рассказывал. Он, кстати, спас Москву от нашествия бесов.

– Как это ему удалось? – я засмеялся, предвкушая хорошую байку.

– Этот доцент, то есть бомж, почувствовал, что грядет пришествие Антихриста, и решил осенить Москву крестом. Знаешь, что он сделал? Он взял карту метро, обнаружил, что красная и зеленая ветки пересекаются, образуя крест, и начал срать на каждой станции, расположенной на этих ветках. – Я ржал, сгибаясь пополам. – Срал он только в пределах кольцевой. Начал с «Комсомольской». На «Парке Культуры» ему менты дубинками навалили, но он очухался и взялся за зеленую. Двинул от «Белорусской» на юг и так до «Павелецкой».

– И что... на каж... на каждой станции?! – от смеха я еле справлялся со словами.

– Ага. На каждой станции по куче. Он хотел огненный крест устроить, но это оказалось проблематично. Дерьмовый прощсе.

– А заклинания он какие-нибудь читал? – не унимался я.

– Вот уж не знаю. Надо у Макса спросить, когда вернемся.

Я тер глаза и периодически начинал хохотать с новой силой.

– На каждой станции! Ха-ха-ха! Осенил крестом!!! Ха-ха-ха!

Подошла Марианна с девочками:

– А теперь по магазинам!

ШОПИНГ

Мы подъехали к гигантскому торговому центру – здесь их называют моллы. Трехэтажное здание, размером с вокзал, в котором расположены бесчисленные бутики. Мы ни в чем не нуждались, но галантно согласились сопровождать дам. Больше всех шопингом интересовалась Марианна.

– Мальчики, мне так хочется что-нибудь купить. Вы мне поможете? – Мы кивнули. – А вы пока можете подыскать Лице заколки. Мишель, помоги сестре выбрать заколки, а то ходит, как нюша. Даже не верится, что это моя дочь!

Мишель усмехнулась и увлекла за собой Лицу. Мы последовали за Марианной. В одном из бутиков она решила выбрать себе платье. Мы уселись в кресла, а она скрылась в примерочной кабинке. Я полистал журналы, а потом принялся смотреть от скуки по сторонам. Вдруг я застыл от удивления. Занавеска в кабинке Марианны не была задернута до конца. В зазоре между занавеской и стенкой было отчетливо видно зеркало, а в зеркале... В зеркале отража-

лась Марианна в полный рост. Все бы ничего, но она была абсолютно голой и смотрела на меня.

Я так и застыл. Казалось бы, чему еще удивляться в этой замечательной семейке, но нет. Сюрпризы, видимо, еще не исчерпались. Ее глаза встретились с моими. Надо отметить, что выглядела она очень сексапильно. Подтянутая, загорелая. Крепкая упругая задница, грудь, гибкая спина... Хватило секунды, чтобы оценить ее красоту.

Вместо того чтобы со стыдом задернуть занавеску, Марианна мне подмигнула. Я сглотнул. Юкка, сидящий рядом, ничего не замечал. Марианна сделала пальчиком какой-то знак, я недоумевал. Она, с деланной сердитостью, насупила брови и начала кивать куда-то вбок. Я ткнул пальцем себе в грудь, мол, «меня хотите?» Марианна хихикнула и отрицательно покачала головой. «Юкку позвать?» – произнес я одними губами. Марианна облегченно закивала. Наконец русский медведь допер до смысла.

– Юк, а Юк, – почему-то шепотом выговорил я.

– Чего? – он поднял голову от журнала.

– Тут... э-э-э... посмотри туда, – я указал в сторону кабинки с Марианной.

Юкка взглянул.

– Чего, реклама, что ли?

– Да нет! В кабинке! – теперь пришел мой черед злиться на несообразительность.

На этот раз Юк заметил. Марианна поманила его. Он взглянул на меня. Я пожал плечами.

Юкка поднялся с кресла и направился к кабинке, насвистывая и глядя по сторонам.

– Ах, вот вы где! – услышал я голос Мишель за спиной. Это было такой неожиданностью, что я подскочил в кресле как ошпаренный. Юкка, не дойдя шага до кабинки, наклонился, будто что-то уронил. Занавеска задержалась.

– А мы вас ищем.

За спиной Мишель стояла Лица.

– А где тетя?

– Платье меряет.

– Мы подождем. Правда, Лица? – спросила Мишель, и девочки уселись рядом.

Домой возвращались в полном молчании.

УЖИН С СЕМЬЕЙ

По указанию Марианны я наполнял бутылки из-под кетчупа «Хайнц» дешевым китайским месивом.

– Перебьются, – говорила Марианна про гостей ресторана. – Если каждый раз подавать им «Хайнц», никогда денег не заработаешь.

Мне такие хитрости были знакомы с детства. Мамина подруга, жена генерала Похило, любила наливать в красивые бутылки крепкое пойло собственного приготовления и с невинным видом предлагать гостям. Отец ее постоянно разоблачал, а мать толкала его коленкой под столом и говорила «как вкусно». А дома устраивала разнос.

– Помалкивал бы, давно бы генерала получил!

Вообще еда у греков не пропадала. В отличие от чисто американских ресторанов, где вчерашнее мясо летело в помойку, они продукты не выкидывали. Обеды шли на соусы, нетронутые куски перекладывали на новые тарелки и подавали заново. Жалоб не было. Туристы все съедали, причмокивали и оставляли щедрые чаевые. Масло во фритюрнице вообще не меняли, вопреки закону и здравому смыслу.

Вечером все официанты выстраивались в очередь к донне Розе, которая самолично стояла за кассой, подсчитывая прибыль.

– Где мои деньги?! – без лишних церемоний говорила она, хотя никто доходов не утаивал.

В конце августа, поздним пятничным вечером, Марианна сказала нам:

– Вы приглашены сегодня на семейный ужин. Здесь, в ресторане. Будут только свои.

После неудачной попытки флирта с Южкой она немного к нам охладела. Мы обрадовались приглашению, так как рассчитывали бесплатно поесть. Денег мы скопили еще недостаточно, а день отъезда, двадцатое сентября, приближался.

После закрытия я, как обычно, помог убрать грязные скатерти и пропылесосить зал. От усталости я вместе с грязными, прихватил пару чистых скатертей. Они были практически белоснежными, не считая нескольких пятнышек.

– Ты хочешь меня разорить?! – рявкнула донна Роза из своего угла. – Стирка каждой ска-

терти обходится в три цента! Положи чистые на место!

– Простите, мэм. Не заметил. – Я вновь застелил столы.

Накрывать к ужину мне помогала Лица.

– Как поживаете? – Лица передала мне стопку тарелок.

– Спасибо, вроде нормально.

Последовала тишина. Мне в голову не лезло, как продолжить разговор. Да и Лице тоже.

– Смешно, что вы мусор в бассейн опрокинули, – сказала Лица, расставив тарелки.

– Да уж. Мы обормоты, – усмехнулся я.

– Обормоты... – повторила Лица.

Вытирая руки о передник, вошел Бельмондо.

– Он к тебе пристает? – шутя, спросил он у дочери.

– Папа, ты опять начинаешь! – Ей явно было стыдно за своего неотесанного деревенщину отца. Она родилась здесь. Чисто говорила по-английски. Училась в местном престижном колледже.

– Женщины все такие, – пошутил Бельмондо, обняв Лицу. Слово «женщины» он произносил «вумэнс», вместо «уимен». Типичная ошибка.

– Уимен! – раздраженно поправила его Лица, выворачиваясь из объятий. – Сколько можно делать одну и ту же ошибку! – Она убежала на кухню.

Бельмондо неловко улыбнулся.

Я ободрительно подмигнул:

– Пустяки.

– Она меня презирует...

– Да ладно тебе! Она просто избалованная девчонка.

– Я все делаю ради нее... Я работаю только ради нее... Я из любого дерьмо выбью... – Бельмондо всхлипнул и тоже выбежал.

«Ну и семейка», – подумал я и продолжил сервировать стол.

В час ночи прибыли гости: отставной цээршник, мистер Панайотис с супругой. Нас представили. За стол не сажались, ждали еще кого-то. Наконец дверь открылась, и въехала коляска со стариком в кепке. Коляску вез улыбающийся как ни в чем не бывало Бельмондо.

– Папс! – крикнула Олимпия и бросилась навстречу.

– Папа! Дедушка! Мистер Папарис! – возгласы окружающих слились в сплошной вой.

Это и был знаменитый Папс, мистер Папарис. Основатель этого свихнувшегося семейства. К коляске крепилась капельница. От нее тянулись шланги, в том числе и в рот. Колени Папса скрывал плед. Глаза выражали усталость и муку. Сзади, опираясь на клюку, ковыляла донна Роза.

– Папс, как вы себя чувствуете? – обратилась к старику Олимпия и поцеловала безжизненную руку.

– Как ты, папочка? – Марианна потискала плечи старика.

Бельмондо, скрывшийся было на кухне, выскочил в чем-то имитирующем плащ.

– Я Бэтмэн! – Все захохотали.

– Папс обожает его шутки, – пояснила Олимпия. Выражение глаз старика не изменилось.

Настал наш черед.

– Это Алекс, а это Джей. Они работают у нас, папочка.

Все семейство сосредоточилось вокруг старика, а мы, переминаясь с ноги на ногу, стояли напротив. Папс безразлично глядел перед собой. Все тискали его, смеялись, шутили. Позади, в тени, донна Роза криво усмехалась своими сухими губами. Мне показалось, что пока мистер Папарис был самостоятельным, все боялись его. Все были у него в кулаке. А теперь он стал для них забавной игрушкой. Они, словно гиены, забавлялись с умирающим львом, зная, что у него нет сил прихлопнуть их лапой.

– Хорошие мальчики, правда папа? Тебе нравятся? – шепнула Марианна на ухо Папсу.

«Как будто скормить нас ему собрались», – пришла мне в голову неприятная мысль.

Казалось, все ждут от Папса какого-то знака, но он оставался безучастен ко всему.

Больше никого не ждали. Лаки, Олимпия, Марианна, донна Роза и мистер Панайотис с супругой уселись на свои места. Бельмондо подкатил кресло с Папсом во главу стола.

Подали греческий сыр «Фета» с оливками. Беседа шла о политике, о бизнесе, об инопланетянах.

– Ну, признайся, что ваши скрывают правду! – наседали на мистера Панайотиса Бельмон-

до. – Всем известно, что инопланетяне высадились во Флориде еще в пятьдесят седьмом!

Мистер Панайотис важно помалкивал, делая вид, что ему известна тайна, которую он не может разглашать.

– Расскажи про инопланетян, а?! – не отставал Бельмондо.

Олимпия принесла лапшу с курицей. И тут мистер Панайотис неожиданно разбушевался.

– Я это не буду! – он шумно отодвинул тарелку.

– Что-то не так, мистер Панайотис? – забеспокоилась Олимпия.

– Я во Вьетнаме косых мочил не для того, чтобы их еду жрать!

– Дорогой, не надо опять, – попыталась встрять жена.

– Не указывай мне! Там ребята за вас жизнь отдавали! Хэнк полз к их окопам без рук, сжимая в зубах гранату! – мистер Панайотис задыхался от злости.

– Я же тебя предупреждал, – зашипел Лаки на жену.

– Это же китайская еда, – виновато отвечала Олимпия.

– Эти подонки только и ждут, чтобы нанести ответный удар! Вы не знаете, что это такое, когда сотни злобных косых глаз пялятся тебе в спину из джунглей!

– Извините, мистер Панайотис, – сказала Олимпия. – Мы не знали, что у вас на китайскую кухню тоже аллергия.

– Пустяки, даже приятно вспомнить веселые времена. – Панайотис резко успокоился и перешел на лирические воспоминания.

– Помню, садимся мы в вертушку, Билл за штурвал, я к шестиствольному «Гатлингу», и тра-та-та!!! – он весь трясся, изображая стрельбу из пулемета по вьетконговцам.

– Да, были времена, – посетовал Лаки и неожиданно запел:

Всегда держи руку на револьвере,
Доверять можно только мертвецам
или такому гринго, как я.

– Bravo, Лаки! – все захлопали. Лаки картинно поклонился.

– Вот в Техасе оружие можно носить открыто. Закон даже обязывает не скрывать, что ты вооружен. – Мужчины перешли на разговоры об оружии. Дамы помалкивали. Мы тоже. Оказалось, что у Лаки дома целый арсенал. Револьверы, ружья, автоматы, ножи. Бельмондо тоже не отставал. Кроме черной пушки, которую мы видели, у него имелся не один десяток «кольтов» и «смит-вессонов», которых бы хватило на маленький партизанский отряд. Мужики вошли в раж. Поднялся спор, у кого больше стволов.

– Спорим, моя «М 16» бьет точнее твоей! – напирал Лаки на Бельмондо.

– Враки! Моя точнее! А еще у меня есть помповое ружье, которое пробивает кирпичную стену с пятидесяти футов! – отбивался Бельмондо.

– Пойдем посмотрим! – предложил Лаки.

Все снялись с мест и отправились в дом Бельмондо и Марианны смотреть оружейные запасы. Донна Роза осталась с Папсом. Я выходил последним. Обернувшись, я увидел, как Папс мычит что-то донне Розе, а та, отвернувшись, смотрит телевизор.

Дом находился по соседству. Нас распирало от любопытства. Бельмондо отпер тяжелую дверь, набрал какие-то цифры на сигнализации, прикрыв клавиши ладонью, и мы вошли.

– У меня тут сигнализация на движение, на звук, на изменение температуры, – хвастал Бельмондо.

Интерьер оказался распространенной смесью плохого вкуса с большими деньгами. На окнах висели тяжелые портьеры с золотыми кистями. Обои давили выпуклыми цветами. За приоткрытой дверью ванной комнаты виднелась розовая джакузи в форме морской раковины. Всего было чересчур, больше, чем мог вместить этот просторный дом. Каждый квадратный сантиметр мебели украшала богатая резьба. Люстры грозились рухнуть под весом хрусталя. Ноги утопали в пышных коврах.

– А здесь живет Лица, – Бельмондо открыл перед нами дверь в комнату, забитую куклами в кружевах. – Лица, покажи ребятам свою комнату.

Лица смущенно пригласила нас войти.

– Красивые куклы, – сказал я ради приличия.

– Тебе правда нравится? – ее глаза потеплели. – Я сама шью им платья.

– Ух ты, круто! Платья в них самое удачное, пожалуй.

– Парни, идите сюда! – донесся крик Бельмондо из гостиной. Юкка вышел. Я собрался было за ним, но вопрос Лицы остановил меня.

– Хочешь, я покажу тебе, как я это делаю?

– Конечно, хочу.

Мысленно упрекая себя за мягкость и сожалея о том, что не увижу оружие, я приготовился скучать. Лица достала железную коробку и поставила мне на колени.

– Здесь у меня хранятся лоскутки тканей, из которых я шью платья. Потрогай, какие мягкие. – Лица открыла коробку и заставила меня пощупать несколько лоскутков. Затем она достала другую коробку. – Здесь кружева. У меня есть даже старинные кружева из Европы. А здесь, – Лица достала третью коробку, – здесь ленты, тесьма и золотые нити. Смотри.

«Боже, ну почему мне так везет на психованных? Почему я не нравлюсь обычным девчонкам? Обязательно попадетсЯ ненормальная!» – думал я, перебирая атласные ленточки.

– Алекс, ты веришь в инопланетян?

– Мы с твоим отцом говорили об инопланетянах...

– Отец тут ни при чем, у него какая-то дурацкая теория – я говорю про настоящих инопланетян.

– Настоящих... я даже не знаю...

– У нас тут есть место, где они иногда появляются... Хочешь, сходим туда вместе?

Я перекатывал в руке комочек серых шелковых лент. Услышав последнюю фразу Лицы, я сжал комочек и вскрикнул. Что-то сильно укололо меня.

– Боже, это булавка! Она осталась в лентах! Извини! – Лица бросилась искать платок. Я смотрел на свою ладонь, на которой выступила красная капля. Вот так комочек атласный. Лица стерла кровь.

– Извини, мне очень жаль.

– Пустяки, не переживай. Пойдем к остальным, а то твой отец решит, что я причиню тебе вред, – я подмигнул Лице, сделав вид, что забыл про ее предложение. Она тяжело вздохнула, ей не хотелось к остальным.

Компания разместилась на диванах. На полу были аккуратно разложены черные стволы.

– Хорошая коллекция, – со знанием дела говорил мистер Панайотис, примериваясь к раритетному автомату Томпсона.

– Это еще не все! Кое-что припасено на случай неожиданного нападения. – Бельмондо подвинул рабочий стол так, чтобы была видна та сторона, с которой сидит человек. Под столешницей крепилась кобура с крупнокалиберной «береттой».

– Они врываются, а я сижу за столом. – Бельмондо сел за стол и, для наглядности, развернул его в нашу сторону.

– Не поцарапай паркет, – строго сказала Марианна.

– Ничего! И так, они входят, а я бах! Бах!

Все заплодировали.

– Папа... – Лица явно стыдилась отца. Сегодня я уже дважды убедился в этом.

– Ну что, Лаки, а теперь посмотрим твое оружие? – сказал Бельмондо, задиристо уперев руки в бока.

– Уже поздно, давайте в другой раз.

– А, испугался! Я же говорил, что у него такого нет! – Бельмондо заглянул каждому в глаза. – Я же говорил!

– Ничего я не испугался, – отпирался Лаки.

– Пойдем, ужин стынет, – выручила брата Марианна.

Все гурьбой повалили на улицу.

– Признайтесь, что вы скрываете от нации правду об инопланетянах! – опять пристал к цээрушнику Бельмондо. Тот отвечал туманно, набивая себе цену:

– Есть разные версии...

– Признайтесь, что у армии в плену находятся несколько инопланетян с тарелки, потерпевшей крушение, – продолжал Бельмондо.

– В нашем ведомстве вся информация секретна. Я лично не занимался этим вопросом.

Тут вмешалась Марианна:

– Да что ты заладил про этих инопланетян, давайте выпьем за наших отличных работников, Алекса и Джея!

Это было неожиданностью. Мы смутились.

– За Алекса и Джея!!! – подхватили все. – Лучших наемных работников у нас никогда не было!

Зазвенели бокалы.

– Будь вы греками, мы бы выдали за вас наших дочерей! Правильно я говорю? – сказал Бельмондо.

Я поперхнулся.

– Я бы свою Мишель отдала, – сказала Олимпия, трепля меня по волосам.

– А я бы Лицу, – заявил Бельмондо, хлопая Юкку по колену.

– Такой зять, просто загляденье, – вставила Марианна, глядя на моего друга.

Все выпили.

«Благослови Боже тот день, когда я родился русским», – думал я и натянуто улыбался.

В ПОСТЕЛИ

В тот вечер от усталости и алкоголя нас порядком развезло. До нашей кровати мы доползли аж к четырем утра. Я бухнулся под одеяло, с трудом стаскивая с себя одежду. Юкка не поленился принять душ.

Он вышел из ванной, соорудил суровую мину и спросил:

– Кто ид-ё-о-о-от? Скажи мне, кто ид-ё-о-от?

Я захохотал и игриво заверещал, кутаясь в одеяло:

– Папочка!

– Кто? Не слышу!

– Мой папочка!

– Да, это я, мой малыш, – захохотал Юкка.

Видел бы это Лаки. Точно бы решил, что мы педики. Но у каждого из нас есть причины, по которым мы не можем спать одни. Юкка вырос в многодетной семье. Он всегда спал в одной кровати со старшим братом, а в комнате еще была сестренка. Я же просто боюсь. Несколько дней кряду я находил на простынях какую-то тварь. Огромная, черная, похожая на кузнечика и жутко злобная. Я пытался ее прогнать – ничего не вышло. Пришел Юк и одним шлепком тапка решил проблему. Забыл мамочкины уроки любви ко всему живому. Так что мой дружбан обеспечивает безопасность в постели.

Недостатков у совместного спанья навалом. Юкка постоянно перетягивает на себя общее одеяло, и я замерзаю. Юкка мучает меня, хватая за жопу, просовывает под меня ноги, хотя знает, падла, что это щекотно, а я дико боюсь щекотки. Я бешено ору и прячусь в подушку. Мы ржем от души.

– Кто твой папочка?

Я не успеваю ответить. Мы засыпаем.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫВОЗ МУСОРА

Утром нас подняли ни свет ни заря. Отпуска заканчивались, гости съезжали в массовом порядке, и надо было убирать комнаты. Мы еле передвигали ногами и с трудом соображали что надо делать. По моему департаменту началась тотальная нехватка расходных материалов, ста-

ло заканчиваться буквально все: полотенца, коврики для душа, мыло, туалетная бумага, пластиковые стаканчики. Казалось, что мотель израсходовал все ресурсы и ему больше нечего отдать своим клиентам. На складе было шаром покати. Я решил проблему просто – начал не докладывать в комнаты самое необходимое. Устроил американцам Советский Союз. Хотите туалетную бумагу? Нету!

– Эй, парни! – Лаки помахал нам из офиса. – Подите сюда!

Мы нехотя поплелись к нему.

– У Киса выходной. Надо помочь Олимпии вывезти мусор. Она поведет, а вы будете грузить.

– О'кей, – вяло сказал Юк. Я скривил недовольную физиономию.

– Расстраиваешься, Алекс, что я не доверяю вождение тебе? – удачно пошутил Лаки. Я не ответил. Мы поплелись к пикапу.

Олимпия уже поджидала нас. После падения в бассейн «плимут» еще больше скособочился. Мы забрались в кузов.

Уборка прошла без эксцессов. Олимпия тормозила возле баков, мы спрыгивали с борта и закидывали их в кузов. При подъеме на злополучную горку Олимпия попросила нас слезть.

– Извините, ребята, лишний вес.

Мы вскарабкались сами и, загрузив последний бак, подкатали к огромному контейнеру, над которым вились жирные мухи. Вытряхнули мусор. Поехали обратно. Тут заглох мотор.

– Твою мать! – шипела Олимпия, дергая рычаги. После нескольких свистящих звуков мотор вовсе перестал реагировать на поворот ключа зажигания.

– Придется толкать, парни.

Потерявшие веру, молча, словно животные, мы вылезли из кузова и принялись толкать.

Сначала дорога шла в горку, нам пришлось попотеть. Олимпия помогала нам, тоже толкая и руля одной рукой через открытую дверь. Поравнявшись с офисом, мы заметили Лаки.

– Не везет вам, парни, с этим пикапом, – пошутил хозяин. Помочь жене он не удосужился.

– Мотор заглох, – пожалала плечами Олимпия.

Тут «плимут» вдруг поехал сам, и не успели мы понять в чем дело, как он уже несся вниз со склона. Пытаясь впрыгнуть в кабину, Олимпия кинулась вдогонку. Но было поздно. Я в ужасе посмотрел на Лаки, бессильно разводя руками. Его лицо побагровело.

В следующее мгновение раздался большой всплеск, и тарантас зарылся носом в воду, подминая одинокий матрас, плавающий в сверкающей лазури. Несколько пустых баков, перелетев через кабину, поплыли по взбаламученной глади. С другого конца бассейна в ужасе выскочил толстяк латиноамериканского вида.

– Факин шит! Факин шит! – орал толстяк.

На этот раз наша вина была не очевидна. Я бы даже сказал, что нашей вины не было. Однако нам снова пришлось вылавливать из бас-

сейна мусорные баки, а потом помогать вытаскивать «плимут» на сушу. Бассейн спустили и решили больше не наполнять. Все равно сезон подходил к концу.

Когда мы, стоя по грудь в воде, вытаскивали баки, рядом затормозил красный кабриолет Марианны. Рядом с ней сидела Лица.

– Вы что, опять утопили пикап? – с трудом сдерживая смех, спросила Марианна.

– Типа того.

– Представляю, Алекс, что будет, когда ты купишь себе машину! – захохотала Марианна. Недавно я поделился своими планами в «Вестминстере».

– Я просто толкал, – буркнул я.

– Повезло моему брату с работничками! Вам купить чего-нибудь?

– Из еды?

– Из еды.

– Бананов, – попросил я.

– Хватит тебе бананов! И так дышать нечем! Лучше чиз-кейк! – попросил Юк.

Через час было доставлено и то и другое.

– Спасибо, Марианна! Спасибо Лица!

– До вечера, ребята. – Марианна послала нам воздушный поцелуй и укатила восвояси.

– Вот и телки на красивой тачке... – задумчиво произнес Юкка.

– Мечты сбываются... – я проводил взглядом красный кабриолет. Мои мысли перебил Лаки, к нему снова вернулось хорошее настроение.

– Нравится моя сестра, парни?

- Нет, что ты.
- Хочешь сказать, что она уродина?
- Нет, она очень красивая женщина, но...
- Я не против. Она всем нравится.
- Лаки, мы не в том смысле...
- В прошлом году за ней увивался один хороший парень, реднек. Георгиас об этом не знал. Так вот, однажды Марианна этого парня отправила подальше, надоел он ей. А он возьми да и напейся. Набрался он, значит, и заснул вон там, на рельсах. И знаете что? Его переехал поезд! Ха-ха-ха!

ТЕРМИНАТОР

Мне в голову пришла замечательная идея – делать художественные салаты. Я попробовал разложить дольки помидоров, огурчики и луковые кольца так, что получались смешные рожицы. Времени это занимало не больше обычного, нужно было только положить салата больше всего на пару листиков, чтобы придать рожицам убедительности. Воодушевленный, я наделал до фига художественных салатов и всюю раздавал их официанткам. Через час подбежала Олимпия. Я скромно потупился, собираясь принять поздравления. Наверняка кто-нибудь из гостей уже отметил мое художественное нововведение.

- Алекс, ты хочешь нас разорить?!
- Я опешил.

– Зачем ты кладешь так много салата?!

На это было нечего ответить. Олимпия отодвинула меня от очередной партии моих «произведений» и принялась их беспощадно разрушать, делая из каждой тарелочки по две новых.

– Нельзя класть так много салата! Нельзя!!!

Я молча наблюдал за уничтожением плодов моего творчества. «Она даже не заметила, что там были улыбающиеся рожицы, – думал я. – Она видит только лишний лист салата».

– Вот так, запомнил?! – Олимпия отряхнула с рук ошметки «глазок» и «носиков».

– Запомнил...

Я открыл холодильник, чтобы достать для переделки заготовленные салаты. В холодильнике неожиданно запахло родительской кухней. Мне пять лет. За окном солнце. Я сижу напротив отца. Мы завтракаем. На нем форменная рубашка с погонами. На столе двумя башенками возвышаются бутерброды с «Докторской» колбасой... В холодильнике пахло именно так. Я застыл.

– Алекс, бэйби, дай мне шоколадный торт с орехами, – донесся сзади голос Жenuарии. Я не мог шелохнуться. – И не забудь про нож, я его оближу. Алекс!!!

– Да... секунду.

Запах стал исчезать, как сладостное виденье, удержать которое нет никакой возможности. Я отрезал торт и протянул нож Жenuарии. Она страстно слизала шоколад и подмигнула мне.

– Кайф!

К вечеру явилась Марианна с большим свертком. Она торжественно развернула бумагу и позвала всех полюбоваться покупкой. Такого я не видел ни до ни после. Это был Терминатор в метр высотой, с карабином и ободранной кожей на лице, из-под которой сверкал красный глаз. Терминатор был голый, в одних сапогах. Марианна установила скульптуру на разделочный стол.

– Хорош, а?!

– Хорош. – Я постучал ногтем по скульптуре. Пластик.

Бельмондо вышел.

– Мне бы такого мужика! – басом заявила Жемуария. – С такой пушкой!

Все заржали.

– Обожаю военных, – хихикнула Джерри.

– Он сильный! Он всегда побеждает! – не могла нарадоваться Марианна.

В фильме Терминатор проигрывал, но я не стал спорить с Марианной.

– Умение побеждать, вот что отличает настоящих мужчин, – жена Бельмондо одарила Юкку выразительным взглядом.

Вошла Олимпия.

– Что это?

– Скульптуру купила.

– Редкая вульгарность!

– Тебя забыла спросить, дорогая невестка.

– Как тебе не стыдно! У тебя же муж!

– А чего мне стыдиться?

– Притащила голого мужика. Ты о Георгиисе подумала?

– Ты меня не учи! Со своим мужем разберись!
– У нас с Лаки все в порядке.
– Весь город знает, как у вас в порядке. Особенно нью-йоркские мальчики! – съязвила Марианна.

– Заткнись, шлюха! Здесь чужие! Он же твой брат!

– Как ты меня назвала?! А ну повтори! – Марианна пихнула Олимпию в грудь.

– Отвали!

– Твою дочь трахал весь город, а я шлюха!

– Ах ты мразь! – Олимпия вцепилась Марианне в волосы. – Сука! Блядища!

– Дамы, прекратите!

Женуария схватила Олимпию, Джерри – Марианну.

– Тебя взяли с улицы! Будешь вякать, оставлю без куска, слышала?! – вопила Марианна.

Все происходило у распахнутой двери в зал, где хорошо просматривались удивленные лица гостей. «У нас фешенебельный ресторан, а не забегаловка. Люксори плэйс», – вспомнил я слова Марианны, произнесенные ею в день нашего знакомства.

ПОБЕДА

Сцена на кухне не давала мне покоя. Я долго не мог заснуть, видя перед глазами Олимпию, вцепившуюся в Марианну, голого Терминатора, оскорбления, которыми женщины осыпали друг друга.

– Вот *что* в жизни главное, старик? – спросил я у Юкки во время утренней уборки комнат.

– В смысле? – мой друг был рассеян, в уме он подсчитывал заработанное за последние дни, складывал с тем, что уже скопил, и прибавлял к этому возможный доход оставшейся недели.

– Вот Марианна вчера заявила, что в мужике главное – умение побеждать...

– Она меня уже достала. Смотрит все время, намекает... Я ее видеть больше не могу!

– А по-моему, победа – вещь сомнительная. Как думаешь?

– Слушай, не грузи! Какая разница? Главное – быть богатым.

Несколько минут мы молчали. Я пылесосил. Потом взялся менять простыни.

– Победа – это ловушка, фикция.

– Не знаю, мне насрать. – Юкка никак не мог покончить с расчетами.

– Если ты все время побеждаешь, ты теряешь самоконтроль, становишься заносчивым и приобретаешь «комплекс правоты». Я победил, значит, я прав, значит, я крут! Победа туманит разум. Ты начинаешь гордиться своей победой, ничего вокруг не замечая. Отмечаешь годовщины, обрастаешь новыми историями о своих подвигах, живешь прошлым. А в это время тот, кого ты победил, осознает промахи и развивается. Победитель расслабляется и деградирует, проигравший вырывается вперед.

– Ага.

Я застелил кровать и уселся на край. Мысли вдруг полились мощной струей, как будто они долго накапливались в специальном баке, а теперь кто-то открыл кран.

– А знаешь, что самое интересное?

– Что?

– Что победа часто оказывается не тем, что ожидал. Мать мне рассказывала про свадьбу своей институтской подруги. Все было чин-чинарем: тамада, «горько!» Начали, короче, букет невесты кидать. Ну, бабы все сбежались. Но одна была самая активная. Подруга матери, нападающая институтской сборной по баскетболу. Ей этот букет до зарезу был нужен. Мать говорила, что она ужас как замуж хотела, а никто не брал. Больно здоровая. Короче, она, естественно, прыгнула выше всех, схватила букет мертвой хваткой и... пол был скользкий, там кто-то салат уронил, и она, фигакс, и как долбанется со всей дури спиной об угол стола.

– Ага.

– Девятнадцать лет лежала парализованная, в позапрошлом году умерла.

– Ага.

– Вот тебе и победа...

– Ага.

– Ты согласен?

– Ага.

– Реально, ты тоже так считаешь?!

– Что?

– Спрашиваю, ты со мной согласен? Насчет победы?

– Сань, я считал, я не слушал.

Я плюнул и вышел на свежий воздух. У меня имелась специальная бумажка, где я отмечал убранные комнаты. Я достал ее, сверился с номером на двери и вычеркнул «307».

НЕПРИЯТНОСТИ

Наступили наши последние дни в Америке. Поток туристов стал ослабевать, но страстей в греческой семье только прибавилось. После драки Олимпии и Марианны произошло сразу два неприятных события: я порезал руку, и в холодильной комнате стало пропадать пиво. Начну по порядку. Придя на рабочее место, я обнаружил, что сменщик Джон не заготовил накануне салаты, а официантки уже выстроились за ними в очередь. Я принялся в панике хватать мытую зелень из раковины и материть Джона. Спешка сделала свое – я смахнул с полки вазочку для мороженого, она разлетелась на мелкие кусочки, которые осыпали заготовленную зелень. Весь дневной запас был уничтожен. Я принялся выгребать зелень из раковины – в руки тут же впились злобные осколки. Прибежала Марианна.

– Что ты натворил, Алекс?!

– Вазочка разбилась... зелень испорчена...

Марианна разозлилась, будто вазочка была зеркалом тролля, и один из осколков угодил ей в глаз.

– Ты, недотепа, вычищай раковину скорее! Неси новую зелень из холодильника! И не забудь надеть резиновые перчатки – не хватало, чтобы ты все тут кровью заляпал!

Когда я вернулся с ящиком зелени, полупрозрачные перчатки успели побуреть от наполнившей их крови, Марианна строго сказала:

– Сорок долларов! Из твоей зарплаты мы вычтем ровно сорок долларов! Столько стоят испорченные тобой продукты.

– Как скажете. – Я принялся нагонять упущенное время.

Дальше – хуже. Ко мне подошел Бельмондо.

– Слушай, Алекс, ты не в курсе, куда девается пиво из холодильника?

– Какое пиво?

– Пиво, которое хранится в холодильнике с продуктами.

– Не знаю.

– Оно пропадает, это не твоих рук дело? – Бельмондо смотрел мне прямо в глаза.

– Нет. Зачем мне ваше пиво? – Он не отводил взгляд. – Эй, я же всегда у тебя на виду! Какое пиво?

– Меня не проведешь! Я не забыл ту историю с золотым кулоном! У меня тут везде камеры! Я вижу, как ты булочки ешь. Сегодня же просмотрю пленку. – Бельмондо ушел к своей плите мешать суп, оставив меня в оцепенении.

«Это место катится к черту. Достаточно искры, чтобы все взорвалось». Если бы я знал, насколько был прав тогда.

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Судьба не упустила шанс подшутить над нами еще раз. Возвращаясь из библиотеки, мы повстречали толпу потных старшеклассниц. У них был урок физкультуры. Они бежали прямо на нас. С подбородков капал пот, щеки пылали, груди тряслись. Мы в шутку сделали вид, что убегаем. Старшеклассницы на юмор не среагировали. Тогда мы просто пропустили их мимо и еще долго смотрели вслед.

Через несколько дней Бельмондо, как ни в чем не бывало, отвез нас в бар. Это было первым развлечением за три месяца труда и скитаний.

– Школьники вернулись с каникул, бары полны молодежи. Вам надо развлечься, я отвезу вас в одно местечко.

Мы согласились и после работы втроем отправились в город. Проезжая мимо дома с темными окнами, Бельмондо притормозил.

– Это тот дом, над которым появляются инопланетяне.

– Ух ты!

– Здесь я видел Мадонну. – Я повернул голову и всмотрелся в лицо грека. Ни капли иронии. – Хотите – подождем, может, увидим что-нибудь.

Напротив стояли ежащиеся на ночном сентябрьском ветерке туристы.

– Который час?

– Без пятнадцати полночь.

Мы принялись ждать. Минуты тянулись мучительно медленно. Показалось что прошла це-

лая вечность, прежде чем я снова взглянул на часы.

– Без десяти. Они над нами издеваются.

Мы снова смолкли. Вдруг меня стал одолевать необъяснимый страх. Какая-то жуть поднималась по спине. Я украдкой бросил взгляд на Юкку и Бельмондо, их лица были напряжены, Бельмондо кусал губы. Юкка мял ладони. Похоже, они тоже боялись. Я решил промолчать.

Прошло еще пять минут. Я обратил внимание, что толпа туристов почему-то редет. Неужели и они струхнули?

– Может, поедem, а? – неожиданно предложил Бельмондо. – Чего тут торчать, детские байки.

– Да, поехали, а то холодно, – с радостью подхватил Юк.

Бельмондо завел мотор, мы тронулись, было без одной минуты полночь. Я обернулся. Туристов совсем не осталось. Только в одной из машин, стоящей напротив, сидела девушка. Это была Лица.

БАР

Грохот бара не мог отвлечь меня от странных мыслей. Лица поехала одна любоваться пришествием инопланетян. Видел ли ее Бельмондо? Я поглядывал на него, но грека ничего не выдавало. Похоже, он ее не заметил. Я все больше убеждался в сумасшествии мирка, который нас окружал. Бельмондо – помешанный на оружии

импотент, готовый разодрать всех на части ради девственности своей дочери. Лаки – реднек, предпочитающий мальчиков. Марианна – нимфоманка бальзаковского возраста. Вкалывающая с утра до ночи, чтобы унять тоску, Олимпия. Мишель, мечтающая о бегстве и, одновременно, о том, чтобы походить на донну Розу. Лица, ожидающая по ночам пришествия инопланетян. Папс, присоединенный к десяткам шлангов, и донна Роза, злобная и жадная старуха, венчающая эту семейную пирамиду.

– По «Столичной»?! – проорал Юкка мне в ухо.

Я кивнул. В баре, переполненном студентами, стоял дикий гам. Пьяные парни и девицы хохотали во все горло, обнимались, целовались и ласкали друг друга у нас перед носом. Мы были, словно монахи, перед которыми разыгрываются сцены дьявольских искушений. Мы были слишком измождены для флирта. Оставалось только пялиться на все эти желанные тела, устало улыбаясь.

– Если бы вы знали, парни, как здорово, что вы приехали! – Бельмондо искренне улыбался.

– Ладно тебе, не преувеличивай.

– Вы напомнили мне молодость. Я ведь был таким же, как вы. И мне рюмку принесите! – крикнул Бельмондо официанту. – Поведу осторожно.

Мы чокнулись, выпили.

– Вы – единственные, кому я могу рассказать про мотоцикл. Никто ведь меня не слушает...

– Да ладно тебе, ты, наверное, просто никому не предлагал.

– Предлагал...

Помолчали. Бельмондо первым нарушил тишину.

– Эй, парни, вы чего застыли, как истуканы?! Смотрите, вон та блондинка стреляет глазками.

Выпив несколько рюмок, мы совсем размякли.

– Учитесь! – Бельмондо развязным шагом направился к блондинке.

– Сейчас он ее снимет, – грустно сказал Юкка. – А мы так и будем дрочить.

Тем временем Бельмондо лихо притормозил рядом с блондинкой и принялся ее охмурять. Блондинка улыбалась. Бельмондо кивал в нашу сторону. Блондинка засмеялась.

– Про нас говорят.

– Ага.

Бельмондо совсем развеселил блондинку и положил ей руку на бедро. Блондинка легонько пихнула его. Бельмондо повторил маневр. Блондинка толкнула его сильнее. Бельмондо схватил ее за локоть.

– Отвали, старикашка! – донеслось до нас сквозь гам.

Стоящие рядом обернулись.

– Эй, мужик, убери лапы от девочки!

Стиснув зубы, Бельмондо вернулся за столик. К блондинке подошел какой-то крепыш. Они вместе смотрели на нашу троицу и смеялись. Блон-

динка показывала на Бельмондо пальцем. Вокруг нее собралась группа хохочущих парней и девок.

– Пошли отсюда. – Бельмондо вышел из бара.

Мы расплатились и последовали за ним.

Он стоял рядом со своим «крайслером» на заднем дворе и молча трясся.

– Сука! Вот сука! Я уже лет пятнадцать ни к кому не прикасался и тут решил... старый дурак!

– Ладно тебе, – попытались мы его успокоить. – Велика беда. Куча баб была бы не прочь с тобой поразвлечься.

– Чушь! Чушь! – Бельмондо оттолкнул мою руку. – Я стар, я болен! Она специально заставляла меня мыть холодильную комнату каждый вечер, чтобы я заболел, чтобы сломить меня, чтобы я был на привязи! Сука!!! – он говорил о донне Розе. – Я всю жизнь просидел в клетке! И теперь на тебе, какая-то девка обзывает меня старикашкой! Блядская жизнь!

– Поехали спать.

– Я старый козел! Правильно, что она меня отшила! Если бы к моей Лице приставал такой старпер, я бы его убил! – Мы вздохнули. – Я бы выбил дерьмо из грязного старикашки! Слышишь, ублюдок?! Я выбью из тебя дерьмо!!!

ОГОНЬ

Через пару дней после Дня Труда туристов словно языком слизало. На асфальте появи-

лись желтые листья. Воздух стал суше и прохладнее. Мы лениво домывали опустевшие комнаты. В ресторане воцарилась тишина. Казалось, сама жизнь намекала на наш скорый отъезд. Даже очередная Юккина тряпка для протирки сантехники походила на привычные русские тряпки, которые раньше являлись предметами одежды. В доме моих родителей среди тряпок преобладают бывшие папины трусы и бабушкины панталоны. Юкка сам не знал, как ее занесло в этот буржуазный мир губок и щеток. Мы сочли появление тряпки за знак свыше.

Было раннее утро. В дверь постучали.

– Почта!

Мистер Тод все-таки прислал нам чеки из гольф-клуба.

Тут же позвонил Лаки.

– Ребята, последняя комната освободилась, уберитесь там.

– Какой номер?

– Триста семь.

Войдя в комнату триста семь, мы удивились. Везде царил неправдоподобная чистота. Казалось, что здесь никто никогда не жил. Кровати были застелены, а на обеих подушках лежало по пятидолларовой бумажке. В холодильнике запотели две бутылки «Микелоба».

– Неплохо.

Делать оказалось нечего.

– Может, телик посмотрим? – предложил Юкка. – А то, если мы скажем Лаки, что тут все

чики-пики, он нас припашет что-нибудь делать, а сил уже нет.

Мы включили старый телевизор и развалились на кровати с пивом. Почему-то показывали небоскребы-близнецы. Один из них горел.

– Что за хрень?

– Кино какое-то. – Я отхлебнул из горлышка.

– Какое кино? Видно же, что не кино!

– А что это тогда?!

– Написано же: «Прямой эфир»!

Возникла пауза. Таких пауз в моей жизни раньше не было.

Юкка крутанул ручку громкости. В комнату ворвались слова комментатора. «Пожар... Взрыв... Причины неизвестны». Башни сверкали на фоне безмятежного синего неба. Клубы черного дыма, уходящего вправо, напоминали пышный кошачий хвост.

– Еб твою мать!

– Это что, война?! Что случилось?! – Я вскочил с кровати, снова сел и снова вскочил.

– Да нет, какая война, не может быть...

Тут на экране появилось что-то блестящее. Оно точно, по дуге, врезалось во второго «близнеца».

– Бля!!!! Ты это видел????!!! Похоже на летающую тарелку.

Мы прилипли к экрану. Обе пробоины находились близко к верхним этажам. Небоскребы напоминали трубы гигантского завода.

– Слушай, а если в Москве то же самое?! Если моих родичей тоже протаранили?! – запааниковал я.

- Чего их таранить?
- Как чего, они на двенадцатом этаже живут!
- Кто же это устроил???

Мы видели, как из окон прыгали люди с дверцами от шкафов, надеясь спланировать на землю. Мы слышали, как комментатор кричал: «Самолет, это был самолет!» Сначала рухнула, складываясь телескопической антенной, одна башня, затем другая. Экран застилала облака пыли. Мы не могли говорить. Юкка твердил только одно слово:

- Круто! Круто!
- Чего тут крутого?!
- Круто вот так вдруг умереть! Сразу никому ничего не должен! Если бы я погиб, не пришлось бы париться о деньгах, о маминых зубах... Я стал бы абсолютно свободным...

– Ни хера себе свобода! Представляешь, что там сейчас творится?!

У меня на глаза навернулись слезы. Я вспомнил смотровую площадку, ирландца Шона, который устроился в одну из башен швейцаром. Вспомнил смешных черных детей с воспитательницей, холеных дамочек... Я видел их всех, обезумевших от страха, сгорающих заживо на наших глазах, залитых плавящимся металлом, прыгающих в окна... Для Юкки это была свобода, для кого-то – победа.

Мы смотрели на гибнущие небоскребы и видели самих себя. На наших глазах умирала часть мира, которому мы принадлежали, а значит, умирала и часть нас.

В «Вестминстере» царило оживление. Все обсуждали последние новости.

– Это теракт, я вам точно говорю! – утверждала Олимпия. – Японские камикадзе отомстили за Хиросиму.

– Какие камикадзе, это сионистский заговор! Я слышал, что все евреи заранее вышли из небоскребов! – спорил Лаки.

– Ты совсем свихнулся вместе со своими дружками реднеками, братец! – съязвила Марианна.

– Как бы на нас не напали – опасалась Олимпия.

– Мама, ну кому мы нужны?! – смеялась Мишель.

Бельмондо молчал.

– А ты, как думаешь, Георгиас? – обратилась Марианна к мужу.

– Высшие силы покарали Америку.

– Какие высшие силы?

– Инопланетяне.

Марианна презрительно расхохоталась.

– Ты абсолютный псих! Боже, как меня угораздило выйти за тебя!

– Это не ты за меня вышла, а меня на тебе женили!

– Еще бы! Тебе захотелось сладенькой жизни в Америке, вот ты и прилетел, а меня даже в глаза не видел!..

Резко подорожал бензин. Многие решили, что началась война. Не ясно только с кем. Лаки заседал в клубе реднеков. Они готовились наказать

черных, евреев и остальных «неблагонадежных», если откроется, что крушение «близнецов» их рук дело. Олимпия, не зная чем заняться, носилась как заведенная по мотелю и ресторану. Мы узнали, что авиарейсы переносят.

– У нас билеты, что мы теперь будем делать? – беспокоился Юкка.

– На месте разберемся.

На следующий день у Киса сгорел трейлер, в котором он жил. Кис забыл выключить электрочайник. Трейлер был не застрахован.

– Что, все сгорело?! – с хохотом спрашивала Жenuария Киса.

– Все подчистую! – хохотал в ответ Кис.

– Ну ты и ебанат! – Жenuария хлопала Киса по плечу. – Тебе хоть жить есть где?

– Не-а! – Кис с трудом справлялся со смехом.

Я заметил, что Бельмондо внимательно слушает. Казалось, что он думает о чем-то очень важном. Он заметил мой взгляд и подмигнул.

– Я теперь свободен, как птичка! – орал Кис, раздухарившись. – Полечу куда хочу!

– А кто посуду мыть будет, птичка?! – Жenuария и Кис затряслись от нового приступа хохота.

Перед закрытием Бельмондо подозвал нас с Юккой.

– Хочу подарить вам кое-что, парни, – он протянул каждому по брелку с Мадонной и младенцем. – Эти штуки принесут вам счастье. Поцелуйте. – Мы поцеловали Мадонн. – Ну, прощайте.

– Завтра увидимся, Бельмондо.

Когда я закрывал за собой дверь, он окликнул меня:

– Извини за пиво, я узнал, кто его воровал.

– И кто же?

– Не важно. Семейные дела.

– Иди спать. Тебе надо выспаться.

– Сегодня не получится. Моя очередь сидеть с Папсом.

Я пожал его руку. Он остался один в пустом ресторане, освещенный резким светом галогенных ламп.

Перед сном мы пили пиво, сидя на бортике пустого бассейна. Болтали ногами и смотрели на луну.

Ночью мне не спалось. Юкка давно дрых, а в моей голове царил хаос. Инопланетяне кричали голосом Киса «Я свободен!», а еврей-камикадзе гонялись за реднеками-геями. Надо было успокоиться. Я попытался подумать о чем-нибудь приятном и вспомнил бабу из номера триста семь. Я принялся ласкать себя. Мне оставалось совсем чуть-чуть, когда Юкка обратился ко мне тревожным голосом:

– Слышь?

– Чего? – шепнул я, притаившись.

– Кажись, бомбардировка началась.

– Почему?

– Чувствуешь, как кровать трясется?

Тут я не выдержал и заржал:

– Ха-ха-ха! Бомбардировка!!!

– А что же это?

– Это?! Это я дрочу!

Тут пришел Юккин черед смеяться:

– А я... а я думаю, все, хана, ядерная война! Думаю, что первым спасать: бабло или тебя! Ха-ха-ха!!! Бомбардировка!!! Ха-ха-ха! Как мы бомбили Америку!

Мы хохотали, как сумасшедшие. А потом вскочили и, прыгая на кровати, принялись орать:

– Мы приедем сюда на танках! Да, мы бедные, зато у нас у каждого ребенка есть ядерное оружие!!!

СВОБОДА

До вылета оставалось три дня.

– Хорошо, что мы налегке, – Юкка складывал в сумку пожитки. Он достал что-то мешающее молнии. Это была футболка «Хочешь разбогатеть – спроси меня как!». – Не застегивается, придется здесь оставить, – он бросил футболку в угол.

В нашей комнате играла громкая музыка. Напоследок мы решили сфотографироваться с хозяевами и официантами. Надели белые рубашки и причесались. Я даже виски подстриг маникюрными ножницами. Получилось кривовато. То есть слева еще ничего, а справа я оттяпал больше волос, чем требовалось, образовав заметную проплешину, – будто подхватил лишай. «Буду поворачиваться к объективу другим боком», – подумал я и взял фотоаппарат.

– Ну что, навел марафет?

– Ага, можем выдвигаться.

Мы вышли за дверь. Издалека доносился звук сирен и лай. Пахло чем-то вкусным.

– Что за запах? – принялся я.

– Жареные каштаны, – пояснил Юкка. – Обожаю.

Мы свернули за угол.

Стейк-хаус «Вестминстер» полыхал. Также горели дома Лаки и Бельмондо. И еще левое крыло мотеля.

Мы побежали.

У дома Бельмондо собралась небольшая толпа. Ахилл, синеглазый пес, не подпускал пожарных к горящему дому хозяина. Огонь вырывался из окон и лизал раскидистый каштан, росший перед входом. Спелые плоды лопались и запекались прямо на ветках. Среди зевак мы нашли Женуарию. Она захлебывалась от рыданий.

– Что случилось?

– Георгиас... – только и вымолвила толстуха и снова принялась плакать.

– Что с ним случилось?!

– Успокойся, – Юкка погладил официантку по спине, – успокойся.

– Я толком ничего не знаю... говорят Георгиас... ночью он сидел с Папсом, как обычно... он его задушил, потом устроил стрельбу и... – Раздался выстрел, лай прекратился. Женуария чуть не потеряла сознание.

– Ахиллу конец!

– Узнай что-нибудь, а я пока с ней постою, – попросил меня Юк.

Я протолкнулся к офицеру полиции, который убирал пистолет в кобуру. Парень из «скорой» оттаскивал мертвого пса, за которым тянулся красный след.

– Сэр, я здесь работаю, объясните, пожалуйста, что произошло?

– Этот мужик, Георгиас Са... Саво... – полицейский не мог выговорить сложную греческую фамилию.

– Савопулос, – подсказал я.

– Савопулос ночью задушил своего тестя, мистера...

– Знаю, дальше что было?

– Потом он напился в баре, орал, что прикончит любого, кто притронется к его дочери, есть свидетели. Потом в бар пришла его дочь, мисс Лица Саво... Савопулос. Видно, не рассчитывала его там встретить. Очевидцы говорят, что он буквально взбесился из-за того, что она вышла вечером из дома без его разрешения. У них был страшный скандал, он затолкал ее в машину и повез домой. Полиция не вмешивалась, это уважаемое семейство. А про тестя мы еще не знали.

– Что с его дочерью?! Что с Лицей?!

Полицейский вздохнул.

– Вы попросили рассказать, я вам рассказываю все по порядку. Дома мистер Георгиас Савопулос сцепился с женой. У них началась перепалка, и он... он ее застрелил. Судя по всему, на крики прибежал брат жены, мистер Лаки... – полицейский начал рыться в блокноте.

– Лаки Папарис! Дальше!

– Мистер Георгиас Савопулос уложил мистера Лаки Папариса. По свидетельствам соседей, в ходе перестрелки погибла жена мистера Папариса, миссис Олимпия Папарис, а сам Георгиас был ранен.

Неожиданно в доме Бельмондо раздался выстрел, а за ним целая очередь. Толпа завизжала и присела. Офицер схватился за кобуру.

– Это внутри!!! Внутри домов!!! – кричал один из пожарных. – Патроны рвутся!

Как бы откликаясь, стрельбой ответил дом Лаки и Олимпии. Очередями и одиночными. Пистолетные, винтовочные, разных калибров... Даже после смерти хозяев стволы не прекращали соревнование за первое место.

– Похоже, оружия у них было навалом, – удивленно высказался офицер, придерживая фуражку.

– Много было оружия... – подтвердил я и продолжил расспросы: – Что произошло после смерти Лаки и Олимпии?

– Толком не ясно. Сначала он поджег дом Лаки и Олимпии Папарис, потом ресторан и часть мотеля. Похоже, у него закончился бензин в гараже, а то бы он спалил все, – предположил офицер. – Затем он заперся в своем доме с дочерью и поджег все изнутри.

– Что с ними?! Они живы?!

– Мы приехали, когда пожар только начался... Оттуда доносились крики девушки, но когда мы попытались освободить ее, мистер Савопулос открыл стрельбу. Он кричал: «Я спасу

тебя! Я никому не позволю к тебе прикоснуться!» Что-то в этом роде. Мы не смогли войти, мы же не можем рисковать своими людьми! Мистер Савопулос так палил, что из стен аж куски вылетали! А когда прибыли пожарные, дом уже всюю полыхал.

Раздался грохот. Крыша обрушилась. Во все стороны полетели снопы искр. Мы отскочили.

Я обратил внимание на старый «кадиллак», стоящий на другой стороне дороги. Приподняв занавеску, из заднего окошка за происходящим наблюдала донна Роза. Ее глаза были, как обычно, колючи и цепки. До нее Бельмондо добраться не успел.

Я пошел искать Юкку и наткнулся на Джерри и Фэй.

– Он сошел с ума, бедняга... вчера Лаки проболтался, что просматривал кассету с камер слежения... – всхлипывала Джерри.

– И что?

– Он воровал пиво из холодильника! Из ресторана своей жены!

Подошел Юкка.

– Ты слышал?

– Да, пошли отсюда.

– Может, помочь чего... – замешкался я.

– Чем тут можешь...

– Постой! А Мишель! Что случилось с Мишель?! – официантки, полицейские, все оживились. Оказалось, что никто не знает, где она. Наверное, она, воспользовавшись переполохом, сбежала. Осуществила свою мечту.

Мы плелись обратно мимо горящего крыла мотеля. Пожарные рвали крючьями двери комнат и направляли внутрь плюющийся пеной брандспойт. Одна из дверей не поддавалась, мы остановились посмотреть. Это была комната триста семь. Но вот brave молодцы справились и с ней.

– Помнишь ту телку... с сиськами?

– А мамин звонок, когда она мне втык устроила за ночную работу!

– Кулон...

Я вспоминал разговор с Мишель...

Пожарные ринулись внутрь, орудую крючками и пенной струей.

– Конец волшебной комнатке. – Юкка сплюнул.

У себя мы молча переоделись в одежду, в которой прибыли сюда. Больше нас ничего не держало. Мы вызвали такси.

Синий «форд» довез нас до автобусной станции. Транспорт на Нью-Йорк с пересадкой в Балтиморе отходил через полчаса.

В зале ожидания молодая негритянка спросила:

– Куда едете?

– В Нью-Йорк.

– Как бы я хотела поехать в Нью-Йорк.

Мы тряслись в ночном автобусе. Одни пассажиры сменялись другими. На вокзале в Балтиморе не горели первые три буквы, получалось «тимор». Летнее путешествие заканчивалось. Мы покинули юность и прибыли в мир взрос-

лых. Он встретил нас пожарами и смертью. Назад билеты не продавались. Всю дорогу мы не разговаривали друг с другом и приехали в Нью-Йорк ранним утром.

ГУД БАЙ, АМЕРИКА

Город стал другим. Раньше это была свежая куртизанка Холли Голайтли, а теперь королева, изнасилованная толпой. Тротуары, окна, машины – все покрывал слой серой липкой пыли.

– Пепел, – сказал Юкка, проведя пальцем по каменному карнизу.

Пепел забивался в нос, разъедал глаза, скрипел на зубах. Запах тоже изменился. Пахло пережаренным бифштексом. Огромным бифштексом из трех с лишним тысяч тел.

Мы устроились в хостеле «Одиссей» и пошли слоняться по городу. Лица прохожих изменились. Уверенность сменилась испугом, а сосредоточенность – растерянностью. Кварталы вокруг бывшего мирового торгового центра были оцеплены. Но уже из Сохо виднелась гора дымящихся обломков, напоминающая вулкан. Повсюду работали уборочные машины. Казалось, что мертвеца спешно пытаются загримировать под живого. Швейцары смывали гарь перед подъездами, но серые хлопья, проходящие на скорбных птиц, слетались снова.

Эти хлопья напомнили день, когда меня бросила девушка. Тогда я поехал на дачу, схватил

первую попавшуюся кипу бумаг, швырнул в бочку для мусора и поджег. Среди прочего, в кипе оказалась и отцовская коллекция репродукций из «Огонька». Та, которая в десять лет перешла ко мне и которую я забросил. Она незаметно перекочевала на дачу вместе с другими ненужными вещами...

Вермееры, Брейгели, Репины и Врубели морщились в пламени, серели, испаривали в небо и улетали за деревья. Под конец мелькнула картинка с тонущей княжной Таракановой. Огонь столкнулся с водой, картинка зашипела и превратилось в прах. Княжна избавилась от страданий. Через пять минут с коллекцией было покончено, а я испытывал новое сладкое чувство пустоты от уничтожения чего-то прекрасного и дорогого.

Вопреки всему жизнь продолжалась.

– Я маме обещал брюки купить, – сказал Юкка. – Пройдемся по магазинам?

Так мы и провели день в поисках подарка для матери моего друга. Он очень тщательно отнесся к выбору брюк. У него была памятка с размерами и бумажный сантиметр из «Икеи». Юкка замерял одни брюки за другими, пока не нашел подходящее сочетание объема бедер и длины. Он придирчиво оглядел брюки, держа их на вытянутой руке.

– Как считаешь?

– По-моему, круто. Элегантно, модно и практично. Возьму своей такие же. – Я принялся копаться в поисках сорок шестого размера. Точ-

ных цифр у меня не было. «Подкоротит, если что».

Девушка, давно изучающая кофточки в отделе напротив, отвернулась, пряча улыбку. Уж больно смешно мы смотрелись, придирчиво рассматривая женские брюки крупных размеров. Так бывает, делаешь хорошее дело – выглядишь смешно. Делаешь гадость – выглядишь обаятельно.

– На зубы все равно не хватает, придется еще копить. А брюки – вот они. Нельзя же приехать без подарка, – рассуждал Юкка, когда мы выходили из магазина.

С вылетом особых проблем не возникло, хотя расписание сильно изменилось. Девушка-портье вызвала нам такси до аэропорта Кеннеди. По рассеянности она что-то перепутала, и к дверям подъехал черный пузатый «линкольн». Усатый латинос выхватил из наших рук сумки и увлек за собой.

– Ого, мы явно переходим на новый уровень! – воскликнул я, увидев роскошную тачку.

– Прибыли на автобусе, отчаливаем на лимузине.

Асфальт расцвечивали солнечные пятна и сухие листья. Шофер услужливо открыл дверцу.

– Только после вас, сэр! – я картинно склонился, уступая другу Юкке.

– Чаевых все равно не получишь! – пошутил он, скроив строгую физиономию.

«Линкольн» тронулся. По Девятой, по Сорок третьей, через Пятую, Бродвей и Мэдисон-авеню.

Мы покидали этот великий и прекрасный город. Эту страну, в которой у меня ни разу не было секса, но однажды родится ребенок. Если, конечно, в медцентре надежно сохранили мою сперму. Интересно, это будет мальчик или девочка? Кем будет его мать? Кто захочет, чтобы ребенок был похож на коротко стриженного шатена, ростом выше среднего, с коричневыми глазами и не слишком высоким IQ? Как сложится его жизнь...

Через несколько часов мы взлетели. Внизу лежал Манхэттен. Бирюза бассейнов вкраплялась в гранит зданий. Центральный парк смотрелся зеленым ковриком среди камней. Серая клякса на месте «близнецов» походила на рану, которую лечат тысячи муравьев на бульдозерах и экскаваторах...

Мы летели домой, в нашу ледяную страну, сквозь вечер и атлантическую ночь. Через несколько часов самолет врезался в европейское утро. Я представлял себя его носом, рассекающим облака навстречу азиатскому солнцу.

Для меня все путешествие, по сути, было долгим возвращением домой. Только после пережитого за океаном, я понял, насколько мне дорога Москва. Я нащупал в кармане брелок Бельмондо, достал. Мадонна с младенцем смотрели на меня с эмалевого кружочка.

- Юк, – позвал я.
- Чего? – друг повернулся в полудреме.
- Сколько тебе не хватает?
- Чего не хватает?
- Матери на зубы.

– Штуцер триста, если я оставлю себе на жизнь семьсот. Шесть сотен, если себе ничего не оставлю.

Я сунул руку в карман, достал заработанное – одиннадцать сложенных пополам сотен. Отсчитал семь, сунул ему.

– Возьми.

– Не понял...

– Я даю шестьсот баксов для твоей матери и сотку тебе, чтобы не горевал. Вопросы есть?

– Ладно тебе... А как же тачка? Ты же все лето вкалывал ради тачки...

– Тачка... да не очень-то она мне нужна... ты же знаешь, какой я водила. Бери.

Юкка взвесил деньги на ладони.

– Спасибо, чувак... – слова не шли на ум. – Это круто, чувак...

– Инвестиция в ноосферу, – пошутил я.

– Ну ты и псих! – рассмеялся Юкка.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нью-Йорк	7
Первое утро в Нью-Йорке	10
Запах метро	12
Второй хостел	15
Немецкие близняшки и аппетитная китайка	17
Свои	21
Русский морс	28
Пляж	31
Музей	35
Пиво и мандала	42
Мы пытаемся торговать ресурсами собственных тел	47
Только вместе	51
Последнее утро Нью-Йорка	52
Работа найдена	57
«Близнецы»	60
Белки и вокзал	62
Ночь в автобусе	66
Гольф-клуб	67
Первые рабочие дни	69
День независимости	72
Последний день в райской долине	81

Первая ночь на обочине	83
Эшвилл – столица кантри	86
Хичхайкинг	91
Леди на «мерседесе»	95
Новый день	99
Письма родным и добрые советы	105
Господь здесь	108
Последняя ночь на дороге	111
Стройка	114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Один	123
Туда и обратно	128
Город Вильямсбург и обитатели	
«Джордж Вашингтон Инн»	131
Наступили будни	133
Первая любовь	136
Что нам нравилось, а что нет	140
Советы короля Киса	143
Стейк-хаус «Вестминстер»	147
На кухне	151
Семья	158
Супергерой Кис	161
Вздерните его	163
Комната триста семь	165
Вывоз мусора	167
Мишель	172
Инопланетяне	178

Странный денек	182
Кража в триста седьмой	186
Церковь	191
Шопинг	197
Ужин с семьей	199
В постели	210
Последний вывоз мусора	211
Терминатор	215
Победа	218
Неприятности	221
Дом с привидениями	223
Бар	224
Огонь	227
Свобода	234
Гуд бай, Америка	240

Александр Снегирев
КАК МЫ БОМБИЛИ АМЕРИКУ

Редактор С. Коровин. Художественный редактор А. Веселов. Корректор Е. Дружинина. Компьютерная верстка О. Леоновой.

Подписано в печать 22.05.07. Формат 76 x 92 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8. Тираж 3000 экз. Заказ 3367.

ООО «Издательство «К. Тублина».
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 14. Тел./факс 712-6706.
Отдел продаж: тел. 575-09-63. Тел./факс в Москве: (495) 648-1072.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, ул. Киришская, 2. Тел. 531-20-00.

Книги нашего издательства
вы можете заказать на сайте
www.limbus-press.ru

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Илья Бояшов ПУТЬ МУРИ

Эта книга – занимательный роман-притча. Ее автора без натяжки можно назвать Кустурицей в прозе. На фоне приключений обыкновенного кота Мури, потерявшего во время войны в Боснии своих хозяев и теперь вольно гуляющего по всей Европе, решаются весьма серьезные вопросы. Кит пересекает океан, лангусты бредут вереницей по морскому дну, арабский шейх на самолете без посадки облетает Землю, китаец идет по канату через пропасть... Есть ли цель у их пути, или ценен лишь сам путь? Будет ли путнику пристанище, или вечное скитание – удел всего живого?

Шорт-лист премии «Национальный бестселлер»

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:

в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Ксения Букша МАНОН ИЛИ ЖИЗНЬ

КСЕНИЯ БУКША – лучший писатель поколения двадцатилетних. Ее языковая свобода, богатство фантазии, сюжетная изобретательность, поэтичность описаний, убийственная ирония прогнозов превращают ее в надежду не только нашей, но и европейской прозы. Если бы Хлебников понимал что-нибудь в экономике, а Хармс с оптимизмом смотрел в будущее, то примерно так они бы и писали.

Дмитрий Быков

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:
в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Михаил Лялин СОЛДАТЫ АРМИИ ТРЭШ

Эта книга для тех, кто любит кровавые драмы. Герои романа Лялина – молодые люди, родившиеся в предместьях мегаполиса. Задавленные своей бедностью и равнодушием окружающих, они объявляют войну миру, в котором оказались чужими и ненужными. Они ненавидят большой город, ненавидят его жителей, убивают всех без разбора – имущих и неимущих, старых и молодых, – оправдывая свою жестокость пустой человеконенавистнической идеологией.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:

в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Владимир Медведев ОХОТА С КУКУЕМ

ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ – летописец невероятного мира, призрачного и реального одновременно. Этот мир сотворен не столько воображением, сколько силой поныне обитающего во всех нас первобытного ужаса перед тайнами бытия. Это попытка вызвать духов из бездны и дать им земные имена, чтобы мы, как волшебники, знающие имя беды, обрели власть над ней. Любую из этих завораживающе-мрачных историй невозможно не дочитать до конца, который всегда будет неожиданным. Автору неизменно удастся нас обмануть, но мы только благодарны ему за это.

Леонид Юзефович

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:

в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ВЫПУСК 2

Из всего многообразия молодежной прозы мы выбрали и поместили под эту обложку самые экстремальные тексты. Практически эта книга о кровавой войне, которую сегодня ведут между собой скины, рэперы, панки, мажоры, отцы, сыновья, дочери, матери, влюбленные и возлюбленные, – не разбирая возраста и пола. Денежкина отдыхает.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:
в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

Лимбус Пресс

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АНТОЛОГИЯ ПРОЗЫ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ВЫПУСК 3

Новых молодых авторов очередного, третьего, выпуска «Антологии прозы двадцатилетних», при всем их своеобразии, кроме возраста, объединяет еще нечто общее – они замечательные рассказчики. И это мы сделали главным принципом отбора рукописей. В литературу нужно въезжать на белом коне, которого участники этой антологии уже оседлали.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА ПРОДАЖ:

в Санкт-Петербурге

(812) 575-09-63, 712-67-06

в Москве

(495) 648-10-72

ЛИМБУС
ТЕЭН

Действие романа Александра Снегирева разворачивается в Америке, куда два московских студента отправляются на лето: один – «срубить бабки», другой – попутешествовать. Это динамичная авантюрная история, написанная живо и остро, с предельной откровенностью, на которую способен лишь настоящий талант.

Александр Снегирев – лауреат премии «Дебют» 2005. Роман «Как мы бомбили Америку» отмечен в 2007 году премией Союза писателей Москвы «Венец».

www.limbus-press.ru

ISBN 978-5-8370-0483-4

9 785837 004834